

DOI: 10.15507/2409-630X.064.020.202401 ISSN 2409-630X (Print),
ISSN 2618-916X (Online)

научный журнал

Экономическая история

Том
Vol. 20 № 1 / 2024

Scholarly journal

Russian Journal of Economic History

Сквозной номер выпуска – 64

Учредители / Издатели:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», 430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68;

ООО «ИнСтИтут» (Издательский центр Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва) 430905, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Бахтина, 19

Экспертный совет:

Научный совет РАН

по экономической истории;

Научно-образовательный центр

«Экономическая история Центральной России и Среднего Поволжья»

Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва;

Центр экономической истории

Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Подписной индекс

в каталоге «ПРЕССА РОССИИ» – 43075

Издается с июня 2005 года

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:

430005, г. Саранск,

ул. Большевистская, 68, оф. 411,

Историко-социологический институт

Тел.: (8342) 24-25-90; 27-07-11

Факс: (8342) 24-25-90

E-mail: jurnal-econom-hist@isi.mrsu.ru

<http://jeh.isi.mrsu.ru/>

Continuous issue – 64

Founders / Publishers:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

«National Research

Ogarev Mordovia State University»

68, Bolshevistskaya St., 430005, Saransk,

Republic of Mordovia, Russia;

LLC «InStItute» (Publishing Center of History and Sociology Institute of National Research

Ogarev Mordovia State University)

19, Bakhtin St., 430905, Saransk,

Republic of Mordovia, Russia

Expert board:

Scientific Council of RAS on economic history;

Research and Educational Center

«The Economic History of Central Russia

and the Middle Volga region»

of National Research Ogarev Mordovia State

University; Center of Economic History

of Lomonosov Moscow State University

Subscription index

in catalog of agency «RUSSIAN PRESS» – 43075

Published since June 2005

Publication frequency: quarterly

Editorial office:

68, Of. 411, Bolshevistskaya St., 430005,

Saransk, Republic of Mordovia, Russia

History and Sociology Institute

Telephone: (8342) 24-25-90; 27-07-11

Fax: +7 (8342) 24-25-90

E-mail: jurnal-econom-hist@isi.mrsu.ru

<http://jeh.isi.mrsu.ru/>

Журнал «Экономическая история»
входит в Перечень российских рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные результаты
диссертаций на соискание ученой степени
кандидата и доктора наук

Журнал включен в базу НЭБ eLIBRARY.RU
и проект РИНЦ (сублицензионный договор
№ 143-07 / 2010 от 19.07.2010 г.);
в базу данных Ulrich's Periodicals Directory
американского издательства Bowker

Материалы журнала размещены
по адресу: <http://elibrary.ru/default.asp>

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-48742
от 28 февраля 2012 г.

При перепечатке ссылка на журнал
«Экономическая история» обязательна

Точка зрения редакции может не совпадать
с мнением авторов статей

Компьютерная верстка
и художественное оформление
Г. Н. Давыдовой
Редактор *Е. В. Савойская*
Перевод *А. А. Сомкина*

Территория распространения –
Российская Федерация, зарубежные страны

Подписано в печать 22.03.2024.
Дата выхода в свет 30.03.2024.
Формат 70 × 108 1/16.
Усл. печ. л. 8,05
Тираж 300 экз. (1-й завод – 100 экз.)
Заказ № 169.
Цена свободная

Адрес типографии
Типография Издательства
Мордовского университета
430005, Мордовия, г. Саранск,
ул. Советская, 24

The journal «Russian Journal of Economic History»
is listed in the catalogue
of peer-reviewed academic journals
and publications for publishing
of principal scientific findings
of dissertations

The journal is indexed and archived by:
Russian Index of Scientific Citations (sublicense
contract № 143-07/2010 19.07.2010)
Ulrich's Periodical directory database of the
American Publishing House «Bowker»

The materials of the journals are available at:
<http://elibrary.ru/default.asp>

The journal is registered by the Federal Service
for supervision of communications, information
technology, and mass media (certificate
of registration PI № FS77-48743
of February 28, 2012)

Before reprinting the reference
to the journal «Russian Journal of Economic
History» is obligatory

The opinion of editorial staff may not coincide with
the publishing author

Desktop publishing
and graphic design by
G. N. Davydova
Editor *E. V. Savojskaja*
Translation *A. A. Somkin*

Distributed in Russian Federation
and foreign countries

Signed to print 22.03.2024.
Date of publishing 30.03.2024.
Sheet size 70 × 108 1/16.
Conventional printed sheets 8,05
Number of copies 300 (1 plant – 100)
Order No. 169.
Free price

Address printing
Ogarev Mordovia
State University Printshop
24, Sovetskaya St., 430005, Saransk,
Republic of Mordovia, Russia

Редакционный совет

Арсентьев Николай Михайлович – *главный редактор*, член-корреспондент РАН, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>, direktor_isi@bk.ru (Саранск, Россия)

Бородкин Леонид Иосифович – *главный редактор*, член-корреспондент РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-1938>, lborodkin@mail.ru (Москва, Россия)

Марискин Олег Иванович – *заместитель главного редактора*, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, mariskinoi@mail.ru (Саранск, Россия)

Давыдова Галина Николаевна – *ответственный секретарь*, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1716-9518>, galada@list.ru (Саранск, Россия)

Алексеев Вениамин Васильевич – академик РАН, директор Института истории и археологии УрО РАН, istor@uran.ru, iia-history@mail.ru (Екатеринбург, Россия)

Арсентьев Виктор Михайлович – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9828-7198>, vicars@bk.ru (Саранск, Россия)

Баржо Доминик – профессор, Университет Париж IV Сорбонна (Париж, Франция)

Бибиков Михаил Вадимович – доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, mbibikov@mail.ru (Москва, Россия)

Глушко Дмитрий Евгеньевич – кандидат педагогических наук, ректор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Россия)

Гуансян Чжан – профессор Цзилиньского университета, zgxlcc2002@aliyun.com (Чанчунь, Китайская Народная Республика)

Демчик Евгения Валентиновна – доктор исторических наук, декан исторического факультета Алтайского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6218-447X>, demtchikev@mail.ru (Барнаул, Россия)

Запарий Владимир Васильевич – доктор исторических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3326-4796>, vvzap@mail.ru (Екатеринбург, Россия)

Карпов Сергей Павлович – академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, spkarp1204@yandex.ru, karпов@hist.msu.ru (Москва, Россия)

Керов Валерий Всеволодович – доктор исторических наук, Высшая школа экономики, vvkerov@gmail.com (Москва, Россия)

Леонард Кэрл Скотт – профессор, Оксфордский университет, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Академия народного хозяйства и государственной службы, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7383-9777>, carol.scott.leonard@gmail.com (Великобритания; Москва, Россия)

Лизунов Павел Владимирович – доктор исторических наук, Северодвинский филиал Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6658-8500>, pavelvl@mail.ru (Северодвинск, Россия)

Макушев Анатолий Афанасьевич – доктор исторических наук, начальник Департамента управления делами Пенсионного фонда Российской Федерации, amakushev@100.pfr.ru (Москва, Россия)

Петров Юрий Александрович – доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН, dir_iri_ran@mail.ru (Москва, Россия)

Поткина Ирина Викторовна – доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0593-338X>, potka@inbox.ru (Москва, Россия)

Саломатина Софья Александровна – кандидат исторических наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0748-6229>, ssalomatina@gmail.com (Москва, Россия)

Сенявский Александр Спартакович – доктор исторических наук, Институт экономики РАН, senyavsy@yandex.ru (Москва, Россия)

Хьерппе Риитта – профессор, почетный президент Международной ассоциации экономической истории, riitta.hjerppe@helsinki.fi (Хельсинки, Финляндия)

Editorial Council

Nikolay M. Arsenyev – Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, the Honored Scientist of the Republic of Mordovia, *Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>, direktor_isi@bk.ru (Saransk, Russia)

Leonid I. Borodkin – Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Historical Informatics, Lomonosov Moscow State University, *Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-1938>, lborodkin@mail.ru (Moscow, Russia)

Oleg I. Mariskin – Doctor of History, Professor, Department of Economic History and Information Technologies, National Research Ogarev Mordovia State University, *Deputy Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, mariskinoi@mail.ru (Saransk, Russia)

Galina N. Davydova – Senior Lecturer, Department of Economic History and Information Technologies, National Research Ogarev Mordovia State University, *Assistant Editor*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1716-9518>, galada@list.ru (Saransk, Russia)

Veniamin V. Alekseev – Academician, Russian Academy of Sciences, Director, Institute of History and Archeology, the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, istor@uran.ru, iia-history@mail.ru (Ekaterinburg, Russia)

Viktor M. Arsenyev – Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9828-7198>, vicars@bk.ru (Saransk, Russia)

Dominik Barjo – Professor, the University of Paris IV (Paris, France)

Mikhail V. Bibikov – Doctor of History, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, mbibikov@mail.ru (Moscow, Russia)

Dmitriy E. Glushko – Candidate of Pedagogics, Rector, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russia)

Chzhan Guansjan – Professor, Tsilin University, zgxlcc2002@aliyun.com (Changchun, China)

Evgenya V. Demchik – Doctor of History, Dean, Faculty of History, Altai State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6218-447X>, demtchikev@mail.ru (Barnaul, Russia)

Vladimir V. Zapariy – Doctor of History, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3326-4796>, vvzap@mail.ru (Ekaterinburg, Russia)

Sergey P. Karpov – Academician, Russian Academy of Sciences, Dean of Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, spkarp1204@yandex.ru, karpov@hist.msu.ru (Moscow, Russia)

Valeriy V. Kerov – Doctor of History, National Research University Higher School of Economics, vvkerov@gmail.com (Moscow, Russia)

Carol Scott Leonard – Professor, Oxford University, National Research University Higher School of Economics, Academy of National Economy and Public Administration, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7383-9777>, carol.scott.leonard@gmail.com (Great Britain; Moscow, Russia)

Pavel V. Lizunov – Doctor of History, the Severodvinsk branch of Lomonosov Pomorian State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6658-8500>, pavelvl@mail.ru (Severodvinsk, Russia)

Anatoliy A. Makushev – Doctor of History, Head of Administration of the Pension Fund of the Russian Federation, amakushev@100.pfr.ru (Moscow, Russia)

Yuriy A. Petrov – Doctor of History, Director, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, dir_iri_ran@mail.ru (Moscow, Russia)

Irina V. Potkina – Doctor of History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0593-338X>, potka@inbox.ru (Moscow, Russia)

Sof'ya A. Salomatina – Candidate of History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0748-6229>, ssalomatina@gmail.com (Moscow, Russia)

Aleksandr S. Senyavskiy – Doctor of History, Institute of Economics Russian Academy of Sciences, senyavsy@yandex.ru (Moscow, Russia)

Riitta Hjerppe – Professor, University of Helsinki, Department of Political and Economic Studies, the Honoured President of the International Association on Economic History, riitta.hjerppe@helsinki.fi (Helsinki, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ

О. В. Кошина
**УРОВЕНЬ ЖИЗНИ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛ В РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.
(НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ) 9**

О. Н. Кузнецова
**АЛЕКСАНДР ЕМЕЛЬЯНОВИЧ ЛОСИЦКИЙ (1869–1944).
ИССЛЕДОВАНИЯ ПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И СТАТИСТИКА
ПЛАНИРОВАНИЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РОССИИ НАЧАЛА XX в. 20**

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

В. А. Некрасов, Д. С. Плохой, И. А. Чуканов
**РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КРЕДИТНО-ФИНАНСОВЫХ
УЧРЕЖДЕНИЯХ В XIX в. (НА МАТЕРИАЛАХ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ) 28**

Д. П. Самородов
**СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В ГОДЫ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ) 44**

Л. М. Колбина, А. С. Осокина
**ПЧЕЛОВОДСТВО УДМУРТСКОЙ АССР
В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ Л. И. БРЕЖНЕВА
НА ПРИМЕРЕ КОЛХОЗА «РОССИЯ» 57**

Т. И. Щербакова
МОРДОВСКАЯ АВТОНОМИЯ В ЛАБИРИНТАХ МОДЕРНИЗАЦИИ 67

РЕЦЕНЗИИ

В. В. Запарий
**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
Р. В. КУЗНЕЦОВА, В. Н. КУЗНЕЦОВ, О. Ю. ЖАРКОВ, Н. А. АНТИПИН
«ИГОРЬ КУРЧАТОВ: УРАЛЬСКИЙ СЛЕД В НАУКЕ» 80**

А. А. Сомкин
**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
Р. ЦИТЕЛЬМАНН «КАПИТАЛИЗМ НЕ ПРОБЛЕМА, А РЕШЕНИЕ.
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ПЯТИ КОНТИНЕНТОВ» 85**

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ 91

CONTENT

ECONOMIC WELL-BEING

Olga V. Koshina

**THE STANDARD OF LIVING OF PRIMARY SCHOOL TEACHERS IN RUSSIA
IN THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURIES
(ON THE MATERIALS OF THE MIDDLE VOLGA REGION) 9**

Olga N. Kuznetsova

**ALEXANDER YEMELYANOVICH LOSITSKY (1869–1944).
PROBLEMS OF PLANNING STATISTICS IN AGRICULTURE AND FOOD
BALANCES IN THE RUSSIAN ECONOMY OF THE EARLY 20th CENTURY 20**

REGIONAL HISTORY

Veniamin A. Nekrasov, Dmitry S. Plokhoy, Ivan A. Chukanov

**INVESTIGATION OF CRIMES IN FINANCIAL INSTITUTIONS
IN THE 19th CENTURY (BASED ON MATERIALS
OF THE SIMBIRSK PROVINCE) 28**

Dmitry P. Samorodov

**THE SPECIFICS OF THE DEVELOPMENT OF CONSUMER
COOPERATION DURING THE FIRST WORLD WAR
(BASED ON THE MATERIALS OF THE UFA PROVINCE) 44**

Lidia M. Kolbina, Anastasia S. Osokina

**THE BEEKEEPING OF THE COLLECTIVE FARM “RUSSIA”
OF THE UDMURT ASSR DURING THE RULING OF L. I. BREZHNEV 57**

Tatyana I. Shcherbakova

MORDOVIAN AUTONOMY IN THE LABYRINTHS OF MODERNIZATION 67

THE REVIEWS

Vladimir V. Zapariy

THE REVIEW ON THE MONOGRAPH:

**R. V. KUZNETSOVA, V. N. KUZNETSOV, O. Yu. ZHARKOV, N. A. ANTIPIN
“IGOR KURCHATOV: THE URAL TRACE IN SCIENCE” 80**

Aleksandr A. Somkin

THE REVIEW ON THE MONOGRAPH:

**R. ZITELMANN “CAPITALISM IS NOT A PROBLEM, IT IS SOLUTION.
THE JOURNEY THROUGH THE MODERN HISTORY OF THE FIVE CONTINENTS” 85**

CONDITIONS AND ORDER OF ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS 92

ISSN 2409-630X (Print), ISSN 2618-916X (Online)

DOI: 10.15507/2409-630X.064.020.202401.009-019

УДК 371.1:373.3:94(470)''19/''

О. В. Кошина

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: koshinaolga@rambler.ru

Уровень жизни учителей начальных школ в России во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Среднего Поволжья)

Аннотация

Введение. 2023 г. был объявлен Президентом России Годом педагога и наставника. Ключевая роль личности учителя в образовании сохраняется не только в области передачи знаний и компетенций, но и в воспитании молодежи. Уровень жизни педагогов, наряду с другими факторами, влияет на качество образования, престиж профессии, результативность социального взаимодействия в школе. Поэтому важно исследование уровня и качества жизни учителей в разные исторические периоды.

Материалы и методы. Социокультурный подход позволил рассмотреть уровень жизни педагогов начальных школ Среднего Поволжья в широком социально-экономическом и историко-культурном контексте, с учетом социальных, экономических, демографических, культурных факторов развития начального образования во второй половине XIX – начале XX в.

Результаты исследования. Уровень жизни учителей начальных школ Среднего Поволжья во второй половине XIX в. характеризовался низким жалованием, отсутствием или плохим качеством жилья, тяжелыми условиями труда. Относительный рост уровня жизни учителей начальных школ в начале XX в., по сравнению с первыми пореформенными десятилетиями (рост жалования, появление пенсий, наград, некоторых привилегий) стимулировал представителей низших сословий – крестьян и мещан – посвятить свою жизнь педагогическому труду. Нехватка учителей оставалась проблемой в системе начального образования вплоть до революции 1917 г. Рост числа педагогов не успевал за ростом количества начальных училищ. Уровень жизни учителей начальных школ оставался невысоким, сохранялся отток опытных педагогических кадров из школы.

Обсуждение и заключение. Уровень жизни педагога зависел от места службы, ведомственной принадлежности школы, преподаваемого предмета, опыта работы. В начале XX в. уровень жизни учителей начальных училищ вырос: они получили статус государственных служащих, скромную пенсию, право на награды и некоторые льготы (освобождение от воинской службы в мирное время, от подушной подати и обязанностей присяжного заседателя, компенсацию за съемное жилье и право на награды). Уровень жизни учителей постепенно поднимался благодаря усилиям Министерства народного просвещения, земств, городского самоуправления и обществ взаимопомощи учителей.

© Кошина О. В., 2024

Ключевые слова: начальная школа, учитель, уровень жизни, Среднее Поволжье, жалование, пенсия, награды.

Для цитирования: Кошина О. В. Уровень жизни учителей начальных школ в России в конце XIX – начале XX в. (на материалах Среднего Поволжья) // Экономическая история. 2024. Т. 20, № 1. С. 9–19. DOI: 10.15507/2409-630X.064.020.202401.009-019.

Olga V. Koshina

National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),
e-mail: koshinaolga@rambler.ru

The Standard of Living of Primary School Teachers in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (On the Materials of the Middle Volga Region)

Abstract

Introduction. 2023 was declared by the President of Russia as the Year of the Teacher and Mentor. The key role of the teacher's personality in education remains not only in the field of transferring knowledge and competencies, but also in educating young people. The standard of living of teachers, along with other factors, influences the quality of education, the prestige of the profession, and the effectiveness of social interaction at school. Therefore, it is important to study all aspects of the standard of living of primary school teachers.

Materials and Methods. The sociocultural approach made it possible to consider the standard of living of primary school teachers in the Middle Volga region in a broad socio-economic and historical-cultural context, taking into account social, economic, demographic, and cultural factors in the development of primary education in the second half of the 19th – early 20th centuries.

Results. The standard of living of primary school teachers in the Middle Volga region in the second half of the 19th century accompanied by low wages, absence or poor quality of housing, and difficult working conditions. The relative increase in the standard of living of primary school teachers at the beginning of the 20th century, compared with the first post-reform decades (increased salaries, the emergence of pensions, awards, some privileges) stimulated representatives of the lower classes (peasants and bourgeois) to devote their lives to teaching work. But the shortage of teachers remained a problem in the primary education system until the 1917 revolution. The increase in the number of teachers did not keep pace with the increase in the number of primary schools. The standard of living of primary school teachers remained low, and the outflow of experienced teaching staff from schools continued.

Discussion and Conclusion. The standard of living of a teacher depended on the place of service, the departmental affiliation of the school, the subject taught, and work experience. At the beginning of the 20th century, the standard of living of primary school teachers increased: they received the status of civil servants, a modest pension, the right to awards and some benefits (exemption from military service in peacetime, from the poll tax, jury duty), small compensation for rented housing and right to awards. The standard of living of teachers gradually rose thanks to the efforts of the Ministry of Public Education, zemstvos, city governments and teachers' mutual aid societies.

Keywords: elementary school, teacher, standard of living, Middle Volga region, salary, pension, awards.

For citation: Koshina O. V. The Standard of Living of Primary School Teachers in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (On the Materials of the Middle Volga Region). *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2024; 20(1): 9–19. (In Russ.). DOI: 10.15507/2409-630X.064.020.202401.009-019.

Введение

Актуальность темы обусловлена тем, что в современном образовательном пространстве сохраняется ключевая роль личности учителя не только в развитии знаний, умений, компетенций, но и в воспитании детей.

В профессиональном стандарте педагога, разработанном в РФ в 2012 г. и введенном в 2014 г., сказано, что «педагог – это ключевая фигура реформирования образования» [11, с. 85]. 2023 г. был объявлен Президентом России Годом педагога и наставника.

Уровень жизни учителей, наряду с другими факторами, влиял и влияет на качество образования, престиж профессии, результативность социального взаимодействия в школе. Начальная школа являлась и является важнейшим после семьи социальным институтом, выполняющим, помимо образовательной и воспитательной, функцию социализации детей. В ней формируются механизмы трансляции традиционных ценностей и жизненных смыслов от педагогов к ученикам.

Понятие «уровень жизни» в современной экономике и социологии соотносят с понятиями «уровень благосостояния», «качество жизни». Они включают такие критерии: продолжительность жизни, экологические условия, социальное окружение, качество жилья, питания, возможности человека по поддержанию здоровья, бытового и психологического комфорта, качественного отдыха и удовлетворения культурных и духовных потребностей.

Организация Объединенных Наций рекомендовала следующий перечень критериев уровня жизни: рождаемость, смертность, продолжительность жизни, санитарно-гигиенические условия, уровень потребления продовольствия, жилищные условия, возможности получения образования и использования достижений культуры, условия труда и уровень занятости, баланс доходов и расходов, обеспеченность транспортом, возможности для отдыха и пользования системой социального обеспечения, обеспечение прав и свобод человека.

Исторические источники и литература по истории образования позволяют выявить некоторые из названных критериев уровня жизни учителей начальных школ

во второй половине XIX – начале XX в. на примере сведений об уровне жизни учителей начальных школ Среднего Поволжья. В статье приводятся и данные об уровне жизни учителей других районов Российской империи (Московской, Тульской, Вятской губерний, Карелии). Для сравнения приведены сведения об уровне смертности учительства начальных школ в Германии и Англии.

Документы региональных архивов содержат данные о размере жалованья, пособиях, пенсиях, наградах и званиях учителей¹, статистические сборники по истории начальных школ в Российской империи позволяют получить сведения о доходах, обеспеченности жильем и других параметрах уровня жизни педагогов². Информация об уровне жизни учителей встречается в периодике и мемуарах изучаемого периода [6; 12]. Правовые документы в сфере образования показывают, как регламентировался юридический статус педагогов³.

Исследовать уровень жизни учителей во второй половине XIX – начале XX в. начали педагоги, публицисты, общественные деятели изучаемого периода, будучи современниками событий и субъектами системы образования, часто испытывая на себе недостатки социального положения педагога. Они изучали эту проблему с целью найти пути ее решения, способы повышения уровня жизни учителей [7–9; 11].

Современные исследователи истории школьного образования в России также нередко обращаются к проблеме уровня жизни педагогов начальных училищ во второй половине XIX – начале XX в.: Т. А. Вепренцева в статье «Материальное положение учителей и врачей в российской провинции

¹ ГАПО (Государственный архив Пензенской области). Ф. 81. Оп. 1. Д. 656; ГАУО (Государственный архив Ульяновской области). Ф. 768. Оп. 1. Д. 32; ЦГАСО (Центральный государственный архив Самарской области). Ф. 360. Оп. 37. Д. 6.

² См.: Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 г. Диаграммы и картограммы к итогам по Империи / ред. В. И. Покровского. Петроград, 1916.

³ См.: Правила для специальных испытаний на звание учителя и учительницы высшего начального училища. Утверждены 18 Декабря 1913 г. Министерством народного просвещения Кассо // Меленевский. Высш. нач. уч-ща. СПб., 1914. С. 163–169.

во второй половине XIX – начале XX веков» [1]; Ю. Е. Железнякова в монографии о земской школе Казанской губернии [2]; О. П. Илюха в научном очерке о повседневной жизни сельских учителей и школьников Карелии в конце XIX – начале XX в. [5]; И. В. Сучков в статье о социальном статусе учительства на рубеже XIX–XX вв. [13]; Е. И. Сумбунова в статье «Материально-бытовое положение учащихся педагогических учебных заведений Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.» [12]; Р. Р. Сайфуллова в статье «Профессиональные характеристики учителей в Российской империи во второй половине XIX в.» [11]. А. Л. Романов в статье «Повседневная жизнь русского сельского учителя конца XIX – начала XX веков», опубликованной в ежегоднике «Социальная история» в 2011 г., подверг анализу повседневные жизненные практики сельских педагогов России на основе эго-документов (воспоминаний учителей) [10]. Работы И. В. Зубкова [3] и Н. А. Ивановой [4] дают представление о работе обществ взаимопомощи учителей, старающихся помочь педагогам в решении материальных, бытовых, правовых проблем, с которыми они сталкивались в изучаемый период.

Материалы и методы

Методологической парадигмой исследования является социокультурный подход, позволяющий рассматривать уровень жизни, социальное положение и профессиональную деятельность учителей в широком социокультурном контексте, с учетом социально-экономических, социально-демографических, историко-культурных факторов развития образования. Анализируются размер жалования учителей начальных школ, дополнительные источники их доходов, наличие и качество жилья, бытовые условия, возможности заботиться о здоровье, растить собственных детей и давать им образование.

Результаты исследования

Во второй половине XIX – начале XX в. в ходе реформы образования правительством Александра II была образована ши-

рокая сеть бесплатных начальных школ для всех сословий. Созданием и содержанием начальных школ занимались разные государственные структуры, ведомства и общественные институты: Святейший синод, Министерство народного просвещения, Министерство внутренних дел, Военное министерство, Ведомство учреждений Императрицы Марии, земства, городские думы, сельские общества и частные лица. Потребность в учителях для начальных школ была высокой, поскольку дать азы грамотности было необходимо многомиллионной массе освобожденных от крепостной зависимости крестьян разных категорий и другим сословиям, лишенным до этого времени возможности получать образование.

В связи с этим учителя начальных школ составляли наиболее массовый слой педагогического сообщества России. Все участники образовательного процесса: правительство, интеллигенты в земствах, консервативные и радикальные политические деятели – говорили о громадной роли учителя в реализации своих образовательных проектов; однако, несмотря на это, он оставался одним из самых недооцененных людей своего времени как по размеру получаемого жалования, так и по социальному статусу [10, с. 156].

Подавляющее большинство учителей были выходцами из семей крестьян, духовенства, мещан, нижних воинских чинов, обедневших дворян, обладающих невысоким уровнем жизни. В 1856 г. в народных училищах Вятской губернии было 67 % учителей из семей священнослужителей и 33 % светских учителей. В 1887/88 учебном году среди учителей духовенство составляло 39 %, дворяне, чиновники и почетные граждане – 36, купцы, мещане, крестьяне, солдаты – 25 % [11, с. 86].

Поэтому невысокий уровень жизни этой категории учительства закладывался еще в юности, при получении ими педагогического образования. Он был обусловлен невысоким достатком родителей. Исследуя материальные и бытовые условия учеников педагогических учебных заведений Самар-

ской губернии во второй половине XIX – начале XX в., Е. И. Сумбутова выяснила, что они определялись главным образом финансовым состоянием их родителей и отчасти стипендиальным фондом учебных заведений. Стипендии в педагогических учебных заведениях составляли от 100 до 200 руб. в год. Этих денег хватало только на оплату жилья и питания [12, с. 11].

Частные стипендии в педагогических учебных заведениях встречались редко. В женской учительской школе могло быть от трех до шести стипендий в год [12, с. 13]. Они, как правило, незначительно превышали по размеру казенные стипендии. Условием получения казенной, а иногда и частной стипендии было обязательство после окончания педагогического учебного заведения отработать несколько лет учителем.

В изучаемый период большую роль в материальной поддержке будущего учителя сыграли земства многих губерний, которые с 1870-х гг. стали назначать стипендии обучающимся. Исследователи отмечают, что с ростом количества земских стипендий вырос и процент учениц-крестьянок в педагогических учебных заведениях [12, с. 13].

Одним из важнейших критериев уровня жизни является наличие жилья. Сложнее всего приходилось воспитанникам учебных заведений, при которых не было общежития. Учащимся приходилось снимать жилье. Большая часть средств учеников уходила на оплату квартиры или комнаты. Нередко они уже не могли купить одежду. В ряде учебных заведений вынуждены были вводить правила, по которым учащиеся при поступлении должны были привозить с собой определенный набор одежды. Например, ученики Самарской церковно-учительской школы должны были иметь при себе пальто, два костюма, три пары белья, сапоги и галоши. Воспитанников второклассных школ обязывали приобретать свою постель [12, с. 14].

В связи с низким достатком родителей учащиеся педагогических учебных заведений искали источники дополнительного

заработка: пение в церковном хоре, переписывание бумаг в учреждениях, работа в библиотеках, услуги по переплету книг и т. д. Уверенные в своих знаниях ученики давали частные уроки.

Низкий уровень жизни и сложные материально-бытовые условия делали здоровье учащихся педагогических учебных заведений слабым. Духота и скученность в классах вызывали головные боли, плохо отапливаемое жилье приводило к простудам. Среди учащихся отмечались вспышки заболеваний. В начале XX в. в Самарском учительском институте были случаи заболевания тифом. Однако, за исключением учительских институтов, штатное расписание педагогических учебных заведений не предусматривало врача [12, с. 15].

Проблемы со здоровьем были характерны и для многих учителей начальных школ. Они были следствием тяжелых материально-бытовых условий их жизни и работы. Г. Пузыревский, автор статьи «Назревшие вопросы» в журнале «Вестник воспитания», в 1897 г. писал: «Я как сейчас вижу одного учителя Дмитровского уезда Московской губернии, который служит уже более 25 лет. Какая-то застарелая болезнь горла (всевозможные горловые и грудные болезни обыкновенный бич педагогов) сделала то, что он совсем потерял голос и только с большим трудом говорит шепотом. По окончании учебного года ему нужно оставить место, а между тем его семья состоит из 8 человек» [9, с. 95].

Во многих губерниях в связи со сложным материально-бытовым положением будущих учителей открывались общества по оказанию помощи воспитанникам педагогических учебных заведений. Они оплачивали обучение воспитанников, выдавали книги и учебные пособия, одежду, еду, устраивали учеников в общежития.

Получение должности учителя кардинально не меняло уровень жизни выпускников педагогических учебных заведений. Правда, их доходы в разных регионах империи и в школах различных ведомств могли отличаться на порядок. Размер жалования

учителя начальной школы зависел от ведомственной принадлежности училища: в конце XIX в. педагоги министерских училищ получали годовое жалование в среднем около 360 руб.; педагоги земских училищ могли зарабатывать от 240 до 480 руб. в год в зависимости от губернии; учителя церковно-приходских училищ получали в среднем около 170 руб. годового дохода. Законоучителя в конце 1880-х гг. получали за свои труды в среднем всего 60 руб. в год [2, с. 145]. Однако следует понимать, что для законоучителя-священника жалование было лишь дополнительным заработком. Основной доход он получал от исполнения непосредственных обязанностей в приходе.

В народных школах оплата труда учителей-мужчин была в среднем выше, чем учителей-женщин, хотя уже к концу XIX в. до 80 % учительского сословия, особенно в сельской местности, составляли женщины. По словам А. Л. Романова, «в русской деревне активно происходила феминизация учительского персонала» [10, с. 159]. Городские педагоги получали в среднем больше, чем сельские. Содержание школ ложилось в основном на земства, городские думы, сельские и городские общества, поэтому заработная плата учителей зависела от состоятельности местного населения.

В начале XX в. материальное положение учителей начальных школ существенно не изменилось. В 1904 г. около 47 % земских учителей Казанской губернии получали жалование от 240 до 299 руб. в год, а 27 % – от 300 до 399 руб. Около 3 % учителей зарабатывали 400 руб. и выше, 16 % получали менее 240 руб. в год [2, с. 153]. При этом по закону 3 мая 1908 г. минимальный размер годового жалования учителей составлял 360 руб.

Некоторые земства с целью материальной поддержки учителей и снижения текучести кадров платили учителям в своих

школах «третье жалование». Например, в 1886 г. в одном из начальных училищ Самарской губернии было «выплачено третьное не в зачет жалование (от 330 руб. – 110 руб.) из положенного по штату уездных училищ содержания»⁴. Были и надбавки или пособия учителям за стаж работы или за особые успехи (от 15 до 35 руб. в год)⁵.

В 1913 г. надбавки за каждые пять лет службы в школе были официально утверждены, хотя ряд земств практиковал их с конца XIX в. Поверх жалования стали оплачиваться уроки пения, ремесла, занятия садоводством и огородничеством с учениками [5, с. 24].

Однако размер учительского жалования был недостаточным для поддержания достойного уровня жизни в начале XX в., особенно в семьях с детьми. В многодетной учительской семье нередко работал только отец. Если он служил народным учителем, питание состояло из овощей и хлеба. Мясо и молоко появлялись на столе всего несколько раз в году. Известны случаи, когда учительские семьи брали продукты питания в долг.

Г. Пузыревский в 1897 г. писал: «Всякая педагогическая деятельность вообще, а работа народным учителем в особенности, так вредно влияет как на физическую, так и на психологическую природу человека, что лицо, прослужившее лет 20–25, за очень небольшим исключением, уже окончательно теряет силы и здоровье» [9, с. 96].

Неудивительно, что преподавателями начальных школ работали преимущественно незамужние девушки 19–25 лет (80 % от всего педагогического состава) или неженатые молодые люди до 30 лет (86 %)⁶, которые с обретением семьи старались найти более доходное место, чем школа. Преобладание холостых и незамужних педагогов над семейными было следствием материальной необеспеченности учителей [1, с. 161].

⁴ ЦГАСО. Ф. 360. Оп. 37. Д. 6. Л. 20.

⁵ ГАПО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 656. Л. 5.

⁶ См.: Статистический временник Российской империи. Сер. 3. СПб., 1884. Вып. 4. С. 208–210.

Проблему низкого уровня жизни учителей начальных школ часто поднимали авторы статей в педагогических изданиях и периодической печати во второй половине XIX – начале XX в. Пензенские губернские ведомости в 1900 г. сообщали о проблеме недостаточности средств учителей для воспитания собственных детей: «Скучного вознаграждения, которое получает учитель за свой тяжелый труд, бывает часто едва достаточно для существования семьи. Образование же детей и необходимое содержание их в городе представляется для огромного большинства учителей делом невозможным, и поэтому их дети, лишенные надлежащей подготовки к трудовой жизни, обречены большей частью на жалкое существование»⁷. Многие общественные деятели, педагоги второй половины XIX – начала XX в. высказывали пожелание о создании возможности бесплатного обучения детей учителей [9, с. 99].

Большинство учителей из крестьян и мещан не хотели, чтобы их дети вернулись в социальную среду родителей. Поэтому старались, несмотря на все препятствия, дать им образование в надежде повысить их социальный статус. Учительское место было предпочтительнее крестьянских занятий, особенно для малоземельных крестьян. В силу гендерного неравенства и низкой степени женской эмансипации мальчикам возможно было найти более доходное место, а для девочек из крестьянских семей работа в сельской школе составляла предел их возможностей найти работу.

Оклад городских учителей начальных школ в 1911 г. поднялся в среднем до 528 руб. в год, в селах – в среднем до 343 руб. Жалованье могли не выплатить вовремя, задержать на несколько месяцев [13, с. 64]. Педагоги начальных школ, особенно в сельской местности, пытались компенсировать низкое жалованье занятием натуральным хозяйством. Они имели приуса-

дебный участок, занимались садоводством, пчеловодством, ремеслами, рукоделием.

Невысокие доходы учителей провоцировали текучесть кадров; стаж работы в одной школе у половины из них составлял менее 10 лет [13, с. 65]. Учителя меняли профессию, место службы или с менее оплачиваемой должности учителя церковно-приходской школы старались попасть на сравнительно более высокооплачиваемую должность педагога земской или министерской школы. Высокая текучесть кадров негативно отражалась на уровне образования и опыта, которым обладали только что пришедшие в школу молодые педагоги. Учителя мало занимались самообразованием, редко повышали квалификацию из-за недостатка средств. Общий культурный уровень учительства был невысоким. В качестве типичного ответа на вопрос о возможности его повысить Т. А. Вепренцева приводит ответ учителя из Тульской губернии: «О книгах, журналах и газетах стараюсь не думать, чтобы не расстраивать себя, так как приобрести их нет средств» [1, с. 161].

В журнале «Вестник воспитания» в 1898 г. были опубликованы результаты опроса около 500 учителей Московской губернии о том, что читают учителя сельских школ. Выяснилось, что 35 % учителей не имели дома собственных книг и не выписывали журналы и газеты. 58 % педагогов имели небольшую библиотеку (до 50 книг), состоящую преимущественно из беллетристики (59 %) и книг богословского содержания (7 %). Научные сочинения составляли 13 %, педагогические – 11 % книг [8, с. 117–118].

Одним из важных показателей уровня жизни, как было сказано выше, является наличие или отсутствие жилья. По Однодневной переписи начальных школ Российской империи, в 1911 г. 64 % учителей жили при училище; 16 – на стороне (получали деньги на оплату жилья); 21 % снимали жилье самостоятельно и не получали денег на оплату съемного жилья⁸.

⁷ Пензенские губернские ведомости. 1900. № 8. С. 25.

⁸ См.: Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 г. Диаграммы и картограммы к итогам по Империи. С. 2.

Если в 1860–1880-е гг. учителя состояли преимущественно из местных жителей, то в начале XX в. чаще всего учитель был приезжим («пришлым») из другого уезда или из соседней губернии⁹. У приезжего учителя, как правило, не было собственного дома или квартиры. Педагог снимал комнату у местных жителей или жил при школе (в комнате, отгороженной перегородкой от классной комнаты, прямо в классе или в соседнем вспомогательном помещении). Такие здания нередко плохо отапливались, ответственность за их содержание лежала на сельских обществах, у которых не было достаточных средств на дрова. Школу отапливали только во время учебы, когда там находились дети. После окончания учебного дня на отоплении старались экономить [1, с. 161].

С 1880-х гг. некоторые земства стали выделять учителям средства на съем жилья. Однако, оставляя службу учителем, педагог лишался служебного жилого помещения. В начале XX в. были предусмотрены также выплаты педагогам на питание и коммунальные платежи [2, с. 156].

Условия, в которых работал учитель, качество его рабочего места также были далеки от комфортных. Специально предназначенное и оборудованное под занятия с детьми школьное здание было далеко не у всех начальных учебных заведений, особенно в сельской местности. Занятия проводились и в церковных сторожках, и во флигелях, выделенных под школу местным самоуправлением. Учебные классы нередко были тесными, плохо отапливаемыми, сырыми. Высокая продолжительность рабочего дня (5–6 ч в день) была обусловлена стремлением учителя заработать дополнительные средства на жизнь [1, с. 162].

Для сравнения приведем данные об уровне смертности (одном из показателей уровня жизни) среди учителей начальных школ в Германии и Англии, которые полу-

чил в ходе исследования А. Нейфельд. Его статья в журнале «Вестник воспитания» была опубликована в 1895 г. Выводы автора соотносятся с теми проблемами, которые сопровождали качество жизни российских учителей начальных училищ: «Недостаточная вентиляция и неправильное согревание классов производят частые катары дыхательных путей. Учителя и их семейства подвержены хроническим заразительным болезням в связи с расселением в школьном доме. Учителя занимаются духовным трудом, поэтому страдают прежде всего от духовного перенапряжения. Смертность городских учителей на 5,8 % ниже, чем аналогичный показатель сельских. Смертность учителей находится на уровне смертности беднейших слоев населения» [7, с. 157].

Низкий уровень жизни и недостаточная социальная защищенность учителей привели к появлению в конце XIX в. «обществ взаимного вспомоществования учащим и учившим», общественных организаций, которые помогали действующим педагогам и учителям, закончившим службу. Общества не только оказывали материальную поддержку своим подопечным, но и занимались вопросами социокультурной адаптации педагогов. Особенно насущной эта проблема становилась в отдаленной сельской местности, куда попадал городской учитель. Преподаватели начальных училищ были редкими представителями интеллектуальных профессий в деревне, им не хватало методической литературы, обмена опытом с коллегами [3, с. 47]. Школа могла находиться в селе на расстоянии 50–60 верст от города, где учитель чувствовал себя покинутым, оставленным среди «грубой окружающей среды, убийственной скуки и отсутствия общества» [10, с. 160].

К 1902 г. количество «обществ вспомоществования» достигло 80 [3, с. 48]. При этом не все учителя знали о характере деятельности этих обществ, многие из них

⁹ См.: Подворная перепись Симбирской губ. 1910–1911. Вып. 2. Алатырский уезд. 1913. С. 118; Вып. 3. Ардамовский уезд. 1913. С. 156.

не верили в их действенность; у педагогов не было достаточных средств на оплату небольшого членского взноса; общества располагались в крупных городах, удаленных от места службы большинства сельских учителей [4, с. 147].

Первый Всероссийский съезд представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания работал в Москве в 1902–1903 гг. На нем собрались представители земств, дворянского и городского самоуправления, деятели образования. Речь шла о необходимости улучшать материальное положение учителей, повышать их социальный статус, о создании возможностей для обмена опытом, повышения квалификации педагогов. Спустя 11 лет в Петербурге состоялся Второй съезд обществ взаимопомощи учителей.

Социальная активность обществ взаимопомощи учителей, представителей земств, городского самоуправления не прошла безрезультатно. Министерство народного просвещения предпринимало меры к повышению уровня жизни и социального статуса учителей. С 1910 г. учителям полагалась пенсия (48–60 руб. в год) по достижении школьного стажа (25 лет). Вводилась пенсия по инвалидности для педагогов начальных школ. Земские пенсионные эмеритальные кассы (6 % от жалования учителя) с этого же года начали переводить в министерские [2, с. 156].

Современники отмечали, что в полной мере воспользоваться эмеритурой могли только молодые учителя, а пожилые были или совсем лишены этой возможности (поскольку не платили в свое время эти взносы), или получали помощь в незначительном размере [9, с. 96].

Имея 12-летний стаж службы, педагог становился государственным служащим XIV класса; после 14 лет службы он мог претендовать на титул «почетного гражданина». С 1874 г. учителей в мирное время освобождали от воинской повинности и от

обязанностей присяжного заседателя [6, с. 44]. Учителя училищ Министерства народного просвещения освобождались от подушной подати.

За успешную и долгую службу на ниве просвещения педагоги начальных школ получали награды. Высочайше утвержденное 30 октября 1867 г. мнение Государственного совета вводило правило предоставления лицам духовного звания прав на получение ордена Святой Анны 3-й степени по статуту за труды по народному образованию за учреждение училища на 20 чел. и содержание его в течение 7 лет, 25 лет педагогической службы¹⁰.

Канцелярия попечителя Казанского учебного округа в 1867 г. сообщала директору училищ Симбирской губернии: «Государь Император по Положению Комитета министров вследствие представления Товарища Министра народного просвещения соизволил награждение учителя Лобаскинского волостного училища крестьянина собственника села Низовки Федорова серебряной медалью “за усердие” на груди на Александровской ленте за труды по части народного образования. Медаль была препровождена к исправляющему должность Симбирского губернатора для выдачи»¹¹.

Курмышский уездный предводитель дворянства Пахурин отправил директору училищ Симбирской губернии от Министерства внутренних дел копию постановления попечительского совета женского училища на предмет ходатайства о награде начальнице женского училища девице Амалии фон-Рыкгоф. Инициировала эту награду попечительница училища А. С. Ермолаева. В постановлении говорилось: «Начальница в должности с 1861 года. Получает 75 рублей в год. С 1862 года – 120 рублей. При училище есть квартира, где отдыхают преподаватели в учебном году. Ученицы существуют в основном на частные пожертвования. Взносы от купцов и мещан г. Курмыш составляют 150–200 руб. серебром.

¹⁰ ГАПО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 700. Л. 151.

¹¹ ГАУО. Ф. 932. Оп. 1. Д. 231. Л. 72.

От попечительницы поступает 100 руб., от дворян 10–50 руб. и в 1867 г. от земства поступило 500 руб. Остальное дают любители театрального искусства из уважения к начальнице или через розыгрыш в лотерею рукоделия воспитанниц (50–150 руб.). Начальнице училища вынесена благодарность от начальника Симбирской губернии. И по ходатайству Симбирского губернского предводителя дворянства ей объявлена благодарность Попечителя Казанского учебного округа»¹².

Относительный рост уровня жизни учителей начальных школ в начале XX в. по сравнению с первыми пореформенными десятилетиями (рост жалования, появление пенсий, наград, некоторых привилегий) стимулировали представителей низших сословий (крестьян и мещан) посвятить свою жизнь педагогическому труду. К началу XX в. среди учителей-мужчин было почти 70 % крестьян, среди женщин – 40 %¹³. Рост числа учителей отставал от роста количества начальных училищ. Уровень жизни педагогов народных

школ был невысоким, текучесть кадров в школах сохранялась.

Обсуждение и заключение

Уровень жизни учителей начальных школ Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. был невысоким. Он сопровождался низким жалованием, частым отсутствием или низким качеством жилья, тяжелыми условиями труда. При этом уровень жизни педагога зависел от вида училища, предмета, который преподавал учитель, стажа его службы.

В начале XX в. учителя начальных училищ получили статус государственных служащих низшего ранга, скромную пенсию, право на награды и некоторые льготы (освобождение от воинской службы в мирное время, от подушного оклада и обязанностей присяжного заседателя), небольшие компенсации за съём жилья.

Уровень жизни учителей постепенно поднимался благодаря усилиям Министерства народного просвещения, земств, городских и сельских органов самоуправления, обществ взаимопомощи учителей.

Список источников

1. *Вепренцева Т. А.* Материальное положение учителей и врачей в российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 157–167.
2. *Железнякова Ю. Е.* Земская школа Казанской губернии: 1865–1917 гг. Казань: КГЭУ, 2005. 203 с.
3. *Зубков И. В.* Общества взаимопомощи учителей в Российской империи (1890–1910-е годы) // Российская история. 2011. № 2. С. 45–59.
4. *Иванова Н. А.* Смоленское «Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим» // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 144–149.
5. *Илюха О. П.* Повседневная жизнь сельских учителей и школьников Карелии в конце XIX – начале XX века: очерки, документы, материалы. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. 144 с.
6. *Капранов Н.* Материальное положение учителя // Для народного учителя. 1915. № 8. С. 42–55.
7. *Нейфельд А.* Смертность учителей по данным общества страхования жизни // Вестник воспитания. 1895. № 6. С. 154–160.
8. *Петров В.* Что читают учителя сельских школ Московской губернии // Вестник воспитания. 1898. № 6. С. 117–143.
9. *Пузыревский Г.* Назревшие вопросы // Вестник воспитания. 1897. № 5. С. 94–101.
10. *Романов А. Л.* Повседневная жизнь русского сельского учителя конца XIX – начала XX веков // Социальная история. Ежегодник. 2011. СПб., 2012. С. 156–184.
11. *Сайфуллова Р. Р.* Профессиональные характеристики учителей в Российской империи во

¹² ГАУО. Ф. 932. Оп. 1. Д. 231. Л. 105–108.

¹³ См.: Начальное народное образование в Симбирской губернии по данным 1902–03 у/г. Симбирск, 1905. С. 133.

второй половине XIX века (на материалах Вятской губернии) // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 2. С. 85–88.

12. Сумбурова Е. И. Материально-бытовое положение учащихся педагогических учебных заведений Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Историко-археологические изыскания: сб. науч. тр. молодых ученых. Самара, 2004. Вып. 6. С. 11–17.
13. Сучков И. В. Социальный статус и духовный облик учительства в России на рубеже XIX–XX вв. // Отечественная история. 1995. № 1. С. 62–67.

References

1. Veprentseva T. A. The financial situation of teachers and doctors in the Russian province in the second half of the XIX – early XX centuries. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* = *Izvestiya Tula State University. Humanities*. 2013; 157–168. (In Russ.)
2. Zhelezniakova Iu. E. Zemstvo school of Kazan province: 1865–1917. Kazan, 2005, 203 p. (In Russ.)
3. Zubkov I. V. Societies for mutual assistance of teachers in the Russian Empire (1890–1910-ies). *Rossiyskaya istoriya* = *Russian history*. 2011; 2: 45–59. (In Russ.)
4. Ivanova N. A. Smolenskoye “Society for mutual assistance to students and teachers”. *Voprosy istorii* = *Questions of history*. 2011; 11: 144–149. (In Russ.)
5. Iliukha O. P. Daily life of rural teachers and schoolchildren of Karelia in the late XIX – early XX century. *Essays. Documents. Materials*. Petrozavodsk, 2010, 145 p. (In Russ.)
6. Kapralov N. The financial situation of the teacher. *Dlya narodnogo uchitelya* = *For the national teacher*. 1915; 8: 42–55. (In Russ.)
7. Neifeld A. Teacher mortality according to the Life Insurance Society. *Vestnik vospitaniya* = *Bulletin of education*. 1895; 6: 154–160. (In Russ.)
8. Petrov V. What teachers of rural schools of the Moscow province read. *Vestnik vospitaniya* = *Bulletin of education*. 1898; 6: 117–143. (In Russ.)
9. Puzyrevskii G. Urgent issues. *Vestnik vospitaniya* = *Bulletin of education*. 1897; 5: 94–101.
10. Romanov A. L. The daily life of a Russian rural teacher of the late XIX– early XX centuries. *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik* = *Social history. The yearbook*. 2011. St. Petersburg, 2012, P. 156–184. (In Russ.)
11. Saifullova R. R. Professional characteristics of teachers in the Russian Empire in the second half of the XIX century (on the materials of the Vyatka province). *Vestnik Bryanskogo gosuniversiteta* = *Bulletin of the Bryansk State University*. 2016; 2: 85–88. (In Russ.)
12. Sumburova E. I. The material and living situation of students of pedagogical educational institutions of the Samara province in the second half of the XIX – early XX centuries. *Istoriko-arheologicheskie izyskaniya* = *Historical and archaeological research. Collection of scientific work of young scientists*. Iss. 6. Samara, 2004, P. 11–17. (In Russ.)
13. Suchkov I. V. Social status and spiritual appearance of teaching in Russia at the turn of the XIX – XX centuries. *Otechestvennaya istoriya* = *Russian history*. 1995; 1: 62–67. (In Russ.)

Поступила 20.11.2023.

Сведения об авторе

Кошина Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Область научных интересов: история образования во второй половине XIX – начале XX в., социальная история России. Автор 88 научных и учебно-методических работ. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9558-4173>.

E-mail: koshinaolga@rambler.ru

Submitted 20.11.2023.

About the author

Olga V. Koshina – Cand. Sci. (History), Associate Professor of Russian History, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: history of school in the second half of 19th – early 20th century, social history of Russia. The author of 88 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9558-4173>.

E-mail: koshinaolga@rambler.ru

О. Н. Кузнецова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия), e-mail: bon-box@mail.ru

Александр Емельянович Лосицкий (1869–1944). Исследования питания населения и статистика планирования в сельском хозяйстве России начала XX в.

Аннотация

Введение. Создание и анализ массивов фактических статистических данных в сельском хозяйстве как исследовательское направление особую актуальность приобрели в связи с Первой мировой войной. В Российской империи основателем статистики потребления населения следует считать Александра Емельяновича Лосицкого, имя которого практически неизвестно современной науке. Целью статьи стал анализ вклада А. Е. Лосицкого в статистику, в изучение и обследование питания населения, создание продовольственных балансов и планирование в сельском хозяйстве.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составил анализ научных и практических работ А. Е. Лосицкого; были использованы общенаучные методы, а также метод сравнительного анализа и методы статистики.

Результаты исследования. На основе архивных материалов фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) факты биографии А. Е. Лосицкого впервые введены в научный оборот. Изучены его наследие, методы работы со статистическими данными в сфере питания населения, вклад в разработку первых планов развития сельского хозяйства в СССР.

Обсуждение и заключение. Создание такого направления исследований, как статистика городского и сельского потребления, было тесно связано с опытом снабжения населения продовольствием в период социальных потрясений начала XX в., когда продовольствие стало новилось силой, способной влиять на принятие политических решений в стране. Опросы населения, проведенные А. Е. Лосицким и его коллегами, привели к созданию баз данных для социологического и экономического анализа в условиях перехода к планово-распределительной экономике. Предлагаемые положения и выводы обращают внимание на составление продовольственных балансов как аналитического инструмента экономической политики страны. Предпринятый анализ питания населения для статистики планирования в сельском хозяйстве представляет значимый вклад в экономическую историю России 1890–1940-х гг. и решает задачу возвращения имени А. Е. Лосицкого широкой читательской аудитории.

Ключевые слова: статистика, история экономики, продовольствие, питание, баланс, Госплан, А. Е. Лосицкий, сельское хозяйство, экономические данные, социологические данные.

Для цитирования: Кузнецова О. Н. Александр Емельянович Лосицкий (1869–1944). Исследования питания населения и статистика планирования в сельском хозяйстве России начала XX в. // Экономическая история. 2024. Т. 20, № 1. С. 20–27. DOI: 10.15507/2409-630X.064.020.202401.020-027.

Olga N. Kuznetsova

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russia),
e-mail: bon-box@mail.ru

Alexander Yemelyanovich Lositsky (1869–1944). Problems of Planning Statistics in Agriculture and Food Balances in the Russian Economy of the early 20th Century

Abstract

Introduction. The creation and analysis of arrays of actual statistical data in agriculture, as a research area, became particularly relevant in connection with the First World War. In the Russian Empire, Alexander Yemelyanovich Lositsky, whose name is practically unknown to modern science, should be considered the founder of population consumption statistics. The purpose of the article is to analyze the contribution of A. E. Lositsky to statistics, in surveys of population nutrition, the creation of food balances and planning in agriculture.

Materials and Methods. The methodological basis of the study was the analysis of scientific and practical works by A. E. Lositsky, general scientific methods were used, as well as the method of comparative analysis and statistical methods.

Results. Based on the archival materials of the State Archive of the Russian Federation (GARF) funds, the facts of the biography of A. E. Lositsky were first introduced into scientific circulation. His legacy, methods of working with statistical data are studied, his contribution to the development of the first plans for the development of agriculture in the USSR is considered.

Discussion and Conclusion. The creation of such a research area as urban and rural consumption statistics was closely linked to the experience of supplying the population with food during the period of social upheaval in the early twentieth century, when food became a force capable of influencing political decision-making in the country. The population surveys conducted by A. E. Lositsky and his colleagues lead to the creation of databases for sociological and economic analysis in the context of the transition to a planned and distributive economy. The proposed provisions and conclusions draw attention to the compilation of food balances as an analytical tool of the country's economic policy. The undertaken analysis of population nutrition for agricultural planning statistics represents a significant contribution to the economic history of Russia in the 1890s and 1940s and solves the problem of returning the name of A. E. Lositsky to a wide readership.

Keywords: statistics, economic history, food, nutrition, balance, Gosplan, A. E. Lositsky, agriculture, economic data, sociological data.

For citation: Kuznetsova O. N. Alexander Yemelyanovich Lositsky (1869–1944). Problems of Planning Statistics in Agriculture and Food Balances in the Russian Economy of the early 20th Century. *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2024; 20(1): 20–27. (In Russ.). DOI: 10.15507/2409-630X.064.020.202401.020-027.

Введение

Решение продовольственных проблем приобрело особую актуальность в связи с Первой мировой войной. Анализ и расчет продуктивности сельского хозяйства на основе фактических статистических данных в масштабах государства берут свое начало в конце XIX – начале XX в. В Российской империи одним из основателей данного направления исследований в сфере изучения статистики потребления стал Александр Емельянович Лосицкий, крупный ученый, экономист, статистик, имя которого практи-

чески не известно современной науке. Он являлся автором более 150 научных работ первой трети XX в., создателем ряда методов в статистике животноводства, награжденным за свои разработки Большой золотой медалью Российского географического общества и во многом предопределившим ряд современных методик анализа проблем продовольствия.

Актуальность заявленной темы связана с изучением опыта снабжения населения продовольствием в эпоху серьезных социальных потрясений, разработкой ряда ста-

статистических методов анализа в наследии А. Е. Лосицкого, его вклада в развитие экономики страны, что на сегодня является неизученной темой, а также актуализацией работы по созданию баз данных по статистике потребления, в частности для определения ВВП и расчета потребления на душу населения. Говоря об изучении статистики продовольствия, отметим, что она включает в себя продовольственные балансы (FBS – Food Balance Sheet) как инструмент, предоставляющий подробные данные по каждой стране на ежегодной основе; сегодня их составлением занимается Продовольственная сельскохозяйственная организация ООН (ФАО)¹. Как в начале XX в., так и на современном этапе балансы показывают тенденции в снабжении продовольствием и потреблении пищевых продуктов, а статистические данные используются для определения целей политики по сокращению масштабов голода в разных странах. В России указанными проблемами стали заниматься в 1890-е гг., когда произошло становление продовольственной статистики для городского и сельского населения. Целью настоящей работы стал анализ наследия А. Е. Лосицкого в статистике, обследованиях питания населения, создании продовольственных балансов и планировании в сельском хозяйстве, не предпринимавшийся в современной науке. Его научные разработки и прогнозы, в частности о способах увеличения продукции животноводства и растениеводства, легли в основу политики первых лет советской власти. Его книга «Урожай хлебов в 1917 году» была передана В. И. Ленину по личной просьбе сразу после прихода большевиков к власти, что непосредственно оказалось связано с решением продовольственных проблем. Впоследствии А. Е. Лосицкий стал одним из разработчиков проектов первых пятилетних планов в сельском хозяйстве, когда совместно с из-

вестными специалистами Л. Н. Литошенко, Н. П. Огановским и Н. М. Вишневым составил План развития народного хозяйства с 1926/27 по 1940/41 г. в Госплане СССР. Здесь формирование аппарата управления и определение вектора экономической политики на протяжении 1920-х гг. во многом оказались связаны с личностью В. Г. Громана, пригласившего на работу в Госплан своих коллег-статистиков, которые разделяли его методологический подход к планированию и придерживались умеренных социалистических воззрений [3].

Обзор литературы

Говоря о степени изученности вопроса, отметим, что в историографии существует большой пласт исследований, связанных с рассмотрением экономической политики и решением продовольственных проблем начала XX в. [6]. Достаточное количество публикаций посвящено современному состоянию статистики продовольствия, где имеются упоминания о традиционных проблемах, что не означает обращения к историческому наследию российских экономистов, но позволяет увидеть отражение методики работы с данными по продовольствию [4]. Следует также уделить внимание работам, посвященным истории российской статистической науки и деятельности объединений статистиков [5]. Однако непосредственно наследию А. Е. Лосицкого посвящен лишь небольшой очерк Н. М. Ясного [7]. Имеется ряд свидетельств А. В. Чаянова, который высоко отзывался о качестве статистических исследований А. Е. Лосицкого, и несколько статей в журнале «Плановое хозяйство», где упоминается о разработках продовольственных балансов. В настоящем исследовании ряд фактов биографии ученого впервые вводятся в научный оборот, поскольку за исключением краткой биографической справки его имя практически неизвестно².

¹ См.: Статистика продовольствия и сельского хозяйства. URL: <https://www.fao.org/food-agriculture-statistics/statistical-domains/crop-livestock-and-food> (дата обращения: 12.05.2023).

² См.: Летопись Московского университета. Лосицкий Александр Емельянович. URL: <http://letopis.msu.ru/people/1285> (дата обращения: 12.05.2023).

Материалы и методы

В фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) содержатся материалы личного дела А. Е. Лосицкого и некоторые аналитические записки³. Также нами были изучены публицистические работы А. Е. Лосицкого и его монографические исследования разных лет. Методологическую основу исследования составил анализ научных работ и практических рекомендаций А. Е. Лосицкого. Были использованы общенаучные методы, а также метод сравнительного анализа и методы статистики.

Результаты исследования

Александр Емельянович Лосицкий родился 2 сентября 1869 г. в Ставрополе, окончил гимназию, затем юридический факультет Московского университета. С 1894 г. стал профессионально заниматься земской статистикой в ряде губерний России: работал в Саратове, Орле, Курске, Петрограде и Москве. С 1911 по 1917 г. являлся помощником управляющего Московским городским статистическим отделом под руководством известного статистика и демографа В. Г. Михайловского. Данная структура была известна анализом статистических данных по г. Москве, а также выпуском трудов, затрагивающих различные сферы экономики. Во время событий 1917 г. А. Е. Лосицкий работал в Общегосударственном продовольственном комитете Петрограда, а также в экономическом отделе Министерства продовольствия, созданного впервые Временным правительством России и функционировавшим с мая 1917 по январь 1918 г. под руководством известных министров правительства социалистических взглядов – А. В. Пешехонова и С. Н. Прокоповича [1]. Именно в этот период многие идеи планово-распределитель-

ной экономики обрели ясность и были реализованы в дальнейшем. А. Е. Лосицкий в это время занимал активную общественную позицию, участвовал в съездах статистиков, проводил консультации социал-демократов в Государственной думе, при этом оставался беспартийным, занимая умеренно-социалистическую позицию.

Среди важнейших его работ выделяется «Выкупная операция» – о прекращении выкупных платежей крестьян после отмены крепостного права в 1861 г.⁴ В 1912 г. вышла книга «Распадение общины», в которой рассматривается положение в сельском хозяйстве России до указа П. А. Столыпина от 9 ноября 1912 г. о передаче наделов в личную собственность и выделении хуторов и отрубов⁵. Диаграммы и картограммы представляли размеры и географию разрушения земельной общины в эпоху реформ С. Ю. Витте и П. А. Столыпина. Одной из значимых работ в наследии А. Е. Лосицкого является «Урожай хлебов 1917 г.»⁶. Книга стала уникальным явлением. Написанная в разгар революции 1917 г., она свела статистические данные и представила критически проанализированную выборку из различных источников о состоянии хлебного рынка в России. Особенно ценно, что А. Е. Лосицкий зафиксировал характеристики валового и чистого сбора хлеба, продовольственные и кормовые потребности страны, избыток и недостаток русских хлебов в 1917 г. Эти обобщенные материалы в совокупности с выводами А. Е. Лосицкого вызвали интерес у наркома продовольствия А. Д. Цюрупы, по распоряжению которого книга была немедленно издана в издательстве «Красный пролетарий» и передана В. И. Ленину, поскольку давала ответ на вопрос о количестве урожая хлебов в 1917 г. и потребностях России в зерне в целом⁷. Об-

³ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. А539. Оп. 7. Д. 2458.

⁴ См.: Лосицкий А. Е. Выкупная операция. СПб., 1906.

⁵ См.: Лосицкий А. Е. Распадение общины. СПб., 1912.

⁶ См.: Лосицкий А. Е. Урожай хлебов в России в 1917 году: Валовой и чистый сбор, продовол. и корм. потребности, мест. избытки и недостатки глав. хлебов. М., 1918.

⁷ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 7. Д. 2458. Л. 22.

стоятельства выхода книги в свет в 1918 г. демонстрируют, как продовольственная организация становилась силой, способной не только определять направления развития в духе распределения, но и влиять на принятие политических решений в стране. Вместе с тем умеренно-социалистическая позиция А. Е. Лосицкого, как и ряда его коллег-специалистов, предоставила возможность реализации своих воззрений при определении основных направлений политики советской власти в экономических вопросах в 1917–1920-х гг.

Можно сказать, хрестоматийной стала работа А. Е. Лосицкого «Современное состояние скотоводства в России», где он представил характеристики состояния животноводства в стране и предложил пути для восстановления этой отрасли как сильно пострадавшей в период Первой мировой войны и революции 1917 г. в России⁸. А. Е. Лосицкий вычислил товарность растениеводства, доходность животноводства, предпринял попытку рассчитать распределение продовольствия между социальными группами, его данные были репрезентативны и пользовались признанием современников. Он тесно сотрудничал с известными представителями экономического знания в России. Например, ему принадлежит авторство вычисления мясной продукции в работе С. Н. Прокоповича «Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России»⁹. Эти сведения были использованы для расчета показателя народного дохода на душу населения. Его оценки массива экономических данных за 1900–1913 гг. использовались при работе структур Временного правительства России [2].

Говоря о продолжении деятельности А. Е. Лосицкого и его вкладе в статистику, следует отметить ряд инструкций к со-

ставлению балансов сельского хозяйства в первые годы советской власти, которые представляли рекомендации по сбору социологических данных, на основе которых происходил подсчет оценки состояния сельского и городского хозяйства в стране. Исследование проблем питания путем опроса населения привело к получению данных по составу продуктов, источникам их получения, достаточности для семьи. Вопросы снабжения затрагивали цены на продукты, формы потребления – личного и общественного питания¹⁰. Разработанные А. Е. Лосицким бланки опросов использовались и в дальнейшем с целью представления статистических данных о продовольствии (таблица).

Как можно заметить, содержащиеся в бланках сведения охватывали максимальные рамки изучения всех аспектов питания и снабжения населения продовольствием. Также была проведена большая работа – в Москве распределено 3 000 бланков, в Петрограде – 2 000, в крупных городах – не менее 300 бланков. На основании этих данных были составлены сводные таблицы обследований состояния питания в СССР и разработана специальная программа исследований, включающая, в частности, вопросы рациона и создания системы общественного питания. Был издан ряд работ, в частности «Обследования питания населения и их значение», и серия трудов по состоянию питания городского населения в СССР, посвященных рассмотрению указанных проблем в 1920–1930-е гг.¹¹ Так, в период военного коммунизма и НЭПа в Советской России происходила организация всестороннего изучения продовольственных проблем в рамках распределительной экономики, принятая во многом для выработки мер по преодолению голода, что являлось одним из сложных аспектов в экономике страны.

⁸ См.: Лосицкий А. Е. Современное состояние скотоводства в России. М., 1924.

⁹ См.: Прокопович С. Н. Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900–1913 гг. М., 1918. 86 с.

¹⁰ См.: Материалы и инструкции по обследованию питания в 1919 г. М., 1919.

¹¹ См.: Первушин С. А. Обследования питания населения и их значение / сост. проф. С. А. Первушин; предисл.: А. Лосицкий. М., 1921. 14 с.

Таблица
Бланк «Обследование состояния питания населения» /
Table
Form “Survey of the nutritional status of the population”

	Предмет обследования / The subject of the survey	Содержание обследования / The content of the survey
1.	Время обследования / The time of the study	Февраль – март / February – March
2.	Место обследования / Place of research	Вся территория Советской России / The total territory of Soviet Russia
3.	Слои опрашиваемых / Layers of interviewees	Все слои городского и сельского населения / All strata of the urban and rural population
4.	Формы организации потребления / Forms of organization of consumption	Все формы: единоличная, семейная коллективная / All forms: individual, family, collective
5.	Задачи обследования / Research objectives	Изучить количественный состав продуктов, источники получения, степень достаточности получения продуктов, стоимость продук- тов, состояние отопления / To study: the quantitative composition of products, sources of production, the degree of sufficiency of products, the cost of products, the state of heating
6.	Характер опроса отдель- ных хозяйств / The nature of the survey of individual farms	Анкетирование / The survey; Экспедиционный способ / The expedition method; Проверка / Check
7.	Выбор объектов обследо- вания / Selection of survey objects	Выбор опрашиваемых по указанию общественных организаций / The choice of respondents at the direction of public organizations Сплошной обход / Continuous house-to-house inspection

С 1918 по 1929 г. А. Е. Лосицкий работал в Центральном статистическом управлении (ЦСУ) и Госплане СССР, где занимался подготовкой плана развития сельского хозяйства с 1926/27 по 1940/41 г. Здесь в 1920-е гг. впервые приступили к научным исследованиям проблем планирования в сельском хозяйстве благодаря привлечению специалистов-неонародников: Л. Н. Литовченко, Н. П. Огановского, Н. М. Вишневого и А. Е. Лосицкого. Это сотрудничество было связано с деятельностью школы В. Г. Громана в структурах Госплана СССР, где экономистами была проделана большая работа по составлению контрольных цифр – предтечи первого пятилетнего плана (плана-прогноза). Говоря о вкладе каждого из них, отметим, что Лев Николаевич Литовченко (1886–1943) был известен как статистик и экономист, специализирующийся на проблемах крестьянских бюджетов, оценке различных групп потребителей и товаров

в сельском хозяйстве, составлении первых межотраслевых балансов. Николай Петрович Огановский (1874–1938) – российский экономист-аграрник и географ, статистик и политический деятель. Известный автор трудов по аграрным проблемам, сторонник теории устойчивости мелкого крестьянского хозяйства. Николай Михайлович Вишневский (1891–1938) – экономист, статистик, специалист по изучению аграрной революции в России. Вел статистические исследования в ВСНХ, ЦСУ и Госплане СССР, в основном посвященные состоянию сельского хозяйства в регионах страны. Н. П. Огановский, Н. М. Вишневский и А. Е. Лосицкий по поручению Госплана зимой 1926/27 г. создали план развития сельского хозяйства страны до 1940/41 г. Он был подвергнут критике за слишком высокие темпы со стороны Н. Д. Кондратьева, Н. П. Макарова и А. Н. Челинцева, но нашел признание со стороны коммунистов –

поборников высоких темпов индустриализации. Опираясь на статистические базы данных в своих прогнозах, А. Е. Лосицкий показывал возможности тех сфер животноводства и растениеводства, где был потенциально выполним прирост продовольственной продукции. Это позволило в дальнейшем использовать его разработки для создания крупных коллективных крестьянских хозяйств (колхозов). Несмотря на это, в 1930 г. А. Е. Лосицкий был привлечен к ответственности ОГПУ и выслан в г. Зубцов Тверской области. В 1932 г. он был возвращен в Москву и восстановлен в правах. С 1932 по 1935 г. А. Е. Лосицкий работал консультантом Главного управления по народному питанию СССР (Союзнарпит). В 1935 г. в результате трамвайной аварии он остался инвалидом, отошел от государственной службы и преподавания и до смерти в 1944 г. занимался только научно-исследовательской работой. Несомненными заслугами А. Е. Лосицкого стали изучение питания населения на основе статистических сведений, разработка методологии исследований и составление продовольственных балансов. Его деятельность во многом создала задел для будущего изучения советской экономики, поскольку подобные исследования были продолжены как в российской, так и в мировой практике статистики продовольствия.

Обсуждение и заключение

Предлагаемые положения и выводы решают задачу возвращения научного наследия А. Е. Лосицкого широкой читательской аудитории и определяют его место и роль в экономической политике России – СССР в начале XX в. На основе статистических методов А. Е. Лосицким были рассчитаны

продовольственные балансы в сфере животноводства, растениеводства, проанализированы статистические сведения о состоянии хлебного рынка в России и заложено такое направление исследований, как статистика городского и сельского потребления. Исследования в отношении правильного питания населения, прогнозирование изменения его структуры в части увеличения потребления животных продуктов и создание системы общественного питания оказались тесно связаны с вопросами социальной жизни в стране. Данные по составу продуктов, источникам их получения, достаточности для семьи, цена на продукты и формы их потребления позволили произвести баланс национального снабжения продовольствием, что непосредственно повлияло на процессы принятия решений и определение направлений развития страны в 1920-е гг.

Впоследствии практические разработки новых структур советской экономики, в частности Госплана, во многом оказались связаны с предшествующим периодом развития и определенным подходом к статистике со стороны дореволюционных специалистов-практиков. Большинство из них придерживались умеренных социалистических воззрений, поэтому были созданы такие аналитические инструменты, как продовольственные балансы, учитывающие особенности общественного производства в планово-распределительной экономике. В целом вклад А. Е. Лосицкого в статистику для решения продовольственных проблем и планирование в сельском хозяйстве отличает объективная оценка состояния экономики страны, а его наследие является значимой частью истории экономического знания первой половины XX столетия.

Список источников

1. Кузнецова О. Н. Министерство продовольствия Временного правительства России. Теория и практика управления // Вестник Вологодского государственного университета. 2019. № 4. С. 30–35.
2. Кузнецова О. Н. Министр Временного правительства С. Н. Прокопович // Новейшая история России: время, события, люди: сб. ст. и воспоминаний (к 75-летию почетного профессора СПбГУ Г. Л. Соболева). СПб., 2010. С. 74–80.
3. Кузнецова О. Н. Ранний Госплан и научно-методологическая школа В. Г. Громана в 1920-е гг. // Экономическая история. 2022. Т. 18, № 3. С. 189–200. DOI: 10.15507/2409-630X.058.018.202203.189-200.

4. Решетникова Е. Г. Достижение экономической доступности продовольствия: традиционные проблемы и новые вызовы // Островские чтения. 2019. № 1. С. 242–246.
5. Скрыдлов А. Ю. Из истории создания Отделения статистики Русского географического общества – первого научного объединения статистиков в России // Социология науки и технологий. 2019. № 2. С. 7–21. DOI: 10.24411/2079-0910-2019-12000.
6. Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917). 2-е изд. / отв. ред. М. В. Ходяков. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2021. 659 с.
7. Ясный Н. М. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти / пер. с англ. А. В. Белых. М.: Дело, 2012. 342 с.

References

1. Kuznetsova O. N. Ministry of Food of the Provisional Government of Russia. Management theory and practice. 2019; 4: 30–35. (In Russ.)
2. Kuznetsova O. N. Minister of the Provisional Government S. N. Prokopovich. *Noveyshaya istoriya Rossii: vremya, sobytiya, lyudi. Sbornik statej i vospominanij (k 75-letiju pochetnogo professora SPbGU G. L. Soboleva)* = Contemporary history of Russia: time, events, people. Collection of articles and memoirs (to the 75th anniversary of the honorary professor of Saint Petersburg State University G. L. Sobolev). Saint Petersburg, 2010: 74–80. (In Russ.)
3. Kuznetsova O. N. The early Gosplan and the scientific and methodological school of V. G. Groman in the 1920s. *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2022; 18(3): 189–200. (In Russ.). DOI: 10.15507/2409-630X.058.018.202203.189-200.
4. Reshetnikova E. G. Achieving economic access to food: traditional problems and new challenges. *Ostrovskie chteniya* = Ostrovsky Readings. 2019; 1: 242–246. (In Russ.)
5. Skrydlov A. Yu. From the history of the creation of the statistics department of the Russian Geographical Society – the first scientific association of statisticians in Russia. *Sociologiya nauki i tehnologii* = Sociology of Science and Technology. 2019; 2: 7–21. (In Russ.). DOI: 10.24411/2079-0910-2019-12000.
6. Hodyakov M. V., ed. Center and regions: economic policy of the government on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917). 2nd ed. Saint Petersburg, 2021, 659 p. (In Russ.)
7. Yasnyj N. M. Soviet economists of the 1920s. Debt of memory. Moscow, 2012, 342 p. (In Russ.)

Поступила 13.11.2023.

Сведения об авторе

Кузнецова Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, доцент Высшей школы общественных наук Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия). Сфера научных интересов: история экономики, история России конца XIX – начала XX в. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6915-0344>.

E-mail: bon-box@mail.ru

Submitted 13.11.2023.

About the author

Olga N. Kuznetsova – Cand. Sci (History), Assistant Professor, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russia). Research interests: history of Russia at the beginning of the 20th century, economic history. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6915-0344>.

E-mail: bon-box@mail.ru

ISSN 2409-630X (Print), ISSN 2618-916X (Online)
DOI: 10.15507/2409-630X.064.020.202401.028-043

УДК 947.083

В. А. Некрасов¹, Д. С. Плохой², И. А. Чуканов³

^{1, 2, 3} Ульяновский государственный педагогический университет
имени И. Н. Ульянова (Ульяновск, Россия)

¹ e-mail: vnekrasof@yandex.ru

² e-mail: bedkazak@icloud.com

³ e-mail: chia58@rambler.ru

Расследование преступлений в кредитно-финансовых учреждениях в XIX в. (на материалах Симбирской губернии)

Аннотация

Введение. В статье на широкой архивной базе анализируется процесс становления городских общественных банков и расследования преступлений в банковской сфере в XIX в. Раскрываются основные причины преступлений и злоупотреблений в банковской сфере, которые были вызваны, во-первых, особым статусом городских общественных банков, а во-вторых, слабым контролем за их деятельностью со стороны со стороны органов городского управления (городских дум), в юрисдикции которых они находились. Кратко освещается предыстория появления в России коммерческих частных и акционерных банков.

Основное направление исследования было связано с расследованиями преступной деятельности в банковской сфере, использованием существующих на то время методик раскрытия преступлений в экономической сфере на результативность следствия по преступным деяниям в банковской сфере в Симбирской губернии.

Материалы и методы. В работе широко использовался историко-правовой метод, позволивший рассмотреть следственный процесс в банковской сфере сквозь призму эволюции законодательства Российской империи о следственных органах с определением социально-экономических условий, влияющих на ход и результативность расследований в банковской сфере. Также активно использовалась модернизационная теория, которая позволила определить основные направления эволюции работы судебных следователей в период бурного развития кредитно-банковской сферы в стране в период великих реформ, проводимых правительством Александра II.

Результаты исследования. Как отмечается в приведенном материале, раскрытие преступлений, совершаемых руководством и менеджментом городских общественных банков,

© Некрасов В. А., Плохой Д. С., Чуканов И. А., 2024

было наиболее сложным, если брать экономическую сферу в целом. Авторы раскрывают причины сложностей, с которыми сталкивались судебные следователи окружных судов при расследовании подобных преступлений, а также анализируют дискуссию ученых-правоведов о наиболее применимых и эффективных формах следственной работы при разоблачении подобных преступлений.

Обсуждение и заключение. Основными причинами низкой общей результативности в раскрытии преступлений в кредитно-финансовой сфере являлись низкая общая и специфическая экономическая квалификация судебных следователей, а также ошибочная политика руководства окружных судов, которые для расследования наиболее сложных экономических преступлений, особенно правонарушений в банковской сфере, направляли наименее опытных специалистов. Авторы указывают на трудоемкость при расследовании подобных дел, когда проверка огромного количества отчетов, балансов и других финансовых документов требовала привлечения значительного количества помощников. Особый упор делается на то, что в рассматриваемый период так и не была налажена система морального и материального поощрения привлеченных к следственным действиям специалистов в ходе расследования сложнейших преступлений. Отмечалось и скрытое нежелание городских и губернских властей доводить подобные расследования до конца, так как подобные финансовые учреждения невозможно было выводить из финансового оборота губерний и городов в течение длительного времени, а их неминуемое банкротство и даже временное закрытие на период проведения следствия обязательно приводило к тяжелейшим социально-экономическим последствиям не только в рамках отдельно взятого города, но и региона в целом. Некоторые руководители городов и городских дум боялись того, что полное изобличение и доведение до суда преступных схем неминуемо высветит и их негативное участие в совершении данных преступлений. Трудности в расследовании подобных преступлений были также вызваны непониманием со стороны вышестоящего начальства сложности и общественной значимости проводимых расследований, которые требовали от подотчетных им судебных следователей скорейшего завершения расследований преступлений в банковской сфере, что неминуемо влияло на качество проводимых расследований.

Ключевые слова: банки, кредитно-финансовые преступления, судебные следователи, городские банки, городские общественные банки, финансовые комиссии.

Для цитирования: Некрасов В. А., Плохой Д. С., Чуканов И. А. Расследование преступлений в кредитно-финансовых учреждениях в XIX в. (на материалах Симбирской губернии) // Экономическая история. 2024. Т. 20, № 1. С. 28–43. DOI: 10.15507/2409-630X.064.020.202401.028-043.

Veniamin A. Nekrasov¹, Dmitry S. Plokhoy², Ivan A. Chukanov³

^{1, 2, 3} Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russia)

¹ e-mail: vnekrasof@yandex.ru

² e-mail: bedkazak@icloud.com

³ e-mail: chia58@rambler.ru

Investigation of Crimes in Financial Institutions in the 19th Century (Based on Materials of the Simbirsk Province)

Abstract

Introduction. The article on a wide archival base analyzes the process of forming urban public banks and investigating crimes in the banking sector in the 19th century. The article reveals the main reasons for crimes and abuses in the banking sector, which were caused, firstly, by the special status of city public banks, and secondly, by weak control over their activities by the city government bodies (city councils) in whose jurisdiction they were. The background of the emergence of commercial private and joint-stock banks in Russia is briefly described.

The main area of research was related to investigations of criminal activities in the banking sector, the use of methods for solving crimes in the economic sphere existing at that time on the effectiveness of the investigation of criminal acts in the banking sector in the Simbirsk and Saratov province.

Materials and Methods. The work widely used the historical and legal method, which made it possible to consider the investigative process in the banking sector through the prism of the evolution of the legislation of the Russian Empire on investigative bodies with the definition of socio-economic conditions affecting the course and effectiveness of investigations in the banking sector. Modernization theory was also actively used, which made it possible to determine the main directions of evolution of the work of judicial investigators during the rapid development of the credit and banking sector in the country during its socio-economic reform during the period of great reforms carried out by the government of Emperor Alexander II.

Results. As noted in the above material, the disclosure of crimes committed by the management and management of city public banks were the most difficult to solve if we take the economic sphere as a whole. The authors reveal the reasons for the difficulties faced by the judicial investigators of the District Courts in investigating such crimes, created during the evolution of the system of joint-stock commercial banks in Russia, and also analyze the discussion that arose in the law enforcement environment among legal scholars about the most applicable and effective forms of investigative work in exposing such crimes.

Discussion and Conclusion. The main reasons for the low overall performance in solving crimes in the credit and financial sector were the low general and specific economic qualifications of judicial investigators, as well as the erroneous policy of the management of the District Courts, which were sent by the least experienced specialists to investigate the most time-consuming in the investigation of economic crimes, and especially offenses in the banking sector. The authors point to a huge labor intensity in investigating such cases, when checking a huge number of reports, balance sheets and other financial documents required the involvement of a significant number of additional assistants qualified in the banking sector. Particular emphasis is placed on the fact that during the period under review, a system of moral and material incentives for specialists involved in investigative actions during the investigation of the most complex crimes was not established. There was a hidden reluctance of the city and provincial authorities to bring such investigations to the end, since such financial institutions could not be withdrawn from the financial turnover of provinces and cities for a long time, and their imminent bankruptcy and even temporary closure for the period of the investigation necessarily led to severe socio-economic consequences not only within the framework of a single city, but also the region as a whole. Some leaders of cities and urban dumas were afraid that the complete exposure and prosecution of criminal schemes would inevitably highlight their negative participation in the commission of these crimes.

Huge difficulties in the investigation of such crimes were also caused by a misunderstanding on the part of the higher authorities of the complexity and public significance of the ongoing investigations, which required the judicial investigators accountable to them to complete the investigations of crimes in the banking sector as soon as possible, which inevitably affected the quality of the ongoing investigations.

Keywords: banks, credit and financial crimes, forensic investigators, city banks, city public banks, financial commissions.

For citation: Nekrasov V. A., Plokhoy D. S., Chukanov I. A. Investigation of Crimes in Financial Institutions in the 19th Century (Based on Materials of the Simbirsk Province). *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2024; 20(1): 28–43. (In Russ.). DOI: 10.15507/2409-630X.064.020.202401.028-043.

Введение

В XIX в. Россия переживала бурное развитие капиталистических производственных отношений не только в промышленности, но и в кредитно-финансовой сфере. Серьезный толчок в развитии коммерческих банков придало учреждение 12 июня 1860 г. Государственного банка, который выступил основным регулятором кредитно-финансовых отношений в Российской

империи наряду с Министерством финансов. В конце 1860 – начале 1870-х гг. в России уже появилась целая сеть коммерческих банков, в составе которой важную роль играли городские общественные банки.

По мере роста капиталов и увеличения объемов коммерческих операций в банковской системе возникла немаловажная проблема злоупотреблений. Вновь созданные

банковские структуры становились банкротами, что приводило к утрате сбережений и накоплений большинства рядовых вкладчиков и серьезным социальным потрясениям в городах. Это объяснялось рядом причин. Во-первых, городские общественные банки, где наблюдалось наибольшее количество банкротств, в гораздо меньшей степени контролировались государством, так как находились под юрисдикцией городских дум, а члены органов городского управления не обладали необходимыми финансовыми знаниями, чем и пользовались нечистые на руку банковские дельцы. Во-вторых, основными вкладчиками городских общественных банков были небогатые горожане, мелкие предприниматели и богатые крестьяне прилегающих к городам хозяйств, поэтому финансовый крах этих учреждений не только имел серьезный общественный резонанс, но и нередко приводил к массовым беспорядкам. В-третьих, филиалы других коммерческих банков, которые тщательно контролировались государством и головными структурами, редко подвергались банкротству.

В связи с тем, что вновь сформированный только в 1860 г. институт судебных следователей в основном состоял из молодых, малоопытных сотрудников, расследование преступлений в кредитно-финансовой сфере вообще и в банковской сфере в частности встретило со значительными трудностями, вызванными как объективными, так и субъективными причинами.

В данной работе предпринимается попытка на основе архивных документов, в первую очередь материалов уголовных дел, не только показать общественную опасность преступлений в банковской сфере, но и раскрыть причины, препятствующие расследованию преступлений в банковской сфере, основные формы и методы следственной работы, применяемые судебными следователями окружного суда для рас-

крытия подобных преступлений. Авторами приводятся малоизвестные эпизоды расследования наиболее громких дел в банковской сфере 1860–1880-х гг.

Материалы и методы

Источниковой основой статьи стали архивные материалы, среди которых ведущее место занимают материалы конкретных уголовных дел, рассматриваемых в уездных судах¹, отчеты симбирского губернатора, донесения уездных капитанов-исправников², отчеты уездных судов о рассмотренных уголовных делах, а также периодическая печать XIX в.: журналы «Юридический вестник», «Русский архив», «Журнал гражданского и уголовного права».

В работе широко использован историко-правовой метод, позволивший рассмотреть следственный процесс в банковской сфере сквозь призму эволюции законодательства Российской империи о следственных органах с определением социально-экономических условий, влияющих на ход и результативность расследований в банковской сфере. Также активно использовалась модернизационная теория, которая позволила определить основные направления эволюции работы судебных следователей в период бурного развития кредитно-банковской сферы в стране в период великих реформ, проводимых правительством императора Александра II.

Результаты исследования

Авторами исследования раскрыты основные причины, препятствующие проведению качественных расследований в сфере кредитно-финансовых и банковских отношений.

Во-первых, это низкая общая и специфическая экономическая квалификация судебных следователей, назначенных для расследования подобных преступлений, а также ошибочная политика руководства окружных судов, которые для расследова-

¹ ГАУО (Государственный архив Ульяновской области). Ф. 116. Симбирский уездный суд.

² Там же. Ф. 76. Канцелярия Симбирского губернатора.

ния несложных дел направляли наиболее подготовленных и квалифицированных следователей, в то время как для расследования наиболее трудоемких в расследовании экономических преступлений, особенно правонарушений в банковской сфере, – наименее опытных специалистов.

Во-вторых, авторы статьи особо выделяют трудоемкость при расследовании подобных дел, связанных со злоупотреблениями в банковской сфере, когда проверка огромного количества отчетов, балансов и других финансовых документов требовала привлечения значительного количества дополнительных помощников – финансовых работников, знакомых с этой сферой. Особый упор делается на то, что в рассматриваемый период так и не была налажена система морального и материального поощрения привлеченных к следственным действиям специалистов, когда люди фактически бесплатно были вынуждены работать во внеурочное время в ходе расследования сложнейших преступлений.

И, наконец, в-третьих, отмечалось скрытое нежелание городских и губернских властей доводить подобные расследования до конца, так как подобные финансовые учреждения невозможно было выводить из финансового оборота губерний и городов в течение длительного времени, а их неминуемое банкротство и даже временное закрытие на период проведения следствия обязательно приводили к тяжелейшим социально-экономическим последствиям не только в рамках отдельно взятого города, но и региона в целом. Стоит сказать, что некоторые не совсем чистые на руку руководители города и городских дум боялись, что полное изобличение и доведение до суда преступных схем неминуемо высветит и их негативное участие в совершении данных преступлений.

Трудности в расследовании подобных преступлений были также вызваны непониманием со стороны вышестоящего на-

чальства, которое требовало от подотчетных им судебных следователей скорейшего завершения расследований преступлений в банковской сфере.

Для того чтобы ответить на вопрос, почему именно городские общественные банки в Симбирской губернии чаще других кредитных учреждений подвергались банкротству и в отношении их руководителей больше, чем в других кредитных учреждениях, заводились уголовные дела³, обратимся к краткой предыстории их появления и последующей деятельности.

В первой половине XIX в. кредитная система существовала как государственная структура, где правила и основные направления капитализации практически не развивались, так как государство, как это ни парадоксально, стремилось самостоятельно контролировать все финансовые потоки. Долгое время ему это удавалось посредством сохранных заемных касс, Государственного ассигнационного и Государственного заемного банков. Эти организации существовали, как справедливо указывает Л. А. Муравьева, для того, чтобы в первую очередь поддерживать феодально-крепостническую систему крепостного землевладения, т. е. предоставлять ссуды помещикам для поддержания на плаву их не слишком эффективного землевладения и производства [8, с. 74].

Конечно, рыночные тенденции старались пробиться сквозь «бюрократическое сито» государства, однако это не всегда получалось. В 1804 г. был создан Фонд для поощрения промышленности и трудолюбия, которому Государственный заемный банк отпустил 2 млн руб. Однако до промышленности дошли только 400 тыс. руб., а остальное снова досталось помещикам [7, с. 269]. На фоне бурного экономического развития Европы после наполеоновских войн, где постепенно становилась на ноги европейская банковская система, в России в 1818 г. была предпринята робкая попытка

³ См.: Семенов Д. Д. Городское самоуправление. Очерки и опыт. СПб., 1901. С. 109–110.

создать так называемый Государственный коммерческий банк (ГКБ) – именно для финансирования промышленности и торговли [3, с. 63]. К 1846 г. в разных областях было открыто восемь контор этого банка, однако в промышленном центре страны, Екатеринбурге, контора была открыта только в 1846 г. Распространение замедляла не только политика министров финансов Российской империи Е. Ф. Канкрин и П. Ф. Брока, но и крайне низкие темпы роста экономики. Особенно вредила делу низкая покупательная способность населения и крайне медленный оборот денежных средств в промышленности и торговле. Государственный коммерческий банк и его конторы на местах не сумели обеспечить растущую промышленность России дешевым кредитом [7, с. 334, 341].

Практически на грани банкротства стоял и Государственный заемный банк, которого от банкротства спасало только государство в лице Министерства финансов. К 1830-м гг. банк, располагая капиталом в 2,5 млн руб., выдал кредиты помещикам на 27 млн руб. и был должен вкладчикам в пределах 26,5 млн руб. [7, с. 204]. Для того чтобы сохранить объем ссуд, выдаваемых помещикам, государство пошло на мошенническую схему – предоставило Государственному заемному банку право распоряжаться в интересах помещиков капиталами Государственного коммерческого банка. Таким образом, Государственный заемный банк неограниченно финансировал убыточные помещичьи хозяйства, в первую очередь за счет промышленного предпринимательства и купечества, которое не могло получить ссуды на развитие так необходимого для России промышленного производства [8, с. 78]. В конечном счете государство не только крайне плохо контролировало деятельность государственных банков, но и практиковало различные мошеннические схемы в

их работе в целях финансового поддержания помещичьих имений, так как дворянство было главной опорой правительств Александра I и Николая I⁴.

В 1840 г. появились первые государственные волостные кассы, для которых Министерство государственных имуществ выделило первоначальный капитал. Чуть позднее открылись вспомогательные кассы. Однако они не оправдали надежд правительства, так как правительственные чиновники не позаботились о создании и воспроизводстве финансовых кадров. Кассами, как правило, руководили случайные люди. Л. А. Муравьева указывает, что волостные и вспомогательные кассы совершенно не оправдали надежд, связанных с их учреждением. Многочисленные ревизии их деятельности, проводимые представителями Министерства финансов в сопровождении полиции, вскрыли вопиющие нарушения в ведении делопроизводства, когда сотрудники этих учреждений не были знакомы с азами кредитно-финансового дела. Деньги собирались плохо, собранные мирские капиталы неудовлетворительно хранились, ссуды выдавались без соответствующих поручительств, что приводило к их повальному невозврату. Бухгалтерские книги велись неаккуратно, беспорядочно, каждый год заводились новые. Старые бухгалтерские книги сдавались в архив с непогашенными ссудами [8, с. 81]. Ссуды с истекшим сроком оказывались неполученными.

В 1845 г. в ходе расследования злоупотреблений местной волостной кассы Симбирского уезда полиция попыталась своими силами докопаться до сути происходящего, однако становой пристав В., проводивший расследование на основе жалоб, поступивших симбирскому уездному исправнику, не обнаружил в действиях служащих кассы никаких злоупотреблений, и дело было закрыто Симбирским уездным судом⁵.

⁴ См.: *Ососов В. Я.* Городские общественные банки России: Обзор их деятельности по 1 янв. 1871 г. СПб., 1872. С. 45.

⁵ ГАУО. Ф. 116. Оп. 3. Д. 56. Л. 12–14.

Вопиющие недостатки, выявленные ревизионными комиссиями, ни к чему не привели. Одни неквалифицированные сотрудники были заменены на других, и все продолжилось по-новому. Таким образом, государство создавало предпосылки для будущих злоупотреблений в кредитно-финансовой сфере, совершенно не приобщая полицию к раскрытию этих преступлений. На наш взгляд, в среде кредитно-финансовых сотрудников сформировалась негативная традиция, состоящая в том, что российская кредитно-финансовая система допускает любые нарушения, на основе которых можно безнаказанно совершать правонарушения, не боясь строгой уголовной ответственности⁶.

Первые частные коммерческие банки стихийно появились еще в 1809 г., когда купец К. А. Анфилов в г. Слободском Вятской губернии создал частный банк для кредитования ремесленников и торговых людей. За 20 лет банк увеличил свой капитал в 5 раз [4]. В 1815 г. в Вологде на деньги мещан и купцов был создан первый Общественный заемный банк, который уже в 1850 г. утвердил свой устав. В 1818 г. в г. Осташкове Тверской губернии частный банк организовал купец Савин, выделив из личных средств 25 тыс. руб. Впервые эти банки, как это было в Осташкове, поддержала городская дума, выделив в основной капитал 5 000 руб. [7, с. 145]. Подобные банки возникали стихийно, их акционеры работали на свой страх и риск, так как в первой половине XIX в. отсутствовало какое-либо законодательство, регламентирующее их деятельность. Банки в полной мере ощутили на себе произвол местных властей и полиции, которые обложили эти учреждения огромными поборами. Однако общественные банки развивались, и к 1848 г. их количество в целом по стране со-

ставило 19 [8, с. 82]. Однако эти инициативы купцов и городских мещан, даже поддержанные городскими думами, не получили правительственной, а в целом и государственной поддержки. Однако правительство сразу же подчинило вновь образованные общественные банки городским думам, что ставило их в полную зависимость от местных органов власти.

Таким образом, правительство создало предпосылки для будущих злоупотреблений в сфере кредитно-финансовой деятельности, так как, во-первых, не создало условий для ее поступательного развития, не подготовив законодательного сопровождения ее работы. Во-вторых, в первой половине XIX в. правительство создало опаснейшие прецеденты мошеннических действий в банковской сфере, создав схемы безвозмездного перекачивания средств из купеческих и промышленных фондов (в ущерб развитию промышленности и торговли) на поддержание дворянско-помещичьего неэффективного землевладения. В-третьих, когда в 1850–1860-е гг. начался бурный рост частных коммерческих и общественных банков, правоохранительные органы страны, по мнению В. Т. Судейкина, оказались совершенно не готовы к пресечению будущих махинаций и преступлений в кредитно-финансовой сфере⁷.

Массовое открытие общественных банков пришлось на 1860-е гг., когда были внесены изменения в Кредитный устав. В 1870–1874 гг. было учреждено 48 новых коммерческих банков⁸. Именно на рубеже 1860–1870-х гг. стала доминировать теория, поддержанная крупными экономистами. Они считали, что, во-первых, городские общественные банки должны были сосредоточить в своих руках все основные рычаги управления городским хозяйством⁹, а во-

⁶ См.: Банковые долги и положение губерний. СПб., 1860.

⁷ См.: Судейкин В. Т. Наши общественные городские банки и их экономическое значение. СПб., 1884. С. 78–80.

⁸ См.: Джанишев Г. А. Эпоха великих реформ (исторические справки). Изд. 9-е. СПб., 1907. LXXXVII. С. 115.

⁹ См.: Кильчевский В. А. Второй год деятельности Московского народного банка // Кооперативная жизнь. 1914. № 7. С. 34–36.

вторых, органы городского самоуправления должны были иметь свою кредитно-финансовую систему, при помощи которой решали бы наиболее важные вопросы организации и совершенствования городского быта¹⁰. В. П. Безобразов в работе городских общественных банков видел важный способ выполнения органами городского управления своих обязанностей перед населением¹¹. А. Д. Градовский в работе «История местного управления в России»¹² прямо высказался о том, что городские общественные банки¹³ в системе кредитных учреждений городов должны занимать лидирующие позиции. Д. Д. Семенов, поддерживая высказывания экономистов, считал, что именно городские общественные банки должны решать все насущные проблемы населения¹⁴.

Российское правительство в разгар великих реформ императора Александра II старалось строить политику, исходя из этих рекомендаций. Об этом недвусмысленно говорит и Г. А. Джаншиев, который в деятельности городских общественных банков видел средство противодействия мелочной опеке органов городского управления со стороны губернаторов и полицейских чинов¹⁵.

Правительство пошло навстречу этим пожеланиям, о чем свидетельствуют данные, приведенные в исследовании А. С. Чумаковой [9, с. 66]. На 1870–1880-е гг. пришелся пик развития городских общественных банков, количество которых с 1875 по 1880 г. достигло 988, значительно превысив рост других коммерческих банков и даже Государственного банка Российской империи. Только к 1900 г. коммерческие банки обогнали по этому показателю городские общественные банки.

В городских общественных банках наблюдался и рост капиталов (правда, не такой значительный). Стали аккумулироваться огромные финансовые средства не только городов, но и простых граждан. В 1875–1880 гг. правительство искусственно сдерживало развитие коммерческих банков, в то время как по отношению к городским общественным банкам подобных ограничений не было [5, с. 28]. Это – одна из причин появления расследуемых случаев банковских злоупотреблений со стороны городских общественных банков. По мнению А. А. Колычева¹⁶, правительство создало условия для зарождения последующих злоупотреблений со стороны администраций городских общественных банков. Во-первых, в качестве основного капитала могли быть только наличные деньги. Во-вторых, заемный капитал не мог быть больше суммы, составляющей 29 % прибыли, до тех пор пока он не составит 1/3 от основного, а затем 10 %, пока не составит 1/2 часть основного капитала. Важнейшим условием бурного развития городских общественных банков стало поступательное развитие промышленности и предпринимательства в целом [1].

Немаловажными причинами финансовых злоупотреблений в системе городских общественных банков стали предоставление им большей организационной самостоятельности и ослабление контроля за их деятельностью. Городовое положение, принятое в 1870 г., возложило, по мнению Т. С. Капаниной, полный контроль за деятельностью городских общественных банков на городские думы [5, с. 28]. Конечно, там присутствовали в достаточном коли-

¹⁰ См.: Безобразов В. П. Государство и общество: управление, самоуправление и судебная власть. СПб., 1882. С. 45.

¹¹ См.: Безобразов В. П. Земские учреждения и самоуправление. М., 1874. С. 67.

¹² См.: Градовский А. Д. История местного управления в России // Собрание сочинений: в 2 т. СПб., 1868. Т. 2.

¹³ Именно в этой работе А. Д. Градовский впервые сформулировал такое понятие, как «городской общественный банк». – В. Н., Д. П., И. Ч.

¹⁴ См.: Семенов Д. Д. Городское самоуправление. Очерки и опыт. С. 109–110.

¹⁵ См.: Джаншиев Г. А. Указ. соч. С. 45.

¹⁶ См.: Колычев А. А. Положение о городских общественных банках 13 января 1912 г. СПб., 1912. С. 23.

честве купцы, сведущие в финансовых вопросах, которые и возглавили комиссии по контролю за деятельностью городских общественных банков, однако их работа, как показала дальнейшая практика, оказалась малорезультативной.

В ряде мест, например в г. Скопино Рязанской области, над деятельностью городского общественного банка был установлен серьезный общественный контроль. Во-первых, средства у горожан на вклады банк принимал на «вечное время», а перед вкладчиками обязался отвечать не только своим капиталом, но и своим оборотом, а также личными средствами акционеров – «всего скопинского городского общества». В этом банке каких-либо злоупотреблений не могло быть «по определению» [6].

Начавшиеся еще в конце 1850-х гг. первые крушения городских общественных банков, сопровождавшиеся утратой накоплений значительного количества вкладчиков, заставило власти и правоохранительные органы всерьез отнестись к проведению расследований. Как известно, в 1860 г. в стране произошла реформа следственного аппарата, в ходе которой следователи из состава полиции были переведены в состав уездных судов, а после их расформирования в 1864–1866 гг. – в состав окружных судов. На эти же годы приходятся первые банкротства городских общественных банков. Соответственно, в круг обязанностей нового института судебных следователей стали поступать дела, связанные с расследованием злоупотреблений в городских общественных банках.

Как оказалось, эти дела оказались самыми сложными и запутанными. Мы здесь видим как объективные, так и субъективные причины. По мнению А. Городыцкого, многие частные приставы, занимавшиеся следствием по раскрытию преступлений до 1860 г., отказались переходить из полиции

в состав вновь сформированных окружных судов либо уволились, поэтому расследования банковских преступлений были поручены судебным следователям, т. е. вчерашним выпускникам юридических вузов или юридических факультетов университетов, которые не обладали ни необходимыми экономическими знаниями, ни опытом¹⁷.

Этот же автор называет и другую причину неудачных расследований банковских злоупотреблений и преступлений. Так как преступления в банковской сфере стали в следственной практике совершенно новым явлением, руководители окружных судов и сотрудники прокуратуры окружного суда, которые, как правило, инициировали начало проведения следственных действий, первоначально не считали такие дела «сложными и запутанными» и поручали их ведение участковым неопытным следователям, в то время как незначительное количество умудренных опытом следователей занимались раскрытием других, часто малозначительных, преступлений¹⁸.

В Симбирской губернии только к июлю 1864 г. удалось сформировать штаты судебных следователей окружного суда, в основном из вчерашних студентов, выпускников юридического факультета Казанского императорского университета. Их первым серьезным экономическим делом стало расследование злоупотреблений чиновников, присвоивших часть средств, выделенных гражданам, пострадавшим от великого симбирского пожара в августе 1864 г. Начинающие судебные следователи сумели изобличить воров-чиновников и довести дело до суда¹⁹.

Были и другие следственные дела, связанные с финансовыми махинациями. Так, молодой судебный следователь Р. успешно расследовал уголовное дело, возбужденное губернским прокурором окружного суда в отношении нескольких симбирских купцов,

¹⁷ См.: *Городыцкий А.* О производстве предварительных следствий по делам о банковских хищениях (этюды из следственной практики) // Журнал гражданского и уголовного производства. 1884. Кн. 11. С. 13.

¹⁸ Там же. С. 2.

¹⁹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 15.

которые по сговору с интендантами одной из воинских частей поставляли продовольствие по завышенным ценам, а средства, «сэкономленные» на этих сделках, клали себе в карман, не забывая поделиться со своими благодетелями. Дело было завершено и передано в Симбирский военный суд, так как все дела, связанные с преступлениями, совершенными военнослужащими и при участии военнослужащих, рассматривались исключительно военными судами. Впервые к этому делу оказались причастны руководители Симбирского городского общественного банка, которые профинансировали некоторые сделки, однако тогда доказать их вину не удалось²⁰.

После того как в адрес Министерства финансов Российской империи в 1882 г. начали поступать жалобы от граждан на руководство Сызранского городского общественного банка, обвиненного в непроизводительных расходах, хищениях и растратах, министр финансов обратился к симбирскому губернатору с просьбой проверить изложенные факты. Проанализируем, как были организованы подобные расследования. Губернатор, получив письмо от министра финансов, по согласованию с министром внутренних дел, которому был непосредственно подчинен, создал комиссию для проведения ревизии и предварительного расследования в случае обнаружения злоупотреблений, в состав которой вошли командированные сотрудники Министерства финансов, помощник губернатора, а также представители Сызранской городской думы, которая руководила деятельностью банка. Возглавил комиссию помощник министра финансов для особых поручений В. Палтов. Члены комиссии выявили настолько вопиющие факты нарушений финансовой дисциплины, крупных хищений, фиктивных договоров, правил ведения кредитно-финансовых операций, что по итогам акта ревизии губернатор по

согласованию с прокурором окружного суда возбудил уголовное дело и поручил председателю Симбирского окружного суда организовать следствие. Расследованием занимались наиболее опытные судебные следователи. Перед этим Сызранская городская дума своим решением отстранила прежнее руководство городского общественного банка, заменив его другими людьми, а Минфин приостановил его деятельность до тех пор, пока в «банке не будет наведен порядок»²¹.

Сызранский городской общественный банк в лице нового руководства сразу же объявил о банкротстве. Тысячи мелких вкладчиков лишились сбережений, в Сызрани прошли массовые волнения и погромы, подавленные усиленными нарядами полиции, прибывшими в том числе из других городов. Следствие по этому делу продолжалось долгих четыре года и завершилось практически ничем. Судебный следователь так и не смог предъявить конкретное обвинение бывшим руководителям Сызранского городского общественного банка, и дело было закрыто из-за «недоказанности совершения преступного деяния».

Почему это произошло? Во-первых, в ходе проведения следственных действий обнаружились серьезные организационные и законодательные нестыковки и противоречия, заключающиеся в том, что вновь принятый в 1864 г. Устав уголовного судопроизводства запретил создавать какие-либо следственные комиссии и обязал следователей производить следственные действия исключительно в одиночку. В особых случаях закон предоставлял право председателю окружного суда, в состав которого входили судебные следователи, на основе ст. 212 подключить к расследованию конкретного дела и других следователей. Однако в случае с расследованием злоупотреблений в Сызранском городском общественном банке председатель Сим-

²⁰ ГАУО. Ф. 76. Оп. 3. Д. 14–15.

²¹ Там же. Ф. 16. Оп. 4. Д. 188. Л. 6.

бирского окружного суда посчитал это дело малозначимым и никаких других следователей в помощь не выделил.

Что получилось в итоге? Конечно, следователь в связи с расследованием «сызранского дела» получил в свои руки акты ревизии финансовой комиссии, в которых были указаны суммы растраты и похищенных средств, а также конкретные сделки, приведшие к этим убыткам и ущербу. Однако на основе этих документов и цифр доказать конкретный преступный умысел и предъявить обвинение конкретному лицу оказалось очень сложно: все подозреваемые в ходе допросов указывали на такие факторы, как «непредсказуемость рынка», «внезапное изменение масштабов цен», «неправильная изначальная оценка стоимости конкретного товара» и т. д. Соответственно, малоподготовленному в экономическом отношении следователю, на что указывал А. Городынский²², пришлось лично вникать во все тонкости кредитно-финансовых отношений. При расследовании «сызранского дела» следователю А. пришлось долгие годы разбираться в счетном материале. В результате дело было признано «неперспективным» ввиду отсутствия достаточного количества улик для привлечения подозреваемых к суду и закрыто²³. Проанализировав «сызранское дело», А. Городынский указал на крайне низкую финансово-экономическую квалификацию следователей, а также на то, что руководители следственного аппарата не в должной мере оценили всю социальную опасность подобных злоупотреблений в банковской сфере, которые подрывали финансовые институты государства²⁴.

Банкиры, почувствовав безнаказанность со стороны государства и его правоохранительных органов, позволили себе совершить подобные злоупотребления и в дру-

гих симбирских городских общественных банках. В 1888 г. таким же образом, как и Сызранский, обанкротился Карсунский городской общественный банк, лишив сбережений сотни вкладчиков. Местные власти в лице губернатора и уездного исправника отнеслись к этому событию крайне халатно. Комиссия, конечно, была создана. В ее состав вошли представители Карсунской городской думы, которые проверили банковские документы и никаких нарушений не обнаружили, подтвердив в итоговом заключении банкротство банка. После получения акта об итогах работы комиссии председатель Симбирского окружного суда с санкции прокурора окружного суда назначил следователя для проведения расследования. В ходе его работы все-таки были выявлены серьезные финансовые нарушения, однако круг виновных так и не был определен и дело также было закрыто из-за «отсутствия виновных». Единственное, что сделала Карсунская городская дума, так это своим постановлением провела замену всего правления банка²⁵.

По опыту проведения этих двух расследований следует указать еще на одно немаловажное обстоятельство. Мы можем предположить, что вялая реакция симбирского губернского и уездного руководства на итоги проведенного следствия по делам о банкротстве Сызранского и Карсунского городских общественных банков объясняется тем, что повсеместно центральные и местные органы власти крайне осторожно относились к возбуждению подобных уголовных дел. Когда вкладчики Симбирского городского общественного банка получили сведения о крахе Сызранского банка, среди населения началась паника, и не только в Симбирской губернии, но и в Самарской, Пензенской, Казанской. Рядовые вкладчики, равно как и крупные товарищества и

²² См.: Городынский А. Указ. соч. С. 4.

²³ ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 1021. Л. 4–5, 24.

²⁴ См.: Городынский А. Указ. соч. С. 4.

²⁵ ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 1021. Л. 24.

фирмы, стали массово изымать свои капиталы и вклады, в результате чего кредитно-финансовая система всего региона понесла существенный ущерб²⁶.

На практике осторожность при возбуждении дел о злоупотреблениях в банках и других кредитных учреждениях в работе судебных следователей проявлялась в том, что следователь, вопреки установленным законом требованиям, даже получив на руки заявление от потерпевшего в результате банковской деятельности с просьбой провести подобное расследование, не спешил это расследование начинать, не убедившись в том, что оно не написано в результате мести или навета, для чего он всегда требовал время для перепроверки заявления. Именно этим можно объяснить тот факт, что судебные следователи просто спускали на тормозах многочисленные заявления о правонарушениях и финансовых махинациях, происходящих в Сызранском городском общественном банке, не начиная расследований. Следствие началось только тогда, когда по просьбе Министерства внутренних дел в банке была проведена ревизия, действительно вскрывшая серьезные финансовые правонарушения²⁷.

Двойственная политика правоохранительных и государственных органов власти имела негативные последствия. Местные органы власти, прокуратура окружного суда, а также руководство этого судебного установления никак не реагировало на поступающие многочисленные сигналы и жалобы от граждан, в которых они рассказывали о многочисленных злоупотреблениях в кредитно-финансовых учреждениях. Достаточно привести пример Саратовско-Симбирского земельного банка, на работу которого власти как в Саратове, так и в Симбирске получали многочисленные жалобы. В некоторых из них прямо ука-

зывалось на махинации руководства этого банка. Ни власти, ни правоохранительные органы не предпринимали никаких мер по пресечению и даже элементарной проверке поступающих жалоб и заявлений.

Наконец произошло то, что и должно было случиться. В 1881 г. банк обанкротился, и тысячи граждан в Саратовской и Симбирской губерниях потеряли накопления. Возник невиданный финансовый скандал. Убытки составили сотни тысяч рублей. Только тогда по распоряжению губернатора председатель Симбирского окружного суда назначил расследование²⁸. И вот тут началось самое интересное. Оказалось, что следственные действия в отношении кредитно-финансовых учреждений в стране не были регламентированы никакими документами. Этим воспользовалось бывшее руководство банка, которое всячески пыталось скрыть от следователя финансовые документы²⁹.

При проведении следственных действий возникала и другая серьезная проблема. Согласно всем существующим инструкциям, следователь был обязан явиться в банк в сопровождении полиции, немедленно изъять весь счетный материал и документацию, а также приостановить деятельность банка. Однако городские власти категорически запрещали следователям делать это, так как даже кратковременное приостановление деятельности банка немедленно вело к его полному и окончательному краху и огромным убыткам акционеров. Возникал конфликт интересов, который потенциально мог привести к серьезным социальным потрясениям.

Так получилось и с проведением следственных действий в Саратовско-Симбирском земельном банке в 1881–1882 гг. Сразу же после того как судебный следователь изъясил всю банковскую документацию, не-

²⁶ ГАУО. Ф. 16. Оп. 4. Д. 188. Л. 8–9.

²⁷ Там же. Л. 5–6.

²⁸ См.: Городынский А. Указ. соч. С. 7.

²⁹ См.: Журнал гражданского и уголовного права. 1883. Кн. 5. С. 113–114.

медленно прибыли конкурсные управляющие, члены ликвидационной комиссии, которые по мандату Министерства финансов потребовали назад большую часть документации для текущей работы. Следовательно так и не удалось провести качественное расследование. Он не смог разобраться в сложной банковской документации, тем более что по закону ему никто не мог быть предоставлен в помощь, кроме полицейских, выполнявших несложные разовые поручения³⁰.

Следователь подробно доложил вышестоящему начальству обо всех возникших сложностях. Только тогда, ввиду огромного общественного резонанса дела, власти спохватились и решили довести его до конца. По разрешению руководства судебный следователь привлек к расследованию группу привлеченных со стороны финансовых работников, которые за значительное вознаграждение согласились оказать помощь в расследовании. Они были вынуждены заниматься расследованием по вечерам и по ночам. Даже несмотря на это, судебный следователь не смог доказать в действиях должностных лиц преднамеренного умысла, и дело, несмотря на все предпринимаемые усилия, было все-таки закрыто³¹.

Есть и другие примеры подобного подхвата. В 1880 г. внезапно обанкротилась Тамбовско-Саратовская железная дорога, поезда встали, заработную плату персоналу платить было нечем, приобрести уголь для паровозов тоже было не на что. Правительство, обеспокоенное положением дел, назначило финансовую ревизию бухгалтерии железной дороги. Из-за того, что железнодорожное счетоводство было чрезвычайно сложным и запутанным, мало уступающим по сложности банковскому, Министерство финансов направило в Тамбов целую бригаду ревизоров в количестве не менее 20 чел., которые в течение нескольких лет

расследовали обнаруженные махинации и недочеты³².

Когда в 1890 г. обанкротился третий по счету – Ардатовский городской общественный банк, местные органы власти решили довести в отношении его руководства следственное дело до конца и покарать виновных. За это дело правоохранительные органы взялись уже всерьез. Власти учли все ошибки неудачно проведенных расследований 1880-х гг. Была привлечена целая бригада судебных следователей и финансовых экспертов. Впервые в практике подобных расследований стали проводиться кредитно-финансовые экспертизы, к расследованию были привлечены сотрудники отделения Государственного банка, которые стали внимательно изучать все поступившие за последние годы отчеты Ардатовского городского общественного банка. По личному распоряжению губернатора были выделены финансовые эксперты губернского казначейства, так как в ходе расследования было установлено, что банковские дельцы похитили и казенные средства. Впервые начиная с расследования 1881–1882 гг. дело было доведено до конца. Судебные следователи вынесли обвинительное заключение, одобренное товарищем прокурора окружного суда по Ардатовскому уезду.

Чем можно объяснить этот успех следственных органов в раскрытии столь сложного преступления в кредитно-банковской сфере? Следственные действия удалось благополучно завершить, потому что, в отличие от Сызранского и Карсунского, Ардатовский городской общественный банк был небольшим, имел крайне незначительный оборот и его финансовые операции были значительно меньшими, чем в других одностипных банках. Кроме того, Ардатовский уезд был небольшим по численности населения, клиентов в этом банке было значительно меньше, чем, напри-

³⁰ См.: Журнал гражданского и уголовного права. 1883. Кн. 5. С. 113–114.

³¹ См.: Юридический вестник. 1881. № 2. С. 67–68.

³² См.: Городынский А. Указ. соч. С. 9.

мер в Сызрани. Банкротство Ардатовского банка, как это ни парадоксально, прошло в Симбирской губернии незамеченным и не вызвало серьезного общественного резонанса. Расследование вели квалифицированные судебные следователи, на счету которых были успешные расследования самых запутанных финансовых дел. Наконец, финансовые нарушения были настолько явными, что их стало возможным выявить и доказать. В январе 1892 г. дело было завершено и передано для рассмотрения в окружной суд³³.

Обсуждение и заключение

Расследования преступной деятельности некоторых городских общественных банков 1880–1890-х гг., проводимые не только в Симбирской, но и в целом ряде других губерний, имели в целом печальные последствия. Массовые крушения и банкротство городских общественных банков, а также значительное количество уголов-

ных дел, связанных с деятельностью этих кредитно-финансовых структур, привели к значительному ограничению их самостоятельности. Так, в 1884 г. было принято новое Положение о городских общественных банках. С этого момента любой вид операции не должен был превышать пятикратного размера суммы основного капитала банка. Были значительно ограничены размеры кредитов, выдаваемых одному лицу, а также категорически запрещено предоставлять ссуды другим банкам. В результате большинство городских общественных банков оказались не подготовлены к финансово-экономическому кризису первой половины 1880-х гг. и, в отличие от прочих коммерческих банков, понесли значительные финансовые потери³⁴. Об этом же пишут и другие исследователи [10; 11]. В первую очередь пострадали купцы второй и третьей гильдии, а также кустарные производители и мелкие ремесленники [2, с. 152].

Список источников

1. Алехов А. Становление банковского дела в России // Банковские услуги. 1997. № 2. С. 31–35.
2. Барышников М. Н. История делового мира России. М.: Аспект Пресс, 1994. 222 с.
3. Геращенко В. В. Россия и деньги. Что нас ждет? М.: Астрель; Русь-Олимп, 2008. 224 с.
4. Замятин Г. А. К. А. Анфилов, очерк его жизни и деятельности. Репринт. СПб.: О_Краткое, 2012. 287 с.
5. Капанина Т. С. Виды операций в городских общественных банках Российской империи // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2021. № 3. С. 26–30.
6. Мехряков В. Становление и развитие банковской системы России: XIX–XX вв. // Финансы. 1998. № 8. С. 19–22.
7. Морозан В. В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). СПб.: Финансист, 2004. 400 с.
8. Муравьева Л. А. Банковская система России в первой половине XIX в. // Финансы и кредит. 2011. № 33. С. 74–83.
9. Чумакова А. С. Зарождение и развитие системы городских общественных банков в России второй половины XIX – начала XX в. (на материалах Симбирской губернии). М.: Флинта, 2010. 206 с.
10. Figart D. Exploring a Public Bank for New Jersey: Economic Impact and Implementation Issues. Galloway: Stockton University, 2018. 36 p.
11. Marois Th. A Dynamic Theory of Public Banks (and Why it Matters) // Review of Political Economy. 2022. Vol. 34, no. 2. P. 356–371. DOI: 10.1080/09538259.2021.1898110.

³³ ГАУО. Ф. 76. Оп. 3. Д. 92.

³⁴ См.: Бородаевский С. В. Кредитный свод трудов местных комитетов по 49 губерниям европейской России. СПб., 1904.

References

1. Alekhov A. Formation of banking in Russia. *Bankovskie usluzhi* = Banking Services. 1997; 2: 31–35. (In Russ.)
2. Baryshnikov M. N. History of the business world of Russia. Moscow, 1994, 222 p. (In Russ.)
3. Gerashchenko V. V. Russia and Money. What awaits us? Moscow, 2008, 224 p. (In Russ.)
4. Zamyatin G. A. K. A. Anfilatov, an essay on his life and work. Reprint. Saint Petersburg, 2012, 287 p. (In Russ.)
5. Kapanina T. S. Types of operations in urban public banks of the Russian Empire. *Vestnik Gosudarstvennogo social'no-gumanitarnogo universiteta* = Bulletin of the State University of Humanities and Social Studies; 2021; 3: 26–30. (In Russ.)
6. Mekhryakov V. Formation and development of the Russian banking system: 19th – 20th centuries. *Finansy* = Finance. 1998; 8: 19–22. (In Russ.)
7. Morozan V. V. History of banking in Russia (second half of the 18th – first half of the 19th century). Saint Petersburg, 2004, 400 p. (In Russ.)
8. Muravyova L. A. The Russian banking system in the first half of the 19th century. *Finansy i kredit* = Finance and Credit. 2011; 33: 74–83. (In Russ.)
9. Chumakova A. S. The origin and development of the system of urban public banks in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Simbirsk province). Moscow, 2010, 206 p. (In Russ.)
10. Figart D. Exploring a Public Bank for New Jersey: Economic Impact and Implementation Issues. Galloway, 2018, 36 p. (In Eng.)
11. Marois Th. A dynamic theory of public banks (and why it matters). *Review of Political Economy*. 2022; 34; (2): 356–371. (In Eng.)

Поступила 27.10.2023.

Сведения об авторах

Некрасов Вениамин Аркадьевич – аспирант Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова (Ульяновск, Россия). Сфера научных интересов: история правоохранительных органов, история региона первой половины XIX в. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3532-2929>.

E-mail: vnekrasof@yandex.ru

Плохой Дмитрий Сергеевич – аспирант Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова (Ульяновск, Россия). Сфера научных интересов: история правоохранительных органов, история региона первой половины XIX в. ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2742-6511>.

E-mail: bedkazak@icloud.com

Чуканов Иван Альбертович – доктор исторических наук, профессор Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова (Ульяновск, Россия). Сфера научных интересов: история правоохранительных органов, история религии, история педагогики, история региона XIX в. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1426-0431>.

E-mail: chia58@rambler.ru

Submitted 27.10.2023.

About the authors

Veniamin A. Nekrasov – Graduate Student, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russia). Research interests: history of law enforcement agencies, history of the region in the first half of the 19th century. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1426-0431>.

E-mail: vnekrasof@yandex.ru

Dmitry S. Plokhoy – Graduate Student, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russia). Research interests: history of law enforcement agencies, history of the region in the first half of the 19th century. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9481-4800>.

E-mail: bedkazak@icloud.com

Ivan A. Chukanov – Doc. Sci. (History), Professor, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russia). Research interests: history of law enforcement agencies, history of religion, history of pedagogy, history of the region of the 19th century. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1426-0431>.

E-mail: chia58@rambler.ru

УДК 94 (470.57)

*Д. П. Самородов**Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий
(Стерлитамак, Россия), e-mail: d.p.samorodov@struust.ru*

Специфика развития потребительской кооперации в годы Первой мировой войны (по материалам Уфимской губернии)

Аннотация

Введение. Предметом исследования является история развития потребительской кооперации в Уфимской губернии в годы Первой мировой войны, а также специфика этого процесса в региональном измерении. В статье показывается, что потребительская кооперация была вызвана развитием стационарной (капиталистической) торговли.

Материалы и методы. Источниковая база исследования представлена совокупностью архивных документов, дореволюционных изданий и современных монографий, посвященных проблеме анализа становления и развития потребительской кооперации в годы Первой мировой войны. Для написания статьи были использованы общенаучные и специальные исторические методы.

Результаты исследования. В статье доказывается, что если в начале войны на Южном Урале происходило сокращение сети потребкооперативов, то позже, в условиях расстройств сети стационарной торговли, в регионе (как и во многих местах империи), напротив, выросло количество потребительских обществ, в условиях военного времени снабжавших население первоочередными товарами. Выделяется тот специфический для Уфимской губернии факт, что в потребкооперативы наиболее активно вступали состоятельные представители татарского населения.

Обсуждение и заключение. Логическим итогом быстрого развития системы потребкооперативов в военное лихолетье стало образование после 1915 г. крупных консолидирующих объединений – «Уфимского союза», «Мусульманского общества» и др. После 1917 г. развитие потребкооперации продолжалось в специфическом виде, т. е. под контролем советской власти.

Ключевые слова: Златоустовский уезд, потребительские общества, Уфимское товарищество по посредничеству, кооперативное движение, IV Губернское совещание, «Мусульманское общество», кооперативные услуги, М. И. Туган-Барановский.

Для цитирования: Самородов Д. П. Специфика развития потребительской кооперации в годы Первой мировой войны (по материалам Уфимской губернии) // Экономическая история. 2024. Т. 20, № 1. С. 44–56. DOI: 10.15507/2409-630X.064.020.202401.044-056.

Dmitry P. Samorodov

Sterlitamak branch of Ufa University of Science and Technology (Sterlitamak, Russia),
e-mail: d.p.samorodov@struust.ru

The Specifics of the Development of Consumer Cooperation during the First World War (Based on the Materials of the Ufa Province)

Abstract

Introduction. The subject of the study is the history of the development of consumer cooperation in Ufa province during the First World War, as well as the specifics of this process in the regional dimension. The article shows that consumer cooperation was caused by the development of stationary (capitalist) trade.

Materials and Methods. The source base of the study is represented by a set of archival documents, pre-revolutionary publications and modern monographs devoted to the problem of analyzing the formation and development of consumer cooperation during the First World War. The article was written using general scientific and special historical method.

Results. The article proves that if at the beginning of the war in the South Urals there was a reduction in the network of consumer cooperatives, then later, in the conditions of the stationary trade network disorder, the region (as well as in many places of the empire), on the contrary, saw a different increase in consumer societies that supplied the population with priority goods in wartime conditions. The fact, specific for Ufa province, that wealthy representatives of the Tatar population of Ufa province were the most active members of consumer cooperatives stands out.

Discussion and Conclusion. The logical outcome of the rapid development of the consumer cooperative system during the war years was the formation of large consolidating associations after 1915 – “Ufa Union”, “Muslim Society” and others. After 1917, the development of consumer cooperatives continued in a specific form, i.e. under the control of the Soviet authorities.

Keywords: Zlatoust district, consumer societies, Ufa Mediation Partnership, cooperative movement, IV Provincial Meeting, “Muslim Society”, cooperative services, M. I. Tugan-Baranovsky.

For citation: Samorodov D. P. The Specifics of the Development of Consumer Cooperation during the First World War (Based on the Materials of the Ufa Province). *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2024; 20(1): 44–56. (In Russ.). DOI: 10.15507/2409-630X.064.020.202401.044-056.

Введение

В начале XX в. в торговой сфере, как и в других отраслях экономики Российской империи, неотвратимо продолжали утверждаться капиталистические основы. Особое место в процессе развития капиталистической торговли играла потребительская кооперация, начало развития которой относится еще к середине 60-х гг. XIX в. Уже к концу XIX в. потребительская кооперация, проникнув как в город, так и в деревню, превратилась в подлинно народное движение [6]. Особенностью этого процесса было то, что потребительская кооперация была вызвана к жизни фактом слабого и медленного развития стационарной, капиталистической торговли. Следствием этого стало установление почти полной монополии профессиональных торговцев, особенно в регионах, отдаленных от круп-

ных торговых и экономических центров. Крупнейший специалист и теоретик потребительской кооперации М. И. Туган-Барановский отмечал по этому поводу: «Чем же объяснялся этот быстрый рост в нашей деревне уже несомненной кооперации. Прежде всего, слабым развитием в русской деревне капиталистической торговли. Деревенский лавочник занимает у нас монопольное положение и пользуется этим, повышает цены своих товаров до чудовищных размеров. При таком положении дела даже очень слабое потребительское общество может с успехом конкурировать с лавочником» [7, с. 310].

Потребительские общества пользовались определенной поддержкой государства, давали возможность кооператорам приобретать предметы первой необходимости по вполне доступным ценам и на вы-

годных условиях. Большого размаха развитие потребительской кооперации достигло в столыпинскую эпоху, когда Россия покрывалась густой сетью потребительских обществ: с 1906 по 1913 г. в стране появились 9 554 общества [3, с. 53].

В Уфимской губернии потребительская кооперация появилась уже в начале 80-х гг. XIX в. в Златоустовском уезде, где были сосредоточены казенные заводы и рабочее население особенно болезненно ощущало на себе последствия торгового монополизма. Впоследствии в сферу потребительской кооперации включились другие социальные слои населения губернии. К июлю 1914 г. в Уфимской губернии насчитывалось 61 потребительское общество [5, с. 6].

Материалы и методы

Источниковой базой материалов исследования стали архивные документы Центрального исторического архива Республики Башкортостан, а также некоторые печатные издания рубежа XIX–XX вв., в частности общественно-политическая и литературная газета «Уфимский край», выходившая в Уфе на русском языке в 1848–1917 гг.

Важные сведения были обнаружены нами в дореволюционных изданиях, посвященных проблеме анализа становления и развития потребительской кооперации в годы Первой мировой войны.

Территориальные рамки исследования охватывают Уфимскую губернию, которая была образована выделением из соседней Оренбургской в 1865 г., что позволяет нам проводить исследование в тесном сопоставлении с аналогичным процессом соседей путем применения основополагающего метода – сравнительно-исторического.

Результаты исследования

Начало нового этапа в развитии потребительской кооперации, как в целом в Российской империи, так и в Уфимской губернии, связано с важным событием – Первой мировой войной. Среди ее последствий – глобальные нарушения в экономике, транспортных системах и торговых связях.

Вначале медленно, а затем стремительно начали расти цены на основные товары, развилась спекуляция. Это стало серьезной проблемой для продовольственной безопасности населения.

Военные действия оказали двойственное влияние на дальнейшее развитие потребительской кооперации. В начале войны сеть потребительских обществ сократилась. В условиях разрушения народного хозяйства и нарушения системы товарообмена многие общества не смогли продолжать свою деятельность. Так, по данным обследования губернского инструктора потребительской кооперации, к 16 ноября 1914 г. в Уфимской губернии продолжали функционировать всего 37 обществ, остальные же, не выдержав тяжести военного бремени и новых экономических реалий, прекратили работу. Полное наглядное представление о количестве ликвидировавшихся потребительских обществ дает табл. 1 [5, с. 6].

В количественном отношении наибольшие потери пришлось на Златоустовский уезд, который формировал 35 % от общего числа закрывшихся кооперативов. Стоит отметить, что оставшиеся кооперативы – это в основном потребительские общества при казенных заводах.

Тем не менее, именно военный фактор обусловил и последующий рост новых кооперативов, который стал самым большим за всю историю потребительской кооперации в Уфимской губернии. Этому факту есть некоторые объяснения: сложившаяся хозяйственная ситуация фактически перестроила взаимосвязи между сельским хозяйством, промышленностью и торговлей края, что, несомненно, приводило к дефициту продукции, ее удорожанию и спекуляции. Население Уфимской губернии, фактически отчаявшись в ожидании помощи от государственных и общественных учреждений, пошло по пути объединения усилий, где форма потребительского кооператива была удобна и ранее знакома, что, по образному выражению современника, являлось «скорее инстинктивным стремлением к само-

Таблица 1
Количество потребительских обществ по уездам в 1914 г. /
Table 1
The number of consumer societies by county in 1914

Название уезда / County name	Количество обществ / Number of societies	% к общему числу действовавших ранее обществ / % of the total number of previously active societies
Стерлитамакский / Sterlitamaksky	1	38
Уфимский / Ufa	5	20
Белебеевский / Belebeevsky	4	40
Бирский / Birsky	6	75
Златоустовский / Zlatoustovsky	9	43
Мензелинский / Menzelinsky	1	25

Таблица 2
Количество потребительских обществ по уездам в 1916 г.* /
Table 2
The number of consumer societies by county in 1916

Название уезда / County name	Количество потребительских обществ / Number of consumer societies
Уфимский / Ufa	63
Бирский / Birsky	59
Белебеевский / Belebeevsky	53
Мензелинский / Menzelinsky	45
Стерлитамакский / Sterlitamaksky	38
Златоустовский / Zlatoustovsky	30

* Составлено по: IV Губернское совещание по вопросам кооперации. С. 8. / Compiled from: IV Provincial meeting on issues of cooperation. Ufa, 1916. P. 8.

помощи»¹. Следует отметить изначальную стихийность процесса складывания новых кооперативов, но статистика их роста ко второму и третьему году войны вызывала удивление современников и демонстрировала некую уникальность явления.

Таким образом, на 1 августа 1916 г. в Уфимской губернии уже действовало 288 обществ; следовательно, их численность по сравнению с 1914 г. увеличилась почти в 8 раз (табл. 2). Данные табл. 2 дают представление о численности потребительских обществ губернии на начало августа 1916 г. и их распределении по уездам.

Быстрое увеличение числа потребительских обществ наметилось к концу 1914 – на-

чалу 1915 г. В Уфимском уезде, где было наибольшее число обществ, данная тенденция наблюдалась уже к 1914 г., но усиленный рост отмечен к марту 1916 г. Это обусловлено резким повышением цен на предметы первой необходимости. На сентябрь 1916 г. здесь насчитывалось 79 обществ (68 сельских, 6 заводских и 5 городских) – в 8 раз больше, чем в 1914 г.² К причинам можно отнести близкое расположение линии Самаро-Златоустовской железной дороги, судходной части р. Белой, о чем свидетельствует концентрация обществ в той части уезда, которая была расположена в отрезке между железнодорожной станцией Чишмы и пристанью Топорнино.

¹ IV губернское совещание по вопросам кооперации. Уфа, 1916. С. 7.

² Там же. С. 24.

В Белебеевском уезде на 1915 г насчитывалось 8 обществ, а к 1 сентября 1916 г. – уже 53. Резкий рост числа потребительских обществ наблюдался здесь с марта 1916 г.³ С февраля по август 1916 г. ежемесячно росла численность обществ и в Мензелинском уезде, что в целом определяется показателем роста в 5,5 раза⁴. Следует отметить, что и в других уездах Уфимской губернии динамика этого процесса была высокой.

Таким образом, столь резкий рост новых обществ фактически везде пришелся на начало 1916 г. Данный процесс расширения потребительской кооперации в целом по губернии имеет тесную связь с усугублением хозяйственного и продовольственного кризиса, перестраиванием экономики и ее связей на обеспечение потребностей военного времени.

Большинство потребительских обществ края приходилось на сельскую местность. Это можно объяснить тем, что фактически 90 % населения губернии на тот момент проживало за пределами Уфы и уездных центров. Здесь данное явление не представляется уникальным, так как ситуация в целом по стране характерна для сложившейся системы потребительской кооперации. По данным М. И. Туган-Барановского, к началу 1917 г. 75 % всех обществ (1 500) были в деревне [7, с. 310]. Средняя численность сельских обществ в большинстве уездов губернии составляла 200 чел. Иная ситуация сложилась в Стерлитамакском уезде, где в 32 обществах было примерно 17 тыс. чел., что составляло в среднем 531 чел. на одно общество⁵.

Кооперативное движение распространилось и на все национальности, представляющие этническую картину Уфимской губернии. Многие общества были образованы по национальному признаку. Отмечается высокий удельный вес татарских потреби-

тельских кооперативов. В 1916 г. в Стерлитамакском уезде из 32 кооперативов 9 были представлены татарскими, 3 – мордовскими и остальные – русскими⁶. В Белебеевском уезде, расположенном на западе Уфимской губернии, из 52 потребительских обществ 38 % приходилось на татарские, остальные общества были башкирские, русские, украинские и мордовские⁷.

Характерной чертой кооперативного движения было вступление в потребительские общества в основном состоятельных людей. Это можно легко объяснить: участие в потребительском обществе приносило выгоду тем, кто обладал определенными финансовыми ресурсами, позволяя им рассчитывать на высокие проценты от паев и доступ к товарам по доступным ценам. Даже священнослужители не отказывались от участия в кооперативной деятельности, в отличие от сельской интеллигенции, которая, как правило, не проявляла интереса к потребительской кооперации.

Многие кооператоры проявляли равнодушие и безразличие к активностям своего общества. Эта тенденция была особенно заметна в молодых кооперативах, где общие собрания проводились редко или не проводились совсем из-за недостатка участников. Деятельность ревизионных комиссий была плохо организована, что способствовало несанкционированным действиям и даже злоупотреблениям членов руководства общества. Подобная ситуация объяснялась отсутствием в кооперативной среде интеллигенции, способной внести более высокий культурный и организационный элемент в общественную жизнь, а также естественным стремлением людей в условиях военного времени ограничиваться узкими материальными интересами.

Культурно-просветительская деятельность, свойственная кооперативному дви-

³ См.: IV Губернское совещание по вопросам кооперации. С. 17.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ Там же. С. 20.

⁷ Там же. С. 101.

жению в целом, не привлекала особого внимания потребительских обществ. В сельских кооперативах она проявлялась главным образом в закупке газет, журналов, брошюр, а также в материальной поддержке школ и училищ.

В новых обществах, только начинающих торговую деятельность, внимание к кооперативной сфере было практически незаметным. Особое внимание уделялось этому направлению лишь изредка в тех обществах, в основном старых, которые обладали значительными финансовыми ресурсами. Встречались и интересные практики. Так, в Белебеевском уезде Шаровское общество, в которое в основном входили переселенцы с Украины, выделилось своей инициативой: построило народный дом, приобрело киноаппарат и организовало собственную библиотеку⁸.

Основой экономической деятельности потребительских обществ служили паевые взносы, размеры которых в уездах губернии различались. В Мензелинском уезде наиболее распространенным был членский взнос в размере 5 руб., однако иногда он снижался до 2 руб. и поднимался до 20 руб. В Уфимском уезде величина паевых взносов варьировалась, главным образом от 3 до 10 руб., при этом максимальные суммы чаще всего применялись в новых обществах. Резервный капитал кооперативов был меньше по сравнению со вступительными взносами. Замечено, что многие общества, возникшие в период военных событий, совсем не обладали резервным капиталом⁹. Следовательно, собственных средств потребительских обществ было, строго говоря, недостаточно для успешной коммерческой деятельности. Проблема необходимых займов оставалась актуальной для кооперативного движения.

Существовали различные способы, по которым кооперативы могли расширить свои финансовые возможности. Например,

кооперативы иногда обращались за займами к частным лицам, но это был не основной источник кредитования. В Уфимском уезде в 1916 г. такие займы составляли 27,9 % от общего объема. Потребительские общества иногда также использовали кредит, предоставленный кредитными товарищами. Однако этот метод не стал широко распространенным по нескольким причинам. Как коммерческие учреждения кредитные товарищества неохотно вступали в деловые отношения с потребительскими обществами, частично из-за недостаточного понимания их деятельности и жизни потребительской кооперации. Это вызывало сомнения у кредитных кооперативов относительно эффективности таких деловых отношений с подобными клиентами. В Уфимском уезде к середине 1916 г. кредитными кооперативами было выдано всего 12,7 % всех займов, предоставленных потребительским обществам. Высокая ставка (12 %) за предоставленный кредит также не способствовала укреплению сотрудничества между этими двумя кооперативными системами.

Земские кассы мелкого кредита представляли собой важный инструмент кредитования и финансовой поддержки потребительских кооперативов в Уфимской губернии. Губернское земство использовало финансовые ресурсы с целью оказания поддержки потребительским обществам. Однако отношение земских касс к кооперативам не было единообразным. Наиболее благоприятное положение было в Уфимском уезде, где земские кассы активно предоставляли кредиты значительному числу обществ в размерах от 300 до 5 000 руб. с 7 % годовых. В этом уезде доля займов, предоставленных земской кассой, составляла 41,5 % от общего объема займов, выданных обществам. В других уездах земские кассы предоставляли кредиты потребительским кооперативам в меньших объемах¹⁰.

⁸ См.: IV Губернское совещание по вопросам кооперации. С. 17.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

В 1916 г., когда трудности Первой мировой войны ощущались наиболее остро, в Уфе с 4 по 5 сентября прошло IV Губернское совещание. Основным вопросом обсуждения стали аспекты, связанные с потребительской кооперацией. Это совещание было организовано губернским земством, которое проявляло особый интерес к потребительской кооперации, осознавая ее значимость в обеспечении населения необходимыми товарами в условиях дефицита. В то время процесс развития кооперации шел динамично, но стихийно. Таким образом, задачей совещания было не только определение масштабов и структуры кооперативного движения, но и коррекция губернской политики по отношению к кооперации с целью предоставления ей эффективной поддержки. В работе совещания участвовали представители губернского земства, в частности С. С. Алгазин (член управы), М. И. Маркевич (временно исполняющий обязанности председателя правления губернской земской кассы мелкого кредита), И. Л. Орлов (губернский агроном), Э. Ю. Блюменталь (губернский инструктор по кооперации), А. С. Семенов (руководитель губернского земского склада сельскохозяйственных орудий), Е. Д. Кулагин, М. П. Красильников.

В ходе совещания также присутствовали 34 представителя всех уездов Уфимской губернии. Главный доклад, вызвавший обширное обсуждение, был представлен Э. Ю. Блюменталем. По итогам двухдневных дебатов участники совещания приняли несколько постановлений, направленных на практическую поддержку дальнейшего развития потребительской кооперации. В первом постановлении отмечалось: «Приветствуя рост потребительской кооперации как ключевого фактора в экономической жизни населения, в том числе в борьбе с дороговизной, совещание выражает поддержку дальнейшему укреплению потреби-

тельских кооперативов и их объединений. Это необходимо для того, чтобы движение не прекращалось после окончания войны, а продолжало свое развитие как в глубину, так и вширь»¹¹.

Еще одним важным решением было принятие мер для упрощения и снижения затрат на кредитование для потребительских обществ. В этом контексте на совещании подчеркивалось, что следующим приоритетом для земских касс мелкого кредита должна быть «широкая финансовая поддержка потребительской кооперации». Особое внимание уделялось предоставлению кредитов союзным объединениям. В резолюциях совещания был сделан акцент на необходимости установления более тесного взаимодействия между потребительскими обществами и союзными объединениями с использованием систематического информирования касс мелкого кредита о своей деятельности. Для достижения этих целей всем обществам предлагалось регулярно предоставлять отчеты и другие сведения кассам¹².

Совещание оставило особый след в истории потребительской кооперации Уфимской губернии того времени. После принятия различных решений было официально поддержано дальнейшее развитие кооперативного процесса, что способствовало более тесному взаимодействию между разными потребительскими обществами и объединениями. Позднее материалы совещания, включая протоколы, доклады и постановления, были официально опубликованы и представили собой ценный исторический источник. Они позволяют исследователям более глубоко изучить историю кооперации в период военных событий.

Осенью и зимой 1916 г. кооперативное движение продолжало распространение. С 17 сентября по 24 октября местная администрация выдала 41 разрешение¹³. Однако увеличение активности потребительских кооперативов сопровождалось неряшли-

¹¹ IV Губернское совещание по вопросам кооперации. С. 93.

¹² Там же.

¹³ См.: Уфимский край. 1916. 27 окт.

вым ведением бухгалтерии. Регулярно поступали жалобы на различные незаконные действия и злоупотребления со стороны членов правления обществ¹⁴. Много инцидентов происходило в процессе закупки и распределения товаров. Эти явления были обусловлены особенностями социального состава кооператоров. В среде малообразованного и не посвященного в тонкости кооперативного дела населения губернии требовалась активная работа инструкторов по кооперации. Число таких специалистов было недостаточным. Это также было связано с дефицитом кооперативной литературы, особенно востребованной потребительскими обществами, в основном новыми.

Все эти моменты привлекли внимание участников IV Губернского совещания и были отражены в резолюциях по его итогам. Одним из аспектов было планирование оживления издательской деятельности путем объединенных усилий и финансирования со стороны земства и кооперативных союзов. Следует подчеркнуть, что особое внимание уделялось изданию книг и учебных пособий на «инородческих» языках.

Планировалось наладить выпуск кооперативного журнала на уровне губернии, а также расширить ассортимент кооперативной литературы в библиотеках кооперативов, принадлежащих кассам мелкого кредита. Кроме того, эти библиотеки предполагалось оборудовать кинематографическими аппаратами, включая запас диапозитивов и кинолент¹⁵. Значительную роль в решении данной задачи сыграли земские кассы мелкого кредита, которые стали ключевым источником материально-финансовой поддержки кооперативной системы в губернии. В 1915 г. продажи литературы от земских касс потребительским обществам составили всего 56 руб., в то вре-

мя как в 1916 г. этот показатель вырос до 600 руб. Продажи книг в конторах кассы также увеличились с 166 руб. в 1915 г. до 733 руб. в 1916 г.¹⁶

Обсуждение и заключение

Усиление интеграционных процессов между потребительскими обществами сопровождало развитие их кооперации. Эта тенденция соответствовала логике эволюции кооперации в период военных действий: объединение ресурсов и подчинение общего руководства в важных вопросах сотрудничества облегчали сохранение дееспособности потребительских обществ в условиях распада внутреннего рынка. Также это способствовало более крепкому объединению народа в противостоянии последствиям хозяйственной разрухи. Процесс взаимодействия базировался на объединении кооперативов в союзы.

В Уфимской губернии весной 1916 г. прошли два съезда представителей потребительских обществ губернии¹⁷, а с лета того же года начали формироваться союзные объединения. Согласно некоторым современным исследованиям, первый съезд учредителей Уфимского товарищества кооперативов, возможно, состоялся 2 марта 1916 г. [1].

Уфимский союз включал в себя крупные потребительские кооперативы, среди которых выделялся важный Трудовой союз во главе со служащим магазина Дворжеца Р. Форстманом. К сентябрю 1916 г. в Трудовом союзе было зарегистрировано 3 260 участников, а оборот товаров достигал 208 тыс. руб.¹⁸ Значимость Трудового союза в структуре потребительской кооперации подчеркивается тем, что в 1916 г. Р. Форстман занимал пост председателя правления Уфимского союза¹⁹. Среди прочих влиятельных кооперативов, игравших важную

¹⁴ См.: Уфимский край. 1916. 20 сент.

¹⁵ См.: IV Губернское совещание по вопросам кооперации. С. 95.

¹⁶ См.: Уфимский край. 1916. 7 окт.

¹⁷ См.: IV Губернское совещание по вопросам кооперации. С. 13.

¹⁸ См.: Уфимский край. 1916. 23 сент.

¹⁹ ЦГИА РБ (Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан). Ф. И-17. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

роль в Уфимском союзе, следует отметить «Мусульманское общество».

В процессе расширения Уфимского союза и расширения сферы его коммерческой деятельности отмечалось увеличение оборота. Если в 1916 г. он составлял 1 220 руб., то всего через два месяца вырос до 87 500 руб. Губернская касса мелкого кредита оказывала важную финансовую поддержку Уфимскому союзу, предоставив кредит в размере 50 тыс. руб. под 7 % годовых. Закупочные операции союза приобрели значительные масштабы: в 1916 г. на Нижегородской ярмарке были закуплены товары на сумму 130 тыс. руб.: бакалея (30 % от общей суммы закупок), мануфактурные изделия, галантерейные товары, скобяные изделия и посуда²⁰.

Кроме вступления в Уфимский союз, в Уфимской губернии с конца июня 1916 г. появилась возможность присоединиться к двум другим потребительским ассоциациям. Изначально товарищество потребителей обществ «Самсон» в Бирском уезде объединяло 25 кооперативов и внесло 6 000 руб. в капитал для проведения первоочередных закупок товаров на Нижегородской ярмарке. Во второй половине июня было создано аналогичное товарищество в Мензелинском уезде, объединяющее 11 кооперативов с посредничеством. Несмотря на долгосрочные перспективы, учредители не торопились формализовать уставный союз²¹. Однако впоследствии это объединение не получило дальнейшего развития.

В уездах губернии интеграционные процессы развивались медленнее по сравнению с другими. К концу лета 1916 г. в Белебеевском и Стерлитамакском уездах только начинали формироваться подобные объединения, но, со слов губернского инструктора по кооперации Э. Ю. Блюменталя, в то время крупные кооперативы, такие как I Городской в Уфе, а также Мензелин-

ский и Челнинский в Мензелинском уезде, не присоединились к ним²².

С 1917 по 1918 г. наблюдалось расширение потребительской кооперации и усиление процессов интеграции. Этот временной отрезок тесно связан с важными внутривнутриполитическими событиями в России. В начале 1917 г. наблюдалась резкая корректировка правительственной политики в отношении потребительской кооперации. До этого момента деятельность потребительских обществ опиралась на основное законодательство – Нормальный устав потребительских обществ, утвержденный правительством еще 13 мая 1897 г. Несмотря на то что Нормальный устав способствовал развитию кооперации, он устанавливал определенные бюрократические ограничения для процедур регистрации и деятельности потребительских обществ.

В марте 1917 г. произошли кардинальные изменения в обстановке. В условиях продолжающейся непопулярной войны и острой политической и экономической нестабильности самодержавный режим потерпел крах. Спад царской власти был предопределен логикой исторических процессов. Историк Н. А. Бердяев в книге «Русская идея» отмечал, что «старый режим сгнил и не нашел достойных защитников» [Цит. по: 4, с. 263]. Эти события глубоко повлияли на ход развития кооперативного движения.

На смену авторитарной системе царской власти пришло Временное правительство, которое само по себе было буржуазным. К тому времени стало очевидным, что развивающееся кооперативное движение играло ключевую роль в экономической жизни страны. В 1917 г. 35 тыс. потребительских обществ составляли 35 % общего товарооборота страны и объединяли 11,5 млн чел.²³ После свержения самодержавия Временное правительство приняло новое законодательство о кооперации. Закон от 20 марта 1917 г.

²⁰ См.: IV Губернское совещание по вопросам кооперации. С. 13.

²¹ Там же. С. 242.

²² Там же. С. 244.

²³ См.: Новый кооперативный закон. Уфа, 1917.

значительно упрощал процедуру создания новых потребительских обществ: «В отличие от предыдущего порядка, для учреждения кооперативных товариществ больше не требовалось предварительного разрешения». Теперь создание новых кооперативов стало более легким, поскольку для получения статуса юридического лица кооперативы и их союзы лишь обязаны были зарегистрироваться в окружных судах²⁴.

Пересматривались и уточнялись основные принципы кооперативной деятельности: «Таким образом, цель кооперативных предприятий заключается не в извлечении прибыли и обогащении, а в содействии благосостоянию членов, включая как материальные, так и духовные аспекты, что дает кооперативу возможность развивать обширную культурно-просветительскую деятельность»²⁵.

Помимо этого, предусматривалось расширение сферы кооперативных услуг, поскольку теперь кооперативам рекомендовалось обслуживать все население. Новый закон направлял на объединение кооперации в форме всероссийских, областных и других советов съездов представителей кооперативных организаций. Однако с появлением нового законодательства осталась нерешенной проблема активной финансовой поддержки со стороны Временного правительства.

Тем не менее новое законодательство имело огромное значение. М. И. Туган-Барановский, оценивая деятельность Временного правительства в контексте кооперативного движения, писал: «Февральская революция представляла собой новую эру в истории русской кооперации, поскольку впервые русская кооперация получила полную свободу развития. Узы, ограничившие ее свободный рост при старом режиме, были сняты, и кооперация начала движение по новому пути в рамках свободного самоопределения» [7, с. 173].

Появление нового закона вызвало удовлетворение среди кооператоров. Протек-

ционистская политика Временного правительства стимулировала дополнительную активность в коммерческой и общественной сферах кооперации. Уже на Всероссийском кооперативном съезде в конце марта 1917 г. кооператоры одобрили кооперативную политику новых властей, соответствующую потребностям и требованиям потребительской кооперации [2]. В то же время в Уфимской губернии продолжалась процедура объединения кооперативных обществ. Уфимский союз, руководивший союзными кооперативными объединениями, активно расширял свое влияние, привлекая все больше потребительских обществ.

Летом 1917 г. Уфимский союз претерпел существенные трансформации, превратившись в новую структуру – Союз потребительских кооперативов Уфимской губернии. Это объединение унаследовало все активы, пассивы, товары и имущество от предшествующего Уфимского союза. С июля 1917 по январь 1918 г. председателем правления Союза был назначен П. Э. Линд. Особенности формирования этого союзного объединения стали политические потрясения, характерные для июльского кризиса в России. На фоне этого критического момента кооперативы из различных уголков страны высказали свою поддержку Временному правительству, рассматриваемому как защитник кооперативного движения. 18 июля Союз потребительских кооперативов направил приветственную телеграмму А. Ф. Керенскому, подчеркивая общую поддержку Временному правительству в его усилиях по восстановлению революционного порядка и проведению страны к Учредительному собранию²⁶.

Сфера деятельности Союза потребителей кооперативов охватила значительное количество потребительских обществ Уфимской губернии. Вторая половина 1917 г. была периодом активного присоеди-

²⁴ См.: Новый кооперативный закон. С. 1.

²⁵ Там же.

²⁶ ЦГИА РБ. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.

нения новых кооперативов к объединению, хотя из-за ограниченной информации трудно точно определить их количество. К концу второй половины 1918 г. в Союзе уже участвовало 290 кооперативов, преимущественно из Уфимской губернии. В последующем к нему на общих основаниях присоединились и кооперативы из других регионов, прилегающих к Уфимской губернии²⁷.

Несмотря на ограниченные финансовые ресурсы, руководство Союза стремилось расширить коммерческую деятельность. Было принято решение предложить потребительским обществам увеличить свои доли до 100 руб., а также стимулировать увеличение долей через добровольные взносы. Собрание Союза также предоставило правлению кредит в размере до 5 млн руб., отражая стремление к активному развитию и поддержке кооперативного движения в сложный период истории России²⁸.

В процессе проведения закупок товаров, находившихся в центре повышенного спроса в Уфимской губернии, правлению Союза удавалось успешно налаживать обширные и надежные торговые связи с различными регионами России. Этот процесс охватывал не только европейскую часть страны, но и Сибирь и Среднюю Азию. Например, известное сибирское сливочное масло, обладающее высокими вкусовыми характеристиками и пользующееся высоким спросом как в России, так и за рубежом еще до войны, регулярно поступало в Союз от сибирских маслодельных артелей.

Тем не менее закупочная деятельность Союза не всегда была стабильной, что было обусловлено рядом ошибок в коммерческой политике и некоторыми случаями корыстолюбия и лихоимства со стороны членов правления. Иногда руководство, ответственное за закупки товаров, подвергалось критике из-за покупки товаров у спекулян-

тов по завышенным ценам, что вредило интересам кооператоров. Особое беспокойство внутри Союза вызвало поведение З. Кудашева, ответственного за закупки товаров в Средней Азии. Расследование выявило, что он в личных интересах использует командировки, принося ущерб интересам Союза. Товары, закупаемые им, не предназначались для нужд Союза, а использовались в интересах других организаций. Общее собрание признало действия З. Кудашева антикооперативными и заключило, что «такие элементы в среде кооператоров недопустимы»²⁹.

Союз потребительских кооперативов включал общества, организованные на национальной основе. Февральская революция стала стимулом для активизации процесса национального самоопределения среди «инородцев» (термин, использованный властями для обозначения представителей национальных меньшинств). Этот процесс проявлялся не только в политической, общественной и культурной сфере, но и в кооперативном движении, где татарские потребительские общества играли важную роль. Особое положение в Союзе потребительских кооперативов и в кооперативном движении губернии занимало Мусульманское общество потребителей, вероятно, созданное в 1915 г. В руководстве Союза потребительских кооперативов существовала отдельная татарская фракция.

Для мусульман-кооператоров, стремящихся углубить свое понимание основ кооперативного дела и воспользоваться опытом других потребительских обществ, ключевым вопросом стало приобретение соответствующей литературы на родном языке. Руководство Союза в 1918 г. приняло решение выделить до 50 тыс. руб. на издание книг о кооперативной деятельности на татарском языке в рамках инициативы татарской фракции³⁰.

²⁷ ЦГИА РБ. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 3. Л. 57.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 50–54.

³⁰ Там же. Л. 49.

В 1918 г. в рядах инструкторов Союза было четверо мусульман, нацеленных на сотрудничество с мусульманскими кооперативами³¹. В общих собраниях уполномоченных Союза было заметно активное участие мусульман. В январе 1918 г. В. А. Кугушев был избран председателем собрания Союза, а среди товарищей председателя и секретарей числились представители мусульман. Проявляя уважение к мусульманскому обществу, собрание поручило В. А. Кугушеву переводить речи на татарский язык³².

С приходом к власти большевиков, которые рассматривали кооперативное дело как элемент капитализма и стремились превратить кооперацию в средство для социальных преобразований, судьба кооперативного движения была заранее предрешена. В январе 1918 г. действия большевиков, направленные на лишение Союза потребительских кооперативов и кооперативных организаций

независимости, а также стремление установить строгий контроль над кооперативами, вызвали глубокое недовольство представителей Союза. Общее собрание Союза постановило: «Поскольку кооператив представляет собой не капиталистическую, а социалистическую инициативу, любое вмешательство власти, замедляющее развитие кооперации, считается неприемлемым»³³.

Однако данный принцип кооперации был несовместим с идеологией и стратегией большевиков. Декретом Совета народных комиссаров от 27 января 1920 г. «Об объединении всех видов кооперации» кооперативные структуры были трансформированы в распределительный аппарат Наркомпрода. С этого времени начался новый этап в развитии отечественного кооперативного движения, где потребительские общества стали подчинены строгому контролю советской власти.

Список источников

1. Даутов Х. К., Мазин В. И. Потребительская кооперация Башкортостана: история и современность. Уфа: Башпотребсоюз, 2006. 191 с.
2. Лубков А. В. Революция, власть и кооперация // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия: сб. ст. М., 1993. С. 76–83.
3. Меркулов А. В. Исторический очерк потребительной кооперации в России. М.: Моск. союз потребительных обществ, 1915. 112 с.
4. О России и русской философской культуре: Философы рус. послеокт. зарубежья. М.: Наука, 1990. 528 с.
5. Рыбалкин М. Очерк потребительной кооперации Уфимской губернии. Уфа: Уфим. губ. земство, 1915. 98 с.
6. Самситдинов И. История развития потребительской кооперации в Республике Башкортостан. URL: <https://ufa.ruc.su/news/detail/116258/> (дата обращения: 16.11.2023).
7. Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. М.: Экономика, 1989. 496 с.

References

1. Dautov Kh. K., Mazin V. I. Consumer cooperation of Bashkortostan: history and modernity. Ufa, 2006, 191 p. (In Russ.)
2. Lubkov A. V. Revolution, authority and cooperation. *Vlast' i obshchestvennyye organizatsii Rossii v pervoi treti XX stoletia: sb. st.* = Authorities and public organizations in Russia in the first third of the XX century. Collection of articles. Moscow, 1993:76–83. (In Russ.)
3. Merkulov A. V. Historical sketch of consumer cooperation in Russia. Moscow, 1915, 112 p. (In Russ.)
4. About Russia and Russian philosophical culture: Philosophers of the Russian post-October diaspora. Moscow, 1990, 528 p. (In Russ.)
5. Rybalkin M. An essay of consumer cooperation of the Ufa province. Ufa, 1915, 98 p. (In Russ.)
6. Samsitdinov I. The history of the development of consumer cooperatives in the Republic of

³¹ ЦГИА РБ. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 3. Л. 59.

³² Там же. Л. 55.

³³ Там же. Л. 59.

Bashkortostan (2016). Available at: <https://ufa.ruc.su/news/detail/116258/> (accessed 16.11.2023). (In Russ.)

7. *Tugan-Baranovsky M. I.* Social foundations of cooperation. Moscow, 1989, 496 p. (In Russ.)

Поступила 24.12.2023.

Сведения об авторе

Самородов Дмитрий Петрович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий (Стерлитамак, Россия). Сфера научных интересов: региональная история рубежа XIX–XX вв. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0024-5780>.

E-mail: d.p.samorodov@struust.ru

Submitted 24.12.2023.

About the author

Dmitry P. Samorodov – Doc. Sci. (History), Professor, Chief Scientific Officer of the Sterlitamak branch of the Ufa University of Science and Technology (Sterlitamak, Russia). Research interests: regional history of the turn of the XIX–XX centuries. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0024-5780>.

E-mail: d.p.samorodov@struust.ru

УДК 332.012:638.19:908

Л. М. Колбина¹, А. С. Осокина²^{1, 2} Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск, Россия)¹ e-mail: lidakolbina@yandex.ru² e-mail: Anastasia.osokina2017@yandex.ru

Пчеловодство Удмуртской АССР в годы правления Л. И. Брежнева на примере колхоза «Россия»

Аннотация

Введение. В статье приводятся сведения по экономическим показателям эффективности работы пасеки: площади посевов медоносных растений, медовой и восковой продуктивности, динамике численности пчелиных семей, а также агрометеорологические условия в период правления Л. И. Брежнева (1964–1982 гг.). Цель исследования – оценка экономических показателей пчеловодства в Удмуртии на примере колхоза «Россия» в период правления Л. И. Брежнева для понимания влияния на современное состояние отрасли региона.

Материалы и методы. Основным источником базой исследования являются документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (ЦГА УР). При написании статьи использовались годовые отчеты колхоза «Россия», обзоры агрометеорологических условий Можгинского района Удмуртской АССР, что позволило проследить развитие отрасли и динамику сбора меда и воска в данном хозяйстве. Работа основывается на использовании комплекса методов: общенаучных и специально-научных (историко-генетического, историко-сравнительного, историко-системного).

Результаты исследования. Проиллюстрирована положительная и активная динамика роста и развития экономической эффективности производства пасеки на всех этапах. По ежегодным отчетам колхоза видно, что гречиха и лен являлись основными сельскохозяйственными культурами. Количество пчелиных семей подвержено значительным колебаниям. Например, в 1965 г. было 890 пчелиных семей, а с 1967 до 1973 г. – в среднем 660. В 1979–1980 гг. зарегистрирована вспышка варроатоза и нозематоза. Установлено, что колхозные пасеки данного хозяйства расположены в благоприятной для пчеловодства центральной зоне и имеют разнообразные медоносные ресурсы; погодные условия более положительные, чем в других зонах республики.

Обсуждение и заключение. В 1972 г. пчеловод колхоза «Россия» Н. К. Дресвянников был передовым пчеловодом Удмуртской АССР. По ежегодным отчетам колхоза установлено, что гречиха и лен являлись основными медоносами. Пчеловоды постоянно наращивали количество пчелиных семей за счет ловли роев и покупки семей пчел. Установлено, что колхозная пасека колхоза «Россия» Можгинского района Удмуртской АССР расположена в благоприятной для пчеловодства центральной зоне. Таким образом, на примере крупного и успешного хозяйства проиллюстрирована положительная и активная динамика роста и развития экономической эффективности производства пасеки на всех этапах, что является основой для дальнейшего развития отрасли и наращивания темпов развития.

Ключевые слова: экономика, пчелиные семьи, посевы медоносов, товарный мед, посевная площадь, медовая продуктивность, восковая продуктивность, себестоимость, агрометеорологические условия, колхоз.

Для цитирования: Колбина Л. М., Осокина А. С. Пчеловодство Удмуртской АССР в годы правления Л. И. Брежнева на примере колхоза «Россия» // Экономическая история. 2024. Т. 20, № 1. С. 57–66. DOI: 10.15507/2409-630X.064.020.202401.057-066.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Удмуртского ФИЦ УрО РАН (№ гос. задания НИР 1021032424706-4-4-1.1).

Lidia M. Kolbina¹, Anastasia S. Osokina²

^{1, 2} *Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia)*

¹ *e-mail: lidakolbina@yandex.ru*

² *e-mail: Anastasia.osokina2017@yandex.ru*

The Beekeeping of the Collective Farm “Russia” of the Udmurt ASSR during the Ruling of L. I. Brezhnev

Abstract

Introduction. The article provides information on the economic performance indicators of the apiary: the area of honey plants, honey and wax productivity, the dynamics of the number of bee colonies, as well as agrometeorological conditions during the reign of Brezhnev (1964–1982). The purpose of the research is to assess the economic indicators of beekeeping in Udmurtia on the example of the collective farm “Russia” during the reign of L.I. Brezhnev. It is important for understand the impact on the current state of the industry in the region.

Materials and Methods. According to archival documents of a large collective farm “Russia” (reports), reviews of agrometeorological conditions of the Udmurt ASSR, the Central State Archive of the Udmurt Republic (CSA UR) P-567 Ministry of Agriculture and Food of the Udmurt Republic, P-1263 State Unitary Enterprise of the Udmurt Republic “Beekeeping of Udmurtia”.

Results and Discussion. The positive and active dynamics of growth and development of the economic efficiency of apiary production at all stages is illustrated – the honey-bearing base, building families and obtaining a high yield of honey, which is the basis for further development of the industry and increasing the pace of development. According to the annual reports of the collective farm, it is clear that buckwheat and flax were the main agricultural crops that were pollinated by bees. It was revealed that the number of bee colonies is subject to significant fluctuations over the years. At the beginning of the period under review, there were 890 bee colonies. Since 1967, on average, the dynamics of the number of bee colonies was relatively stable until 1973 (an average of 660 bee colonies). According to the annual reports, beekeepers have been constantly increasing the number of bee colonies by catching swarms and buying bee families. At the same time, the management of the farm strictly recorded the natural decline of families, which varied in different years and for various reasons. The maximum percentage of deaths was recorded in 1980 (41.2 %). An outbreak of varroaosis and nosematosis was registered in the republic in 1979–1980. It is established that the collective farm apiary of this farm is located in a central zone favorable for beekeeping. It has a variety of honey-bearing resources, and weather conditions are more positive than in other areas of the republic.

Keywords: economy, bee colonies, honeybee crops, commercial honey, acreage, honey productivity, wax productivity, cost price, agrometeorological conditions, collective farm

For citation: Kolbina L. M., Osokina A. S. The Beekeeping of the Collective Farm “Russia” of the Udmurt ASSR during the Ruling of L. I. Brezhnev. *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2024; 20(1): 57–66. (In Russ.). DOI: 10.15507/2409-630X.064.020.202401.057-066.

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Udmurt Research Institute of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (state assignment No. 1021032424706-4-4-1.1).

Введение

Пчеловодство имеет существенное народно-хозяйственное значение как отрасль, позволяющая использовать естественные и культурные медоносные богатства для получения ценных продуктов пчеловодства (мед, воск и др.), необходимых для многих отраслей промышленности.

Самое большое значение принадлежит пчеловодству как фактору, обеспечивающему опыление около 150 видов энтомофильных сельскохозяйственных культур (гречиха, подсолнечник, рапс, плодовые и кормовые, в том числе семенники клевера, люцерны и др.) [9, с. 4].

На мартовском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС было отмечено, что в последние годы темпы роста производства сельскохозяйственных продуктов несколько снизились. В постановлении пленума указывалось, что одной из причин отставания сельского хозяйства является нарушение экономических законов развития социалистического производства, это целиком относится и к пчеловодству¹.

Государственный пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1971–1975 гг. предусматривал значительное увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции на основе интенсификации, экономически обоснованной специализации и концентрации производства, широкого внедрения достижений науки, техники и передового опыта. Для увеличения объема производства сельскохозяйственной продукции, являющейся одним из факторов повышения материального благосостояния народа, важную роль играет развитие всех отраслей сельскохозяйственного производства в том числе пчеловодства².

При эффективном и комплексном использовании сельскохозяйственных культур эта отрасль оказывает положительное влияние на укрепление экономики хозяйств и решение продовольственной программы, одобренной майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС³.

Цель исследования – оценка экономических показателей пчеловодства в Удмуртии в период правления Л. И. Брежнева для понимания влияния на современное состояние отрасли региона.

Материалы и методы

В работе использовались неопубликованные и опубликованные архивные источники (годовые отчеты колхоза «Россия» Можгинского района Удмуртской АССР), а также литература по данному историческому периоду. Использовались данные бухгалтерского и зооинженерного учета, обзоры агрометеорологических условий Удмуртской АССР, Можгинского района. Анализ архивных документов проводился на основании методических рекомендаций «Формы, виды и способы статистического наблюдения»⁴. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1964 по 1982 г. В связи с этим проанализированы материалы фондов Центрального государственного архива Удмуртской Республики (ЦГА УР) Р-567 «Министерство сельского хозяйства и продовольствия Удмуртской Республики», Р-1263 «Государственное унитарное предприятие Удмуртской Республики “Пчеловодство Удмуртии”».

Результаты исследования

Колхоз «Россия» расположен в центральной зоне республики. Это зона южной тайги и широколиственных лесов – липа, осина, сосна, ель. Пчелиные семьи центральной

¹ См.: URL: https://lib.tsu.ru/mminfo/2019/000416026/1966/1966_037.pdf (дата обращения: 02.11.2023).

² См.: URL: <https://docs.cntd.ru/document/765711094> (дата обращения: 02.11.2023).

³ См.: О задачах Советов народных депутатов по реализации решений майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС: постановление Президиума ВС СССР от 31 мая 1982 г. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_11158.htm (дата обращения: 18.08.2023).

⁴ См.: Формы, виды и способы статистического наблюдения. URL: <http://www.grandars.ru/student/statistika/vidy-statisticheskogo-nablyudeniya.html> (дата обращения: 15.02.2021).

Таблица 1
Посевные площади медоносных культур, га /
Table 1
The planted acreage of honey crops, ha

Год / Year	Площадь, га / Area, ha					
	Гречиха / Buckwheat	Клевер / Clover	Люпин / Lupin	Вика на зерно / Vetch for grain	Люцерна / Lucerne	Лен / Flax
1965	217	145			50	599
1966	422	195			69	453
1967	514	219		25	88	401
1968	552	238			71	320
1969	443	338			15	321
1970	419			121		320
1971	415	120		100	46	350
1972	507			370		350
1973	178			187		352
1974	300		32	121		350
1975	401		135	96	190	402
1976	369		179	80	713	500
1977	371			225	600	500
1978	380	60				550
1979	380	600		50		350
1980	380			75	600	550
1981	380	220			180	360
1982	380	200			200	200
Среднее	389,3	233,5	115,3	131,8	235,1	401,5

зоны с весны начинают быстро развиваться и приходят к главному медосбору, наращивают достаточно силы для его эффективного использования⁵. На территории колхоза в рассматриваемый период высевались традиционные сельскохозяйственные медоносные культуры: гречиха, клевера, горох, вика, горчица, люцерна и др. (табл. 1).

Посевные площади гречихи засеивались в разные годы вариативно. Так, в конце 1960-х гг. площади увеличивались до 552 га, к началу 1980-х гг. площадь посевов была стабильна – 380 га, что давало хороший медосбор для пчел (60–100 кг меда с 1 га) [5, с. 263, 306].

Лен высевали в качестве масличной культуры. Видно, что посев производился на регулярной основе в больших объемах, чем гречиха [10]. Неблагоприятные условия для произрастания льна сложились в 1965 г.⁶ Важно отметить, что с 1976 г. посевы льна увеличились на 16 % в отличие от средних показателей за исследуемый период вплоть до 1982 г.

Посевы люпина были в формате эксперимента, поскольку высевались всего три года (1974–1976 гг.), что для разнообразия медоносной базы пчел вполне приемлемо и оптимально. Неравномерно по годам и по площадям высевались вика и люцерна

⁵ ЦГА УР (Центральный государственный архив Удмуртской Республики). Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 26. Л. 4.

⁶ См.: Агроклиматические ресурсы Удмуртской АССР. Л., 1974. С. 77.

Таблица 2
Динамика пчелиных семей колхоза «Россия» Можгинского района Удмуртской АССР /
Table 2
Dynamics of bee families of the collective farm “Russia” of the Mozhginsky district
of the Udmurt ASSR

Год / Year	Количество пчелиных семей на 1 января, шт. / Number of bee colonies as of January 1, pcs.	Всего поступило пчелиных семей, шт. / Total bee colonies received, pcs.	в том числе роев, шт. / including swarms, pcs.	Продано, семей пчел, шт. / Sold, bee families, pcs.	Погибло семей, шт. / Families died, pcs.	Погибло пчелиных семей, % / Bee families died, %
1965	890	0	0		81	9,0
1966	809	76	76		218	26,0
1967	667	80	80		23	3,0
1968	724	93	93		136	18,0
1969	681	95	95		168	24,0
1970	608	51	51		42	6,0
1971	617	126	100		44	7,0
1972	699	121	121		190	27,2
1973	630	160	160		38	6,0
1974	752	129	129		54	7,1
1975	827	104	75		24	2,9
1976	907	55	55		0	0
1977	962	71	71		85	8,8
1978	948	160	160	4	83	8,7
1979	1021	56	56	2	421	41,2
1980	654	192	182		53	8,1
1981	793	184	184		54	6,8
1982	923	188	188	3	28	3,0
Среднее	784	107,8	105,8	3	96,7	11,8

как кормовая культура. Динамика посевных площадей клевера была нестабильной – от 60 га в 1978 г. до 600 га в 1979 г.

В табл. 2 приведены многолетние данные о количестве пчелиных семей в колхозе «Россия».

Установлено, что количество пчелиных семей подвержено значительным колебаниям по годам. На начало рассматриваемого периода было 890 пчелиных семей. Начиная с 1967 г. количество пчелиных семей было относительно стабильным до 1973 г.

(в среднем 660). В 1972 г. весна наступила рано. В мае преобладала холодная сухая погода с малым количеством осадков. Лето было теплое и засушливое, с редкими дождями. Период со среднесуточными температурами +15 °С не превышал 70 дней. Большинство ночей были холодными⁷. В результате из-за погодных условий пчелиные семьи не смогли набрать необходимую силу к главному медосбору.

С 1974 г. в количестве семей прослеживается арифметическая прогрессия вплоть

⁷ См.: Обзор агрометеорологических условий за 1971–1972 сельскохозяйственный год по Удмуртской АССР. Горький, 1972. С. 3–5.

до 1979 г. (максимальное количество пчелиных семей за весь исследуемый период – 1 021). Однако в 1979 г. в республике весна была поздняя, затяжная. За 50 лет метеорологических наблюдений в Удмуртии такая температура апреля наблюдалась впервые. Почти весь месяц среднесуточная температура была отрицательной (-14 – 20 °C). Лето было коротким, умеренно теплым, с неравномерным распределением осадков. Июнь оказался холоднее мая – средняя температура составила 11 – 12 °C. В результате похолодания с заморозками и выпадением снега наблюдалось повреждение и опадение завязей и цветов плодовых культур. Вторая половина месяца была несколько теплее. Переход среднесуточной температуры через 15 °C – начало лета произошел лишь 27–29 июня, на 17–27 дней позднее обычного. Июль характеризовался преобладанием теплой и жаркой погоды, днем воздух прогревался до 29 – 31 °C⁸. В связи с этим произошло резкое снижение семей в 1980 г. на 64 % по сравнению с 1979 г. и постепенное наращивание их количества к 1982 г.

Установлено, что основной процент увеличения количества семей производился за счет ловли роев. Так, в 1978 г. поймано 160 роев, поэтому на начало 1979 г. общее количество составило 1 021 семью. При достаточном количестве семей колхоз продавал часть из них. Количество продаваемых семей было незначительным и в те годы, когда прирост семей был высоким (1978, 1979, 1982 гг. – 948, 1 021, 923 семей пчел соответственно).

Руководство хозяйства строго фиксировало естественную убыль семей, которая варьировалась в разные годы и по разнообразным причинам. Максимальный процент гибели (41,2 %) отмечен в 1980 г. В рес-

публике в 1979–1980 гг. зарегистрирована вспышка варроатоза и нозематоза⁹. Около 30 % гибели отмечается также в 1966 и 1972 гг. Неблагополучные условия зимовки пчел в 1965 г. вызвали гибель большого количества пчелиных семей в колхозах республики. Кроме того, примесь пади в кормовых запасах меда привела к вспышке нозематоза в конце зимовки и после выставки пчел, что повлекло за собой резкое ослабление пчелиных семей¹⁰. Холодный и дождливый май 1966 г., продолжительное теплое и засушливое лето, а 9–18 июня холодная погода до -2 °C местами¹¹.

Основной экономический показатель эффективности производства пчеловодства – медовая и восковая продуктивность. Результаты эффективности представлены в табл. 3.

Наибольшее количество валового меда (365,5 ц) получено в 1981 г., в среднем на одну пчелиную семью – 46 кг. Анализ табл. 2 и 3 указывает, что количество пчелиных семей не всегда коррелирует с количеством полученного меда. Так, в 1979 г. была 1 021 пчелиная семья, при этом на одну пчелиную семью пришлось 20,3 кг меда, что на 10,2 кг ниже среднего по всем годам.

За 18 лет производство более 40 кг валового меда от одной пчелиной семьи наблюдалось 1 раз – в 1981 г. (46 кг); от 35 до 40 кг – 4 раза; от 30 до 34 кг – 5 раз; в остальные годы колебался от 17,1 до 29,5 кг.

Анализируя материалы табл. 3, мы установили, что 1963, 1968–1972, 1975, 1978, 1979 гг. были неблагоприятными для пчеловодства. В то же время высокие медосборы 1966, 1967, 1973, 1974, 1976, 1977, 1980–1982 гг. свидетельствуют об огромной зависимости отрасли от погодных и медосборных условий.

Уровень оплаты труда (человеко-день) с 1965 по 1970 г. повысился в колхозах Удмур-

⁸ См.: Обзор агрометеорологических условий за 1978–1979 сельскохозяйственный год по Удмуртской АССР. Ижевск, 1979. С. 1, 4, 5.

⁹ ЦГА УР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 180. Л. 3.

¹⁰ Там же. Д. 92. Л. 3.

¹¹ См.: Обзор агрометеорологических условий за 1965–1966 сельскохозяйственный год по Удмуртской АССР. Горький, 1966. С. 1, 4.

Таблица 3

Валовый сбор меда и воска всего и на одну пчелиную семью в колхозе «Россия» за период с 1965 по 1982 г. / Table 3

The gross harvest of honey and wax for just one bee family in the collective farm “Russia” for the period from 1965 to 1982

Год / Year	Произведено меда / Honey produced		Произведено воска / Wax produced	
	всего, ц / total centners	на одну пчелиную семью, кг / per bee family, kg	всего, ц / total centners	на одну пчелиную семью, кг / per bee family, kg
1965	183,6	20,6	3,0	0,33
1966	260,0	32,1	4,5	0,55
1967	209,0	31,3	2,7	0,40
1968	202,0	27,9	3,1	0,42
1969	117,0	17,1	2,0	0,29
1970	138,9	22,8	3,7	0,60
1971	153,0	24,7	2,3	0,37
1972	194,7	27,8	3,0	0,42
1973	230,6	36,6	1,7	0,26
1974	243,0	32,3	4,5	0,59
1975	244,0	29,5	2,6	0,31
1976	339,8	37,4	4,0	0,44
1977	310,7	32,2	6,1	0,63
1978	238,0	25,1	4,4	0,46
1979	207,8	20,3	6,0	0,58
1980	247,6	37,8	3,1	0,47
1981	365,5	46,0	4,5	0,56
1982	342,4	37,0	4,2	0,45
Среднее	234,8	29,9	3,6	0,45

тии с 1,61 до 2,82 руб., а производительность труда за этот период выросла на 41 % [2, с. 7]. В 1967 г. себестоимость 1 ц меда в колхозе «Россия» Можгинского района Удмуртской АССР составила 276 руб. [4, с. 34].

Обсуждение и заключение

На основании решения исполкома Можгинского районного Совета депутатов, трудящихся Удмуртской АССР от 25 февраля 1959 г. и во время обсуждения решений декабрьского Пленума и XXI съезда КПСС на собрании актива одного из наиболее экономически крепких колхозов «Россия» зародилась идея объединения шести колхо-

зов в один колхоз «Россия» [3, с. 59–61; 6]. В результате объединения в укрупненном колхозе «Россия» стало шесть пасек с 1 097 пчелиными семьями.

По ежегодным отчетам колхоза видно, что гречиха и лен являлись основными сельскохозяйственными культурами, которые опылялись пчелами. Развитию льноводства способствовало принятое 23 января 1975 г. постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от «Об увеличении производства и закупок льна-долгунца, улучшении его качества и о мерах развития промышленности по первичной обработке льна» [8,

с. 13]. Возделывание зернобобовых культур, прежде всего люпина и сои, которые являются источниками растительного белка, приобретает особую актуальность [1]. В хозяйстве практически ежегодно высевали люцерну. В среднем за изучаемые годы площадь посевов составила 235,1 га. Люцерна востребована в сельскохозяйственном производстве ввиду ее высокой урожайности и длительности использования, засухоустойчивости и способности сохранять плодородие почвы [7]. Варьирование погодных условий по годам сказывается на урожайности большинства культур, но практически не бывает таких лет, когда все выращиваемые культуры дают очень низкий урожай или отмечается массовая гибель какой-либо одной культуры [8].

По годовым отчетам того времени видно, что пчеловоды постоянно наращивали количество пчелиных семей за счет ловли роев и покупки семей пчел, что также отражено в табл. 2. Это и объясняет в целом динамику количества пчелиных семей по годам.

Важную роль в производстве играют человеческий фактор, профессионализм, опыт и знания работника. В 1972 г. пчеловод колхоза «Россия» Николай Кузьмич Дресвянников был передовым пчеловодом Удмуртской

АССР. Он обслуживал 100 пчелиных семей, получил 51,6 кг валового меда на одну пчелиную семью и 22 кг товарного меда [11].

Анализ предыдущего этапа развития пчеловодства (хрущевская «оттепель») на примере этого же колхоза «Россия» за счет укрупнения шести колхозов в один демонстрирует тенденцию к наращиванию экономических показателей пасеки по медовой продуктивности. Если на начало 1953 г. насчитывалось 58 пчелиных семей и в среднем 3,33 кг валового меда на одну семью пчел, то в 1964 г. на одну пчелиную семью приходилось 28,92 кг валового меда [6]. Установлено, что колхозная пасека колхоза «Россия» Можгинского района Удмуртской АССР расположена в благоприятной для пчеловодения центральной зоне. Имеет разнообразные медоносные ресурсы, а погодные условия более благоприятные, чем в других зонах республики.

Таким образом, на примере крупного и успешного хозяйства проиллюстрирована положительная и активная динамика роста и развития экономической эффективности производства пасеки на всех этапах (медоносная база, наращивание семей и получение высокого урожая меда), что является основой для дальнейшего развития отрасли и наращивания темпов развития.

Список источников

1. Блинник А. С., Демидова А. Г., Лукашевич М. И., Артемова О. Ю., Наумкин В. Н., Наумкина Л. А. Сравнительное испытание сортов и образцов люпина белого селекции ВНИИ люпина в Центрально-Черноземном регионе // Зернобобовые и крупяные культуры. 2022. № 3. С. 41–49. DOI: 10.24412/2309-348X-2022-3-41-49.
2. Васильев П. В., Яковлев О. Г., Михельсон З. И. Товарное пчеловодство Удмуртии. Ижевск: Удмуртия, 1978. 116 с.
3. Вичужанин А. Г., Мокрецова Н. Д. Я люблю тебя, «Россия». История развития ООО «Россия» Можгинского района Удмуртской Республики. Ижевск: Удмуртия, 2009. 280 с.
4. Колбина Л. М., Воробьева С. Л., Любимов А. И. Павильон «Пчеловодство» Удмуртской Республиканской сельскохозяйственной выставки: моногр. Ижевск: Ижевская государственная сельскохозяйственная академия, 2019. 124 с.
5. Колбина Л. М., Осокина А. С., Воробьева С. Л. Медоносный потенциал Удмуртской Республики. Ижевск: Алкид, 2022. 344 с.
6. Колбина Л. М., Осокина А. С. Пчеловодство в колхозе «Россия» Можгинского района Удмуртской АССР в период хрущевской оттепели (1953–1964 гг.) // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 4. URL: <https://research-journal.org/archive/4-130-2023-april/10.23670/IRJ.2023.130.9> (дата обращения: 06.09.2023).

7. Нелюбина Ж. С., Касаткина Н. И., Фатыхов И. Ш. Кормовая продуктивность люцерны изменчивой Виктория в зависимости от покровной культуры и приемов посева // Пермский аграрный вестник. 2023. № 1. С. 41–46. DOI: 10.47737/2307-2873_2023_41_46.
8. Потенциал льняного поля: моногр. / под общ. ред. А. Д. Прудникова. М.: Науч. консультант, 2018. 119 с.
9. Субаева А. К. Повышение экономической эффективности производства продукции пчеловодства. Ульяновск: Ульяновская ГСХА им. П. А. Столыпина, 2012. 179 с.
10. Фатыхов И. Ш., Малакотина С. М., Толканова Л. А., Сутыгин П. Ф. Производство льна-долгунца в Среднем Предуралье. Ижевск: Изд-во Ижевской ГСХА, 2003. 147 с.
11. Яковлев О. Г. Эффективность сельскохозяйственного производства и пути повышения // Труды Кировского, Ижевского и Пермского сельскохозяйственных институтов. Пермь, 1973. С. 134–139.

References

1. Blinnik A. S., Demidova A. G., Lukashevich M. I., Artemova O. Yu., Naumkin N. V., Naumkina L. A. Comparative testing of varieties and samples of white lupine breeding by the lupine research institute in the Central Chozozem region. *Zernobobovye i krupyanye kul'tury* = Legumes and Cereals. 2022; 3: 41–49. (In Russ.). DOI: 10.24412/2309-348X-2022-3-41-49.
2. Vasiliev P. V., Yakovlev O. G., Mikhelson Z. I. Commodity beekeeping of Udmurtia. Izhevsk; 1978. 166 p. (In Russ.)
3. Vichuzhanin A. G., Mokretsova N. D. I love you, "Russia". Izhevsk, 2009, 280 p. (In Russ.)
4. Kolbina L. M., Vorobyeva S. L., Lyubimov A. I. Pavilion "Beekeeping" of the Udmurt Republican Agricultural Exhibition. Izhevsk, 2019, 124 p. (In Russ.)
5. Kolbina L. M., Osokina A. S., Vorobyeva S. L. Honey-bearing potential of the Udmurt Republic. Izhevsk, 2022, 344 p. (In Russ.)
6. Kolbina L. M., Osokina A. S. Beekeeping in the collective farm "Russia" Mozhginsky district Udmurt ASSR during the Khrushchev thaw (1953–1964). *International Scientific Research Journal*. 2023; 4. Available at: <https://research-journal.org/archive/4-130-2023-april/10.23670/IRJ.2023.130.9> (accessed: 06.09.2023). (In Russ.)
7. Nelyubina Zh. S., Kasatkina N. I., Fatykhov I. Sh. Feed productivity of variable Victoria alfalfa depending on cover culture and sowing techniques. *Perm Agrarian Bulletin*. 2023; 1(41): 41–46. DOI: 10.47737/2307-2873_2023_41_46 (In Russ.)
8. Prudnikov A. D., ed. The potential of the flax field. Monograph. Moscow, 2018, 119 p. (In Russ.)
9. Subaeva A. K. Improving the economic efficiency of bee production. Ulyanovsk, 2012, 179 p. (In Russ.)
10. Fatykhov I. Sh., Malakotina S. M., Tolkanova L. A., Sutygin P. F. Production of flax in the Middle Urals. Izhevsk, 2003, 147 p. (In Russ.)
11. Yakovlev O. G. Efficiency of agricultural production and ways to improve. *Works of Kirovsky, Izhevsk and Perm agricultural Institutes*. Perm; 1973: 134–139. (In Russ.)

Поступила 18.12.2023.

Сведения об авторах

Колбина Лидия Михайловна – доктор сельскохозяйственных наук, главный научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск, Россия). Сфера научных интересов: история пчеловодства, экономическая история, краеведение, пчеловодство. Автор более 200 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6954-559X>.

E-mail: lidakolbina@yandex.ru

Осокина Анастасия Сергеевна – кандидат биологических наук, главный научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск, Россия). Сфера научных интересов: краеведческая история, экономическая история, восковая моль, медоносная база. Автор более 90 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9452-139X>.

E-mail: Anastasia.osokina2017@yandex.ru

Submitted 18.12.2023.

About the authors

Lidia M. Kolbina – Doc. Sci. (Agricultural Sciences), Chief researcher, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia). Research interests: history of beekeeping, economic history, local history, beekeeping. The author has more than 200 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6954-559X>.

E-mail: lidakolbina@yandex.ru

Anastasia S. Osokina – Cand. Sci. (Biology), Chief Scientific Associate, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia). Research interests: local history, economic history, wax moth, honey bee base. The author of more than 90 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9452-139X>.

E-mail: Anastasia.osokina2017@yandex.ru

*Т. И. Щербакова**Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: tatyana_shcherbakova@bk.ru*

Мордовская автономия в лабиринтах модернизации

Аннотация

Введение. Национальные автономии возникли в период национального строительства как форма преодоления отсталости нерусских народов. В статье рассматриваются особенности формирования Мордовской автономии, а также характер и результаты трансформации региона в период ее существования.

Материалы и методы. Задачи работы реализуются посредством анализа документов Центрального государственного архива Республики Мордовия. Мордовская автономия складывалась на десятилетие позже, чем остальные, в условиях смены парадигмы национальной политики СССР от национального самоопределения к централизации. Союзный центр был заинтересован в мерах поддержки мордовской национальной культуры, языков, печати, книгоиздательства и вовлечении мордовского населения в социалистические преобразования. Значительные успехи в развитии промышленности региона были достигнуты за счет централизованных инвестиций и сопровождались ростом городского населения республики и усилением значимости русского языка.

Обсуждение и заключение. Мордовская автономия была сформирована в период, когда национальная периферия из субъектов превратилась в объекты политики центра. Обеспечивая поддержку национальной школы, языков и культуры, центр заблокировал коренизацию аппарата и перевод делопроизводства на мордовские языки, стремясь не допустить этнонационализма. Во второй половине XX в. были обеспечены высокие темпы индустриального развития Мордовии и всеобщее двуязычие мордовского населения. На фоне этих достижений Конституция 1978 г. подтвердила статус республики как объекта преобразовательной деятельности центра, не сформировав механизмов для реализации интересов местного населения. Сыграв роль важнейшего инструмента модернизации, Мордовская автономия обеспечила развитие производительных сил республики, становление двуязычия мордовского населения, вовлечение мордвы в общесоюзный общественно-политический контекст. Поскольку население республики рассматривалось властями не как субъект, а как объект преобразований, результатами проводимой политики стали не только интенсивные модернизационные процессы, но и серьезные социальные и инфраструктурные дисбалансы, обусловив кризис советской национальной политики.

Ключевые слова: Мордовская автономия, советская модернизация, социалистические преобразования, советская национальная политика, национальное строительство.

Для цитирования: Щербакова Т. И. Мордовская автономия в лабиринтах модернизации // Экономическая история. 2024. Т. 20, № 1. С. 67–80. DOI: 10.15507/2409-630X.064.020.202401.067-080.

*Tatyana I. Shcherbakova**National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),
e-mail: tatyana_shcherbakova@bk.ru*

Mordovian Autonomy in the Labyrinths of Modernization

Abstract

Introduction. National autonomies arose during the period of nation-building as a form of overcoming the backwardness of non-Russian peoples. The article examines the features of the formation of the Mordovian autonomy, as well as the nature and results of the transformation of the region during its existence.

© Щербакова Т. И., 2024

Materials and Methods. The tasks of the article are realized through the analysis of documents from the Central State Archive of the Republic of Mordovia.

Results. The Mordovian autonomy was formed in a decade later than the rest, in the context of a paradigm shift in the national policy of the USSR from national self-determination to centralization. The Union Center was interested in measures to support the Mordovian national culture, languages, printing, book publishing and the involvement of the Mordovian population in socialist transformations. Significant progress in the development of the region's industry was achieved through centralized investments and was accompanied by an increase in the urban population of the republic and an increase in the importance of the Russian language.

Discussion and Conclusion. The Mordovian autonomy was formed at a time when the national periphery turned from subjects into objects of the center's policy. Providing support for the national school, languages and culture, the center blocked the nativization of the bureaucracy and the translation of office work into Mordovian languages, trying to prevent ethnonationalism. In the second half of the 20th century, high rates of industrial development of Mordovia and universal bilingualism of the Mordovian population were ensured. Against the background of these achievements, the 1978 Constitution confirmed the status of the republic as an object of the center's transformative activities, without forming mechanisms to realize the interests of the local population. Having played the role of the most important instrument of modernization, the Mordovian autonomy ensured the development of the republic's productive forces, the formation of bilingualism of the Mordovian population, and the involvement of the Mordovians in the union-wide socio-political context. Since the population of the republic was considered by the authorities not as a subject, but as an object of transformation, the results of the policy were not only intensive modernization processes, but also serious social and infrastructural imbalances, causing a crisis of Soviet national policy.

Keywords: Mordovian autonomy, Soviet modernization, socialist transformations, Soviet national policy, nation-building.

For citation: Shcherbakova T. I. Mordovian Autonomy in the Labyrinths of Modernization. *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2024; 20(1): 67–80. (In Russ.). DOI: 10.15507/2409-630X.064.020.202401.067-080.

Введение

Создание СССР и выбранный формат национально-государственного строительства привели к оформлению национальных автономий в составе РСФСР. Национальные автономии возникли как инструмент, способный ускорить экономическое и социально-культурное развитие титульных этносов, т. е. как инструмент модернизации. Автономии стали ответом с мест на большевистскую риторику о необходимости преодоления отсталости угнетенных нерусских национальностей. Политика советской власти в отношении нерусских народов отражалась в советской историографии как один из важнейших элементов политической программы большевиков. Мордовская автономия, как и другие, была сформирована в конце 1920-х гг. для преодоления отсталости титульного этноса. Региональная историография автономных республик была направлена на обоснование прогрессивного

характера советской национальной политики, в силу чего изучение национального развития всегда рассматривалось через призму экономических успехов республики.

В историографии Мордовской АССР советского периода создание автономии оценивалось исследователями как важнейшая ступень в развитии мордовского народа. Был сделан вывод о формировании социалистической мордовской нации, которая рассматривалась как высшая ступень национального развития и непосредственный результат существования автономии. Развитие мордовской нации трактовалось как торжество ленинской национальной политики. Превосходные оценки национальной автономии были обоснованы тем, что она, в соответствии с советскими критериями, обеспечила в регионе существенный экономический и социальный прогресс. К критериям прогрессивного развития, а значит, преодоления отсталости мордвы советская

историческая наука относилась к развитию промышленного производства в республике, усложнение его отраслевого характера, рост промышленной продукции и производительности труда. Социальные изменения трактовались в контексте преодоления традиционного общественного уклада. Советская историография считала прогрессивными изменения социальной структуры общества, которые сопровождались увеличением численности рабочего класса в целом, а также увеличением в составе пролетариата женщин и мордвы. Обоснованием прогрессивного развития села являлось интенсивное колхозное строительство, в том числе в национальном разрезе, в частности у мордвы. Коллективизация представлялась в парадигме прогрессивной преобразовательной деятельности, направленной на повышение эффективности аграрного производства, преодоления его низкопродуктивности. В послевоенные десятилетия речь велась об основных успехах в хозяйственной деятельности колхозов и совхозов.

В коллективных монографиях, освещавших успехи в развитии автономии к юбилейным датам, достижения оценивались комплексно: обобщались результаты промышленного и сельскохозяйственного развития республики, рост жилищного строительства, развитие транспорта и транспортных магистралей, успехи в строительстве школ и библиотек, улучшение социального и бытового обслуживания населения. Работы советского периода повествуют об усилиях власти по вовлечению мордовского народа в экономическое и социально-культурное строительство страны и развитию региона в целом. Эти практические усилия получили теоретическое обоснование в концепции советского народа как новой исторической общности, справедливость которой разделяют и представители современной российской историографии. О реальном содержании понятия «советский народ» заявил А. И. Вдовин [2, с. 247]. По мнению А. П. Мякшева, русский язык стал мощным фактором единения со-

ветских этносов, основой функционирования всех институтов единого государства: «Русский язык играл интегрирующую роль в возникновении и развитии новой исторической общности, одновременно придавал этому феномену очевидную этническую характеристику и выступал в качестве главного признака формирующегося советского суперэтноса» [4, с. 48]. В поддержку тезиса о реалистичности понятия «советский народ» М. Ф. Полынов отметил позитивный характер миграционных процессов в СССР, где люди разных национальностей охотно жили и работали вместе [6, с. 11]. В данной статье рассматриваются особенности формирования Мордовской автономии, основные направления политики центра по отношению к Мордовской АССР и те изменения, которые произошли в Мордовской АССР к концу 1980-х гг.

Материалы и методы

В работе рассматриваются особенности формирования Мордовской автономии. Задачи и результаты ее существования анализируются не через анализ политической риторики, а через оценку системы мероприятий, реализуемых центром. Источниками по данной проблеме являются документы Центрального государственного архива Республики Мордовия, в том числе фондов Мордовского обкома партии, Верховного Совета и Совнархоза.

Результаты исследования

Социалистическая революция, произошедшая в России в 1917 г., помимо идеологических оснований, являлась формой модернизации Российской империи. Большевиками ставились задачи осуществления индустриализации, электрификации, повышения уровня образованности населения и, как следствие, ускорения темпов развития страны. Решение этих задач осложнялось национальной неоднородностью населения страны, что привело к национально-государственному переустройству России, которое началось уже в годы Гражданской войны. Как справедливо указывает И. В. Бахлов, Конституция РСФСР 1918 г. декларировала устройство федерации «в

форме государства с автономными образованиями путем признания автономного статуса регионов центральной властью» [1, с. 51].

В октябре 1918 г. на территории РСФСР возник первый прообраз будущих автономных республик и областей – Трудовая коммуна немцев Поволжья. В марте 1919 г. была организована Башкирская АССР. В мае – июне 1920 г. в РСФСР были образованы еще три национальные автономии: Татарская автономная ССР, Карельская трудовая коммуна и Чувашская трудовая коммуна. Изменения в национально-государственном устройстве страны были нацелены на реализацию принципа самоопределения. Стихийные трансформации в территориальном комплексе бывшей Российской империи были институционализированы в ходе создания СССР, который стал государством-матрешкой, поскольку интегрировал РСФСР, в структуре которой были выделены автономные республики, области и округа. Наряду с ними, были учреждены национальные районы и сельсоветы, число которых к 1933 г. достигло, по оценке А. П. Мякишева, 117 тыс. и 3 тыс. соответственно [5, с. 47].

1920-е гг. стали периодом национального строительства на принципах самоопределения. В. П. Тишков так характеризует политику этого десятилетия: «Многое было сделано для создания и развития национальной интеллигенции, особенно в тех республиках, где ее почти не было. Уже к середине 1920-х во многих республиках стала появляться художественная интеллигенция. Довольно быстро была ликвидирована массовая неграмотность, появилась сеть школ, клубов, национальных театров, ансамблей песни и пляски. Несколько десятков бесписьменных в прошлом народов впервые обрели свою письменность. Все шире издавались книги, журналы и газеты на национальных языках. Были открыты национальные школы (обучение на нерусских языках), созданы “национальные” литературы» [8].

К началу 1920-х гг. относятся первые попытки «старых большевиков из морд-

вы» добиться организации Мордовской автономии, однако ее создание произошло значительно позже, чем у других народов России. В 1928 г. в составе Средне-Волжского края был учрежден Мордовский автономный округ. В 1930 г. он был преобразован в автономную область, а в 1934 г. была учреждена Мордовская АССР. Трудности в организации автономии, по мнению одного из ее инициаторов, Т. В. Васильева, были связаны с влиянием следующих факторов: районы компактного проживания мордвы были разбросаны по различным губерниям; не получалось свести районы компактного проживания мордвы в территорию, обладающую заметным экономическим потенциалом; отсутствовал мордовский городской центр, который мог бы стать общепризнанной столицей автономии. Следует подчеркнуть, что привычное для нас понятие «Мордовия» стало употребляться именно в эпоху образования автономии.

Вопрос о создании Мордовской автономии был решен положительно в условиях реформы административно-территориального устройства СССР, когда были упразднены губернии. В интересах скорейшего преодоления отсталости мордвы Т. В. Васильев предлагал обеспечить коренизацию аппарата, т. е. комплектовать местные руководящие кадры из мордовского населения; перевести делопроизводство на мордовские языки; улучшить состояние национальной печати; обеспечить на территории края изучение мокшанского и эрзянского языков и культуры¹. Эти меры активно осуществлялись в других российских автономиях на протяжении всего десятилетия, но в Мордовии практически не были реализованы из-за начавшейся смены политических установок. Индустриализация, коллективизация и культурная революция не согласовывались с перспективами формирования на территории РСФСР большой коммунальной квартиры и изоляции жильцов по республикам, областям, округам, национальным районам и сельсоветам. В условиях перспективы индустриального роста национальная полити-

ка с опорой на принципы самоопределения утрачивала актуальность. Свидетельством тому стало упразднение в 1937 г. национальных районов и национальных сельсоветов. Перед национальными республиками, областями и округами были поставлены задачи вовлечения титульного населения в социалистическое преобразование общества. Если автономии 1920-х гг. рассматривались как субъекты политики, с целями развития титульного этноса, то с конца 1930-х гг. они стали объектами политики центра, нацеленной на социалистическую интеграцию населения страны, где меры по развитию титульных этносов являлись их средством вовлечения в общесоюзные политические и экономические процессы. Особенность Мордовской автономии заключается в том, что она практически пропустила период субъектности и на всем протяжении существования являлась объектом управленческой деятельности центральных властей.

Столицей Мордовской автономии был признан русский город Саранск. К началу XX в. Саранск имел статус уездного города и 14 тыс. населения. В. Б. Махаев описывает отношение революционных властей к небольшим уездным центрам следующим образом: «В этот период установка советской власти по отношению к провинции заключалась в полном отрицании сложившейся градостроительной культуры. Традиционная культура рассматривалась как социальное и экзистенциальное зло, ставилась задача устранить патриархальность, традиционно-деревенские черты данного образа жизни, придать ей индустриальное развитие, а в городской среде ликвидировать реакционные религиозно-монархические черты и привнести прогрессивные большевистские смыслы»².

Следует отметить, что в первое десятилетие после революции процесс привнесения большевистских смыслов не пошел дальше переименования улиц города. Решение о признании Саранска столицей автономии

радикально повлияло как на облик города, так и на его развитие, обусловив его драматическую трансформацию. Исторический центр Саранска составлял архитектурный комплекс, состоящий из 14 православных храмов. В 1928 г. все городские храмы были закрыты, а с начала 1930-х гг. началось их разрушение, завершившееся в конце десятилетия. У большинства были демонтированы купола и колокольни, отчего бывшие храмы приобрели лабазно-складской вид. В их помещениях размещались хлебозавод, протезно-ортопедическая мастерская, баня, ликеро-водочный завод и другие хозяйствующие субъекты. Часть храмов были разобраны; из кирпичей построили партийную школу, гостиницу и трехэтажный жилой дом. Был снесен Спасский собор – крупнейший в Пензенской епархии, а на его месте сооружен Дом Советов. Из 14 церквей городского центра только три пережили советский период.

Результатом вандализма властей стала утрата городом 200-летнего культурного наследия. Подмена утилитарными конструкциями визуально представительных, технологически сложных, уникальных архитектурных сооружений, составлявших центр города, не просто уничтожила его исторически сложившийся облик, а привела к непреодолимой деградации городского пространства. Остается непонятным, почему размещенные на местах снесенных храмов Дом Советов и партийная школа не могли быть построены на соседних улицах и сформировать новый административный центр, вместе с выстроенными в те же годы зданиями Дома печати, Дома связи, педагогического института, вокзала, больницы, училищ и школ. При всей важности и значимости новых сооружений для развития регионального социума новые здания не украшали городскую среду, представляя собой исключительно функциональные конструкции. Территориальное разделение локаций старого и нового города создало бы необходимую историческую преемствен-

¹ См.: Васильев Т. В. Мордовия. М., 1931. С. 198.

² Цит. по: Культура Мордовии. XX век. Саранск, 2018. Т. 1. С. 173.

ность, которой власти Мордовии, очевидно, озабочены не были.

Разрушение исторического центра Саранска ознаменовало собой переход к новой парадигме развития региона, которая не менялась на протяжении всей советской эпохи. Она предполагала масштабное социально-культурное и инфраструктурное строительство без формирования привлекательного и удобного городского пространства, что получило отражение не только в облике Саранска, но и во всех районных центрах республики. Архитектурные проекты для региональных центров создавались проектными коллективами Москвы и Ленинграда, что исключало местный колорит столицы Мордовии. Строительство носило типовой характер, а индивидуальные проекты, подобные зданию Дома Советов, являлись редкостью, вследствие чего архитектурная безликость Саранска стала его визитной карточкой. Поскольку городское население непрерывно росло за счет приезжих, историческая архитектура старого Саранска была быстро забыта. Горожане жили с позитивным представлением о том, что их непривлекательный город постепенно изменится к лучшему.

К 1937 г. на территории Мордовской АССР мордва составляла 411 тыс. чел., или 34 % населения, – треть от всего мордовского населения, живущего в СССР. Две трети мордовского населения, как и раньше, проживали за пределами региона, образуя значительную диаспору, местами живущую компактными сообществами, которые ни культурно, ни политически не привязывались к автономии.

В Саранске была сформирована система, обслуживающая мордовскую национальную культуру и просвещение: налажено издание учебников, по которым велось школьное обучение в мордовских селах. Обеспечивалась подготовка учителей, преподававших на национальных языках. Пре-

подавание в мордовских сельских школах с 1 по 7 класс велось на родном языке. В 1950 г. Министерством просвещения был поставлен вопрос об углублении знания русского языка и переводе обучения с 5 по 8 класс на русский язык, с предложением использовать родной язык «по необходимости»³.

На мокшанском и эрзянском языках публиковались газеты, осуществлялись этнографические и языковые исследования, поддерживалось искусство. Меры поддержки способствовали развитию мордовской национальной культуры, обеспечивая ее необходимыми кадрами высокой квалификации.

Публичная сфера в Саранске функционировала на русском языке. В отличие от районов компактного проживания мордвы мордовские языки не изучались в городских школах и не применялись в общественной жизни. Миграция сельского мордовского населения в Саранск носила ограниченный характер. Тех, кто решил связать жизнь с городской средой, привлекали крупные промышленные центры, куда и двигался основной миграционный поток.

Создание Мордовской автономии происходило в условиях подготовки социалистических преобразований в сельском хозяйстве, направленных на объединение единоличных крестьянских хозяйств в коллективные – колхозы. Колхозное строительство являлось одной из ключевых задач администрации автономии, которая была успешно решена к концу 1930-х гг. Если в 1935 г. у мордвы в колхозы были вовлечены 59 % единоличных крестьянских хозяйств, то в 1937 г. – уже 76 %⁴. В среднем эти цифры заметно меньше аналогичных показателей у русских и татар, которые к 1937 г. составляли 85 и 93 % соответственно при 82 % сельского населения, вступившего в колхозы по региону⁵. Можно предположить, что без учреждения автономии соз-

³ ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. Р-234. Оп. 8. Д. 207. Л. 93.

⁴ См.: Победа колхозного строя в Мордовской АССР: сб. док. и материалов. Саранск, 1970. С. 462–464.

⁵ Там же.

дание колхозов у мордвы происходило бы с еще большими затруднениями. Неизвестно, насколько успешными были бы попытки администраций Пензенской, Рязанской, Нижегородской, Ульяновской и Тамбовской областей обеспечить коллективизацию мордвы, заселявшую до образования автономии окраины этих регионов и не охваченную двуязычием.

В послевоенный период власти республики усилили борьбу за индустриальное развитие, без которого перспективы развития региона, как и его столицы, им представлялись призрачными. Если в предшествующие десятилетия развитие осуществлялось на местном сырье и местными предприятиями, то во второй половине XX в. ставка делалась на привлечение в республику централизованных инвестиций.

Несмотря на то что Москва санкционировала строительство крупных промышленных объектов, за которые ратовали местные власти, сроки их строительства постоянно срывались. Местные власти указывали на недостаток финансирования, а оно, в свою очередь, сдерживалось низким уровнем управленческих решений, нехваткой квалифицированных кадров, отсутствием жилья, неразвитостью стройиндустрии, недостатком электроэнергии, плохими дорогами и прочими факторами. Так продолжалось до 1957 г., когда Н. С. Хрущев решил начать реформу управления промышленностью, в ходе которой отраслевые министерства были упразднены. Были образованы экономические административные районы, которые практически полностью совпадали с административно-территориальным делением РСФСР. Для их управления были учреждены Советы народного хозяйства. В ведение совнархозов передавались предприятия упраздняемых союзных и союзно-республиканских министерств, электростанции, в то время как мелкие предприятия оставались в ведении местных Советов. Полторы тысячи высвободившихся работников министерств были направлены из Москвы на работу в совнархозы и стали мощным кадровым ре-

сурсом, который интенсифицировал развитие регионов. Руководителями совнархозов стали бывшие министры и их заместители. Мордовия, являясь регионом, совершенно непривлекательным для назначения, оказалась в роли выгодной «партии», поскольку находилась недалеко от Москвы. Это оказалось важно для столичных чиновников, так как членам их семей не было необходимости переезжать.

Председателем Мордовского совнархоза был назначен Е. А. Веселовский, занимавший с 1955 г. высокий пост министра городского и сельского строительства РСФСР. Вместе с ним из Москвы прибыли еще 36 чел. Из числа приезжих были назначены заместители председателя совнархоза, все начальники отраслевых управлений и функциональных отделов. В данный период именно совнархоз оказался ключевым звеном управления, повлиявшим не только на текущее развитие региона, но и определившим его перспективы на ближайшие десятилетия.

Важнейшим результатом деятельности совнархоза стало завершение строительства ТЭЦ-2, начатое еще в 1953 г. В ноябре 1958 г. была пущена в строй первая, а в 1959 г. – вторая турбина теплоэлектроцентрали. Через два года мордовская энергосистема была подключена к единой энергосистеме европейской части СССР. Энергетическая база создала условия для строительства новых промышленных предприятий и увеличения численности жителей города.

Мордовский совнархоз добился самых высоких темпов промышленного роста в истории региона. Было завершено строительство завода медпрепаратов, электролампового и кабельного заводов, завода «Электровыпрямитель», которые в дальнейшем стали ведущими предприятиями в своих отраслях в масштабе страны.

Руководство совнархоза проанализировало препятствия на пути развития республики и разработало систему мер для их скорейшего решения. Были увеличены темпы строительства жилья, без чего было не-

возможно создание новых промышленных предприятий. Неудовлетворительное обеспечение трудящихся жильем увязывалось с затягиванием сроков строительства, его высокой стоимостью, недостаточным внедрением индустриальных методов, разбросанностью строек, разнотипностью проектов. Для ускорения темпов строительства было решено вести его на свободных территориях, что позволяло экономить на сносе, не мучиться с подведением коммуникаций, использовать однотипные проекты, строить не отдельные дома, а кварталы, применять экономичные проекты жилых домов, внедрять крупнопанельное строительство.

Усилиями совнархоза произошла значительная интенсификация строительства. Были построены и реконструированы заводы железобетонных конструкций, предприятия по производству стеновых материалов, прокатные базы строймеханизмов, ремонтно-механические и авторемонтные предприятия, асфальтобетонный завод. В соответствии с этими решениями в значительном пространственном отдалении от центра города в короткие сроки возникли новые микрорайоны, застроенные типовыми пятиэтажными домами. Активизировалось дорожное строительство, что для республики, где 90 % дорог не имели твердого покрытия и более полугода являлись непроезжими для автотранспорта, имело принципиальное значение.

Отсутствие собственных полезных ископаемых предопределило отраслевой профиль Мордовии как региона, производящего наукоемкую продукцию: полупроводники, выпрямители, электролампы, кабели и т. д. Под запросы производства стали увеличиваться темпы строительства учебных заведений, как средних, так и профессионально-технических. Именно с подачи совнархоза, который нуждался в специалистах инженерного профиля, было принято решение об основании в 1957 г. Мордовского государственного университета.

В период совнархоза Саранск вновь оказался в центре радикальных трансформаций. Впечатляющие результаты оказались сопряжены с существенными инфраструктурными и социальными дисбалансами. Ускорение темпов жилищного строительство посредством локализации жилищных районов обернулось ростом расходов на создание коммуникаций, растянутыми электрическими, газовыми и водопроводными сетями. Выросла потребность в средствах транспорта, автомагистралях, троллейбусных линиях. Город столкнулся с острой транспортной проблемой из-за ежедневных перемещений тысяч людей на работу и обратно.

Новые микрорайоны были лишены социальной инфраструктуры. Строительство поликлиник, детских садов, игровых площадок, магазинов происходило значительно позже. Если бытовая неустроенность смягчалась по мере строительства необходимых объектов, а типовая застройка укрывалась в кронах деревьев, то транспортная проблема осталась.

Важнейшим наследием совнархоза стала обширная промышленная зона. В отличие от жилых микрорайонов, построенных в значительном удалении от центра, промзона примыкала к центральной части города, занимая 25 % от его территории. Одним из результатов подобного зонирования стал рост масштабов загрязнения и заболеваемости населения.

Форсированное промышленное развитие Саранска менее чем за десять лет привело к удвоению численности населения. За шесть лет существования совнархоза число городских жителей увеличилось с 65 до 130 тыс. чел.⁶ Строительство промышленных предприятий, жилищных домов, детских садов, школ и больниц, улучшение качества дорог, электрификация, газификация, централизованное отопление, транспортная система, несомненно, способствовали улучшению жизни горожан, хотя и

⁶ ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 8. Д. 458. Л. 56.

не успевали за темпами роста населения. В Саранске были построены музыкально-драматический театр, телецентр, картинная галерея, стадион, книжная база, два кинотеатра, здание клуба строителей. В 1962 г. был открыт педагогический институт. Шесть новых кинотеатров были открыты в Рузаевке и Ковылкине, а в селах республики – 135 клубов и 37 библиотек, причем в основном была завершена радиофикация населенных пунктов.

Несмотря на все успехи, городская среда сохраняла непривлекательный характер: неблагоустроенный центр города, примыкающая к центру обширная промзона, локализация спальных районов, типовое жилищное строительство, отсутствие зон отдыха свидетельствовали о продолжении развития в рамках утилитарной парадигмы, где интенсивная модернизация не только не способствовала ее преодолению, а, напротив, усугубляла проблемы, накопленные ранее.

К концу 1980-х гг. численность населения Саранска превысила 300 тыс. чел., что, как и в предыдущее десятилетие, было связано с ростом промышленного производства. В 1971 г. республику впервые возглавил местный уроженец: первым секретарем Мордовского обкома КПСС стал А. И. Березин. В эти годы в политике центра в большей мере учитывались интересы республики. В центре города были построены крупные общественные здания и комплексы республиканского значения: Дом политпросвещения, здание Совета министров, корпуса университета, техникумы, стадион, школы, больничные комплексы, Дворец пионеров, Дом быта, редакционный корпус, здание обкома КПСС. Налицо были успешные попытки применения ландшафтного дизайна: в городском пространстве появились и получили зеленое оформление бульвары и скверы, были разбиты цветочные клумбы, вокруг общественных зданий посажены голубые ели, липы, сирени, акации, пирамидальные тополя. При оформлении зданий использовались масштабные мозаики и скульптурные украшения. Позитивные изменения ограничивались не-

хваткой ресурсов, бедностью отделочных материалов, а также типовым характером архитектурных решений.

Обсуждение и заключение

Мордовская автономия не успела оформиться к началу 1920-х гг., поэтому почти не успела к политике национального строительства, где автономии являлись субъектами политических отношений с центром. К тому моменту, когда была сформирована МАССР, перед ее руководством была поставлена задача вовлечения широких мордовских масс в реализацию политики партии. Попытки осуществления коренизации в конце 1930-х гг. были решительно пресечены Москвой. Делопроизводство в республике велось на русском языке. Мордовские языки преподавались и изучались, но либо на факультетах подготовки учителей, либо в районах компактного проживания мордвы. Процесс замещения руководящих постов контролировался из центра посредством системы номенклатурного учета кадров [3, с. 388]. Руководство республики вплоть до начала 1970-х гг. действовало в режиме ротаций, что исключало формирование как национальных, так и региональных политических кланов. На всем протяжении советского периода ни один мордвин не был назначен на высший руководящий пост в республике. Советская власть стремилась не допустить превращения автономных республик в островки национальной государственности с возможной перспективой возникновения этнического сепаратизма.

В послевоенный период задачи социального строительства в регионе были в основном решены, а мордовское население автономии было в значительной степени интегрировано в общероссийские общественно-политические процессы. В этот период феномен национальных автономий, в той форме, в которой он был востребован советской властью, в значительной степени себя исчерпал. Кризис автономий начался уже в период реформы управления промышленностью. При этом что реальные управленческие полномочия были переданы на уровень регионов, власти республики

были отодвинуты на периферию принятия политических решений. Организационно и персонально совнархозы представляли собой управленческие структуры союзного центра и потеряли смысл, когда столичные управленцы уехали в Москву.

В период совнархоза индустриальное развитие республики стало происходить за счет строительства промышленных предприятий, большей частью саранских, работавших на привозном сырье и кооперированных поставках. Это укрепляло единую экономическую систему СССР, но обесмысливало экономические связи внутри региона, подрывало его самообеспеченность. Доля легкой и пищевой промышленности, работавшей на местном сырье, сократилась с 30 и 33 % в 1958 г. до 15 и 19 % в 1962 г. соответственно⁷. Значительно усилилась неравномерность в развитии столицы и сельских районов, во многих из которых проживало мордовское население.

Отмеченный выше управленческий волюнтаризм руководства совнархоза был, безусловно, вызван общей атмосферой эпохи и волюнтаристской политикой высшего руководства страны. Руководство совнархоза состояло из «варягов», которые рассматривали свое пребывание в Саранске как вынужденное, проводя значительное время в столичных командировках. Их мотивация определялась стремлением как можно быстрее выполнить задачи партии и вернуться в столицу. Экономические и инфраструктурные диспропорции, возникшие в период деятельности совнархоза, были связаны с тем, что люди, принимавшие долгосрочные решения стратегического характера, руководствовались краткосрочной и даже конъюнктурной мотивацией, не рассматривая себя как часть местного социума.

Недовольство республиканских властей существовавшей структурой власти прозвучало на четвертой сессии Верховного

Совета МАССР 1965 г. в выступлении председателя Совета министров республики И. П. Астайкина: «В последние годы в результате перестройки руководящих органов по производственному принципу роль местных Советов оказалась принижена. Районные сельские и поселковые советы были лишены возможности вмешиваться в дела хозяйственного строительства»⁸. Очевидно, что рассуждения председателя Совета министров были не о полномочиях местных Советов, которых у них никогда не было, а о приниженности руководства республики.

В 1978 г. была принята Конституция Мордовской АССР, в которой статус и место республики в ее взаимоотношениях с органами власти РСФСР и СССР определялись следующим образом: во-первых, обозначался круг вопросов, отнесенных к ведению республики; во-вторых, указывалось, что МАССР проводит решения органов власти и управления РСФСР и СССР; в-третьих, утверждалось, что в решении вопросов, отнесенных к ведению РСФСР и СССР, республика участвует через высшие органы государственного управления РСФСР и СССР и что экономика МАССР составляет часть экономики РСФСР, единого народнохозяйственного комплекса. Тем самым автономия законодательно закреплялась как инструмент центральной власти на территории региона. Автономная республика не располагала ни субъектностью, ни финансовыми ресурсами для решения местных проблем. В распоряжении республиканских органов власти находился очень небольшой бюджет, позволявший решать только ограниченные задачи. Так, из 212 млн руб., которые хозяйственные организации республики в 1980 г. получили на развитие сельского хозяйства, только 8 млн выделялось из бюджета Мордовии⁹. Из 142 млн руб., направленных на выплату пенсий, содержание интернатов и до-

⁷ ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 8. Д. 419. Л. 60.

⁸ Там же. Д. 556. Л. 42.

⁹ ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 10. Д. 462. Л. 45.

мов престарелых, лишь 5 млн относились к бюджету республики¹⁰. Финансирование промышленности практически полностью осуществлялось через союзные и республиканские министерства и ведомства. Для того чтобы решать проблемы занятости в районах и малых городах республики, председатель Совета министров обращался к руководству научно-производственного объединения «Светотехника», которое за пять лет, с 1971 по 1975 г., построило 25 цехов и филиалов в Рузаевке, Ардатове, Темникове, Чамзинке, Кадошкине, Больших Березниках и Атюрьево¹¹. Республика не могла самостоятельно решать такие задачи.

Важнейшим объективным достижением Мордовской автономии стало обеспечение всеобщего двуязычия мордовского населения. В середине 1970-х гг. 62 % сельского и 90 % городского населения из мордвы подтверждали, что свободно говорят, читают и пишут на русском языке¹². Это сняло всякие ограничения для профессионального и карьерного роста граждан мордовской национальности, обеспечив им возможность получать образование и работать на всей территории Советского Союза, чем и воспользовались десятки тысяч людей.

Повышение мобильности усилило ассимиляционные процессы среди мордвы, хотя и не поставило под угрозу устойчивость мордовского этноса. Доля мордовского населения в автономии оставалась неизменной, незначительно снизившись – с 34 до 32 %. Что касается численности, то за послевоенный период, с 1959 по 1989 г., она сократилась с 358 до 313 тыс. чел. – на 1/8. В Пензенской области за аналогичный период численность мордвы уменьшилась со 109 до 86 тыс. чел. – на 1/5, в Оренбургской области – с 95 до 69 тыс. чел. – на 1/3, а в

Горьковской (Нижегородской) области – с 64 до 37 тыс. чел. – почти наполовину. В Куйбышевской (Самарской) области за 30 лет численность мордвы увеличилась со 115 до 116 тыс. чел. В среднем по РСФСР численность мордвы уменьшилась с 1,2 до 1,07 млн чел. – на 1/9¹³. Как видно, в Мордовской автономии процессы ассимиляции мордвы происходили несколько медленнее, чем по соседним регионам, но быстрее, чем по России в целом. Мордовское население Куйбышевской области выросло безо всякой автономии. За счет интенсивного миграционного потока к 1989 г. выросла численность мордовского населения Москвы и Московской области, Рязанской, Ленинградской, Тюменской и ряда других областей¹⁴. З. В. Сикевич трактует национальную политику СССР как систему мер, целенаправленно реализованную для стирания национальных различий [7, с. 316]. Однако опытом Мордовской АССР это не подтверждается. Вполне очевидно, что создание Мордовской автономии не ставило целью ускоренную ассимиляцию мордовского этноса, а было направлено на развитие производительных сил региона и создание условий для вовлечения в него мордовского народа. Рост межнациональных браков и этническая ассимиляция мордвы стали результатом личного выбора граждан, а не административного воздействия государства.

В 1970-е гг. обеспечение реального двуязычия мордвы объективно привело к упадку такие востребованные ранее сферы деятельности, как переводы, книгоиздательство и журналистика. Согласно результатам этносоциологического обследования, в 1973–1974 гг. 71 % мордвы в селе и 88 % в городе читали только русскую прессу¹⁵. За 50 лет значительно уменьшилась потреб-

¹⁰ ЦГА РМ. Ф. р-234. Оп. 10. Д. 462. Л. 53.

¹¹ Там же. Д. 8. Л. 34.

¹² См.: Мордва: ист.-этногр. очерки. Саранск, 1981. С. 306.

¹³ См.: Мордовия: Энциклопедия. Саранск, 2004. Т. 2. С. 19.

¹⁴ См.: Мордва. Очерки по истории, этнографии, культуре мордовского народа. Саранск, 2004. С. 184.

¹⁵ См.: Мордва: ист.-этногр. очерки. С. 306.

ность в учителях, преподающих на мордовском языке, поскольку дети находились в системе двуязычия с ранних лет.

Мордовская автономия обеспечила профессиональное развитие национальной культуры, однако число ее потребителей было ограничено из-за русскоязычного характера взаимодействия в столице региона. В первые же десятилетия создания автономии наблюдался впечатляющий рост численности городского мордовского населения – с 1,5 до 10,5 тыс. чел. с 1926 по 1939 г., а его доля возросла с 2 до 13 %. К 1959 г. численность городского мордовского населения выросла еще в 2 раза, но на фоне притока русскоязычных переселенцев его доля сократилась до 12 %. С 1959 по 1989 г. численность городского мордовского населения выросла с 22 до 120 тыс. чел., его доля – с 12 до 22 %¹⁶. В послевоенный период, в условиях расширения масштабов двуязычия, городская мордва не расширяла число потребителей национальной культурной продукции, участвуя в культурном потреблении на русском языке.

Единая экономика, единая школа и русский язык как база коммуникаций, науки и культуры обеспечили высокие темпы развития народов России. Обеспечив реальное двуязычие, самореализацию граждан всех национальностей и необходимый уровень развития производительных сил, советская власть по-прежнему воспринимала регионы как объекты, а не как субъекты федеративных отношений, навязывая, а не предлагая пути регионального развития, что привело к кризису национальной политики и всей системы национально-го-

сударственного устройства СССР к концу 1980-х гг.

В годы советской власти возникла и была успешно реализована такая форма национально-государственного устройства, как национальная автономия. Мордовская национальная автономия была организована по инициативе представителей мордовской национальной интеллигенции, рассматривающих ее как форму национального самоопределения мордовского народа. С точки зрения реальной политики при помощи автономии были решены совершенно другие, но очень важные задачи, без которых было невозможно осуществление модернизации региона: она обеспечила, во-первых, всеобщее распространение национально-русского двуязычия; во-вторых, охват мордовского населения социалистическими преобразованиями и, как следствие, его интеграцию в единое экономическое и общественно-политическое пространство страны; в-третьих, профессиональное развитие мокшанского и эрзянского языков и культуры. Поскольку население автономной республики рассматривалось властями не как субъект, а как объект преобразований, результатами проводимой политики стали не только интенсивные модернизационные процессы, но и серьезные социальные и инфраструктурные дисбалансы, вызванные не столько объективными факторами, сколько волюнтаризмом исполнителей. К началу 1970-х гг. Мордовская автономия объективно себя исчерпала, не располагая субъектностью и не имея механизмов для реализации интересов населения региона.

Список источников

1. Бахлов И. В. Оформление принципа национальной автономии как основы государственного устройства Советской России // Вестник Мордовского университета. 2012. № 3–4. С. 50–54.
2. Вдовин А. И. Русские в XX веке. М.: Олма-Пресс, 2004. 446 с.
3. История Мордовии: в 3 т. Т. 3: От Гражданской войны к гражданскому обществу. Саранск, 2010. 512 с.
4. Мякшев А. П. Национально-языковое строительство в Советском Союзе в послевоенный период: основные направления и тенденции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2015. № 3. С. 40–48. DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-40-48.

¹⁶ См.: Мордва: ист.-этногр. очерки. С. 187.

5. *Мякшев А. П.* Советская национальная политика: факторы успеха, уникальность исторического опыта, причины краха // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2017. № 1. С. 46–51. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-46-51.
6. *Полынов М. Ф.* Проблемы и противоречия в развитии национальных отношений в СССР в 1970 – первой половине 1980-х годов // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2008. № 2. С. 3–26.
7. *Сикевиц З. В.* Противоречия советской национальной политики: размышления эксперта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2017. Т. 10, № 3. С. 315–328. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2017.305.
8. *Тишков В. П.* Национальная политика довоенного советского периода. URL: <http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/vystupleni2/stalinizm.html>.

References

1. *Bahlov I. V.* Formalization of the principle of national autonomy as the basis of the state structure of Soviet Russia. *Vestnik Mordovskogo universiteta* = Bulletin of Mordovia State University. 2012; 3–4: 50–54. (In Russ.)
2. *Vdovin A. I.* Russians in the XX century. Moscow, 2004, 446 p. (In Russ.)
3. History of Mordovia. In 3 volumes. Vol. 3: From the Civil War to Civil Society. Saransk, 2010, 512 p. (In Russ.)
4. *Myakshev A. P.* The National-ethnic Formation of the USSR in the Post-war Period: the Main Directions and Tendencies. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya* = Izvestiya of Saratov University. History. International Relations. 2015; 3: 40–48. (In Russ.). DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-40-48.
5. *Myakshev A. P.* Soviet National Policy: the Success Factors, Unique Historical Experience, Reasons of Failure. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya* = Izvestiya of Saratov University. History. International Relations. 2017; 1: 46–51. (In Russ.). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-46-51.
6. *Polynov M. F.* Problems and contradictions in the development of national relations in the USSR in the 1970s – the first half of the 1980s. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)* = Society. Environment. Development (Terra Humana). 2008; 2: 3–26. (In Russ.)
7. *Sikevich Z. V.* Contradictions and Paradoxes of the Soviet National Policy: the Expert's Reflections. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya* = Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology. 2017; 10(3): 315–328. (In Russ.). DOI: 10.21638/11701/spbu12.2017.305.
8. *Tishkov V. P.* National policy of the pre-war Soviet period (2024). Available at: <http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/vystupleni2/stalinizm.html>. (In Russ.)

Поступила 28.11.2023.

Сведения об авторе

Щербакова Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: история СССР второй половины XX в., послевоенные экономические реформы в СССР, история Мордовии второй половины XX в. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9106-6555>.

E-mail: tatyana_shcherbakova@bk.ru

About the author

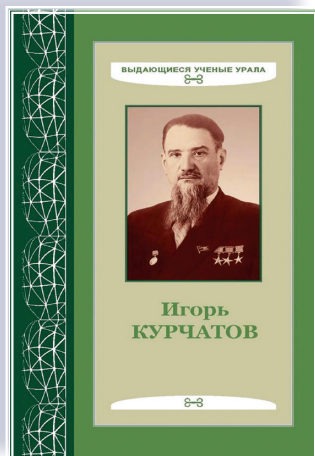
Tatyana I. Shcherbakova – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Russian History, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: the history of the USSR of the second half of the 20th century, the post-war economic reforms in the USSR, the history of Mordovian republic of the second half of the 20th century. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9106-6555>.

E-mail: tatyana_shcherbakova@bk.ru

Submitted 28.11.2023.

ISSN 2409-630X (Print), ISSN 2618-916X (Online)

DOI: 10.15507/2409-630X.064.020.202401.081-084

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Игорь Курчатов: уральский след в науке / Р. В. Кузнецова, В. Н. Кузнецов, О. Ю. Жарков, Н. А. Антипин. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2023. 560 с. (Национальное достояние России. Выдающиеся ученые Урала)

THE REVIEW ON THE MONOGRAPH:

Igor Kurchatov: the Ural trace in science / R. V. Kuznetsova, V. N. Kuznetsov, O. Yu. Zharkov, N. A. Antipin. Ekaterinburg, 2023, 560 p. (National treasure of Russia. Outstanding scientists of the Urals)

В. В. Запарий

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), e-mail: vvzap@mail.ru

Аннотация

Рецензия написана на коллективную монографию, посвященную исследованию уральского периода жизни и научной деятельности академика И. В. Курчатова, а также истории создания, становления и развития первого предприятия ядерного оружейного комплекса Урала – завода № 817 (ныне – Производственное объединение «Маяк»). В монографии впервые системно исследована многоаспектная работа И. В. Курчатова по разработке и научному руководству внедрения технологии обогащения плутония-239, необходимого для первой отечественной атомной бомбы. Через призму анализа истории участия И. В. Курчатова в строительстве первого промышленного атомного реактора и пуске его в эксплуатацию показана общая картина реализации советского атомного проекта на Урале.

Ключевые слова: атомный проект СССР, научный руководитель, предприятие атомной промышленности, Урал.

Vladimir V. Zapariy

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, (Ekaterinburg, Russia), e-mail: vvzap@mail.ru

Abstract

The review was written on a collective monograph devoted to the study of the Ural period of life and scientific activity of academician I. V. Kurchatov, as well as the history of the creation, formation and development of the first enterprise of the nuclear weapons complex of the Urals – plant No. 817, now the Mayak Production Association. The monograph is the first

© Запарий В. В., 2024

to systematically examine the multifaceted work of I. V. Kurchatov on the development and scientific management of the implementation of enrichment technology for plutonium-239, necessary for the first domestic atomic bomb. Through the prism of analyzing the history of participation of I. V. Kurchatov in the construction of the first industrial nuclear reactor and its commissioning shows the general picture of the implementation of the Soviet nuclear project in the Urals.

Keywords: USSR nuclear project, scientific director, nuclear industry enterprise, Ural.

Имя выдающегося советского ученого, физика-ядерщика Игоря Васильевича Курчатова знают не только в России, но и далеко за ее пределами. Знания о нем связаны в основном с его научным руководством отечественным атомным проектом. Он является одним из девяти трижды Героев Социалистического Труда, работавших в атомной отрасли. Однако широкого освещения периода его научной деятельности, в котором им достигнуты основные практические результаты научных разработок и были воплощены в реальное промышленное производство именно на уральской земле, недостаточно. Кроме того, с Южным Уралом связаны его детские годы, а также годы научного руководства первенцем атомной промышленности на Урале – заводом № 817 (ныне – Производственное объединение «Маяк»).

Представленная монография подготовлена к 120-летию со дня рождения И. В. Курчатова. Он одним из первых в мире выявил возможность выделения энергии колоссальной мощности в результате деления атомного ядра и реализовал их при создании первых отечественных ядерных боеприпасов, а затем участвовал в разработке технологий по использованию атомной энергии в мирных целях.

В рецензируемой монографии авторами исследованы события и факты из жизни И. В. Курчатова, его становление как ученого-физика, научная деятельность по руководству первоочередной общенациональной программой.

Рецензируемая монография вышла в серии «Национальное достояние России. Выдающиеся ученые Урала» при поддержке Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» и Уральского отделения Российской академии наук (УрО РАН).

Авторы проделали масштабную научно-исследовательскую работу. В ходе ее проведения ими были исследованы, проанализированы и обобщены опубликованные документы высших органов партии и государственной власти в области научно-технической политики из Архива Президента Российской Федерации; архивные документы и материалы, хранящиеся в государственных, региональных и ведомственных архивах, в музейных коллекциях, а также в семейных архивах; сборники опубликованных архивных документов из оперативного архива Службы внешней разведки России, Архива Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом», Архива Национального исследовательского центра «Курчатовский институт», Архива Российской академии наук и других архивохранилищ; научные труды И. В. Курчатова, опубликованные в двух сборниках; опубликованные воспоминания о И. В. Курчатове и мемуары, в которых затрагивается его деятельность, а также большие массивы архивных документов, хранящихся в фондах научно-технической документации Производственного объединения «Маяк». Это позволило впервые ввести в научный оборот ряд документов.

Кроме архивных источников, авторами была проработана специальная, в том числе ведомственная, малодоступная для широкого круга читателей литература, сопоставлены сведения из опубликованных и неопубликованных источников, что позволяет сделать вывод о комплексном и фундаментальном характере научного

исследования вклада И. В. Курчатова в создание первых предприятий атомной промышленности на Урале.

Таким образом, на основе рассекреченных архивных документов, их глубокого анализа в совокупности с опубликованными и неопубликованными источниками, свидетельствами современников в рецензируемой монографии представлена объективная, научно выверенная картина описываемых событий.

Достоинством публикации является то, что в ней удалось иллюстрировать текст многочисленными фотоиллюстрациями и копиями архивных документов.

Композиция и общая характеристика содержания книги

Рецензируемая книга имеет оригинальную структуру, для которой характерно хронологическое описание событий и фактов. Авторами определены и обоснованы основные этапы жизни и научной работы И. В. Курчатова. Из этих этапов выделены и описаны подробно период становления ученого, совершенствование им научных знаний на основе экспериментов в лабораториях и передовых способах проверки полученных знаний в практике изучения тайн атомного ядра, выдвижение его на передовые позиции в отечественной физической науке и назначение руководителем советского атомного проекта.

Текст книги разделен по главам и параграфам, которые содержат информацию о научном росте ученого на соответствующем этапе жизни. Описание соответствующего этапа в развитии объектов атомной промышленности сопровождается фотографиями и документами.

В первой главе монографии подробно исследованы архивные материалы (архивы Челябинска, Уфы, Златоуста) о роде Курчатовых, живших в поселке Симского завода Уфимского уезда Уфимской губернии (с 13 ноября 1942 г. – г. Сим в Ашинском районе Челябинской области), и роде Остроумовых (родные по линии супруги И. В. Курчатова), живших в поселке «Миньярский завод».

Кроме того, в первой главе проведен подробный историографический обзор источников и публикаций, вышедших в России об академике И. В. Курчатове. В обзоре доказано, что уральская часть его биографии до настоящего времени является малоизученной по причине засекреченности части архивных источников, а цельного научного труда о его научной работе на Урале в российской историографии еще не было. Анализ историографии сделан на основании исследования многолетнего директора Мемориального дома-музея И. В. Курчатова в Москве Р. В. Кузнецовой, биографа и курчатоведа, доктора исторических наук, которое называется «Историографический обзор источников и литературы, опубликованных по теме “Академик Игорь Васильевич Курчатов (1903–1960)”».

Во второй главе монографии описана малоизвестная область научных изысканий И. В. Курчатова, которая была связана с оборонными задачами в начальный период Великой Отечественной войны. В первый военный год И. В. Курчатов являлся научным руководителем разработки технологии размагничивания кораблей Черноморского, Каспийского и Северного флотов, что позволило сохранить советские корабли от подрыва немецкими магнитными минами. За эти разработки ему было присвоено звание лауреата Сталинской премии 1-й степени. Малоизвестно, что, кроме работ в области размагничивания кораблей, в 1942 г. он занимался созданием брони для танков Т-34, экранированной решетчатой преградой.

Третья глава посвящена научной деятельности И. В. Курчатова в довоенный период и начальный период реализации советского атомного проекта. Из текста главы

читателю становится известно, что осенью 1925 г. И. В. Курчатов принят на работу в Ленинградский физико-технический институт (ЛФТИ) – в тот период основной физический центр в Советском Союзе, где под руководством академика А. Ф. Иоффе проводил научные исследования по физике диэлектриков. Именно в стенах этого научного учреждения проявился его незаурядный талант физика-экспериментатора. Научная карьера И. В. Курчатова сложилась очень удачно. К 27 годам он уже занимал должность заведующего лабораторией, а в 30 лет, в 1934 г., за исследования в области физики диэлектриков ему была присуждена степень доктора физико-математических наук без публичной защиты диссертации. По поручению директора ЛФТИ А. Ф. Иоффе он начал исследования в области физики атомного ядра, однако их дальнейшему проведению помешала начавшаяся война.

На этапе работ до начала Великой Отечественной войны были получены результаты, позволившие целенаправленно идти к созданию советской атомной бомбы. Как известно, общее руководство атомной проблемой в 1943 г. было возложено на И. В. Курчатова, и были созданы различные научно-организационные структуры. Строительство исследовательских установок требовало крупных финансовых вложений и было сопряжено с большими трудностями. Но даже война лишь на время прервала работы по урану. Впоследствии пришлось наверстывать упущенное.

В четвертой главе подробно исследована деятельность И. В. Курчатова по научно-му руководству заводом № 817 (ныне – Производственное объединение «Маяк») – по получению необходимых компонентов для первых отечественных атомных бомб. Во впервые опубликованных архивных документах показана роль И. В. Курчатова в создании советского атомного оружия.

В пятой главе размещены воспоминания коллег и друзей И. В. Курчатова об уральском периоде совместной работы.

В шестой главе сосредоточены материалы об увековечивании памяти И. В. Курчатова на Урале. Представлена подробная информация о памятниках И. В. Курчатову в Симе, Челябинске, Озерске, Снежинске, а также материалы экспозиций музеев Сима, Челябинска, Трехгорного, Озерска, Заречного (Свердловская область). Кроме того, включены материалы о праздновании на Южном Урале 120-летия со дня рождения И. В. Курчатова, в том числе об открытии памятной доски в г. Симе.

Родившегося на Южном Урале и участвовавшего в строительстве на Урале первых предприятий атомной промышленности И. В. Курчатова челябинцы считают своим земляком и выдающимся уральским ученым. Его имя навечно вписано в историю Урала, а его личность является предметом гордости южноуральцев.

В приложении к тексту помещены архивные документы советской разведки о работах по атомной тематике за рубежом, а также копии письменных отчетов и заключений И. В. Курчатова по документам, полученных от разведывательных органов. Кроме того, в приложении размещены научный аппарат, состоящий из списка использованных источников и литературы; указатель данных об участниках атомного проекта, упоминания о которых имеются в тексте; список сокращений, аббревиатур.

Книга прекрасно выполнена в издательстве «Банк культурной информации». В ней представлены малоизвестные фотографии и интересные документы, которые помогают читателю проникнуть в творческую лабораторию великого физика.

Авторами являются известные ученые-историки в области атомной тематики, имеющие большое количество опубликованных научных работ. Это позволяет утверждать, что материал публикации выверен и является объективным и историчным.

Проведенная научно-исследовательская работа заслуживает положительной оцен-

ки и, несомненно, является обобщающим, фундаментальным научным трудом, в котором авторам удалось опубликовать новые, не известные до настоящего времени документы, факты и события, впервые вводимые в научный оборот. В рецензируемой работе реконструирована стройная и правдивая картина развития событий за весь период научной деятельности И. В. Курчатова на уральской земле.

Издание вышло при поддержке Всемирной федерации ассоциаций, центров, клубов ЮНЕСКО, Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест (ICOMOS) и Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). К читателям обратились руководители Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом», Уральского отделения РАН, Челябинской области, что свидетельствует об их доверии к ее содержанию.

Считаю, что в целом авторы успешно решили исследовательские задачи, сделали научно обоснованные выводы. Коллективная монография «Игорь Курчатов: уральский след в науке» соответствует требованиям научности и объективности исследования, представляет собой законченный научный труд, существенно расширяющий знания об истории реализации отечественного атомного проекта на Урале.

Книга издана по заказу Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» и адресована всем, кто интересуется историей рода Курчатовых, а также историей создания атомной промышленности на Урале.

Надеюсь, что она будет востребована читателями, прежде всего ветеранами атомной отрасли, а также активно использоваться в образовательном процессе в региональном компоненте при изучении истории России. В целом рецензируемая книга займет достойное место в числе исторических научных исследований, пополнит публикации об истории становления и развития атомной отрасли. Издание книги станет заметным событием в среде научной общественности.

Поступила 24.12.2023.

Сведения об авторе

Запарий Владимир Васильевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и социальных технологий Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). Сфера научных интересов: металлургия, техника. Автор более 1 000 научных и учебно-методических работ. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9558-4173>.

E-mail: vvzap@mail.ru

Submitted 24.12.2023.

About the author

Vladimir V. Zapariy – Doc. Sci. (History), Professor, Department of History and Social Technologies, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia). Research interests: metallurgy, engineering. The author of 1 000 scientific and educational works. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9558-4173>.

E-mail: vvzap@mail.ru

ISSN 2409-630X (Print), ISSN 2618-916X (Online)
DOI: 10.15507/2409-630X.064.020.202401.085-090

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

**Цительманн Р. Капитализм не проблема,
а решение. Путешествие по новейшей истории
пяти континентов / Р. Цительманн.
М.: Социум, 2023. 301 с.**

THE REVIEW ON THE MONOGRAPH:

**Zitelmann R. Capitalism is Not a Problem,
It is Solution. The Journey through the Modern
History of the Five Continents / R. Zitelmann.
Moscow, 2023, 301 p.**

А. А. Сомкин

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: alexsomkin@mail.ru*

Аннотация

Западноевропейская научная общественность очень тепло приветствовала появление монографии известного современного немецкого историка и социолога Р. Цительманна «Капитализм не проблема, а решение. Путешествие по новейшей истории пяти континентов» (2023). Работа получила восторженные отзывы от таких выдающихся представителей бизнес-элиты как Стив Форбс и Джон Мэки. Характеризуя работу в целом, можно сказать, что она представляет собой в известной степени апологетическое воспевание современного капитализма. Переживая периоды острого кризиса как неотъемлемую часть своего развития, капитализм нуждается в объяснении своих провалов и определении своих перспектив. Именно этим и пытается заниматься автор на страницах своей работы.

Aleksandr A. Somkin

*National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),
e-mail: alexsomkin@mail.ru*

Abstract

The West European scientific and public community very warmly welcomed the appearance of the monograph by the famous modern German historian and sociologist R. Zitelmann "Capitalism is Not a Problem, It is Solution. The Journey through the Modern History of the Five Continents" (2023). The work has received rave reviews

© Сомкин А. А., 2024

from such prominent members of the business elite as Steve Forbes and John Mackey. Characterizing the work as a whole, it can be said that it is to some extent an apologetic celebration of modern capitalism. Experiencing periods of acute crisis as an integral part of its development, capitalism needs to explain its failures and determine its prospects. This is exactly what the author is trying to do in his work.

Примерно пять столетий назад в истории человечества начался постепенный переход к господствующей ныне форме хозяйствования, обусловленный разрушением прежних феодальных отношений и зарождением новых экономических связей. Еще примерно 200 лет назад оформилось и само определение данной формы экономического уклада – «капитализм» (впервые данное слово упоминается в романе У. М. Теккерея «Ньюкомы», изданном в 1854 г., затем получает научную трактовку в трудах Л. Блана и П.-Ж. Прудона). С тех пор не смолкают споры относительно того, чем капитализм является для человечества – благом или ведет его к гибели. Периодически, особенно в кризисные периоды, которыми характеризуется развитие рыночной экономики, регулярно проходящей через этапы подъема и спада, появляются и защитники идей капитализма. В частности, после Второй мировой войны, когда коммунистическое движение нашло отклик в сердцах многих людей по всему миру и под лозунгами которого начала разворачиваться борьба угнетенных народов против западноевропейских колонизаторов, понадобились философы, которые смогли бы отстоять идеи либерализма в этом идеологическом противостоянии. Таковыми, в частности, оказались, например, Ф. А. фон Хайек и К. Поппер, попытавшиеся в своих трудах по-новому взглянуть на разворачивавшиеся общественно-исторические процессы в мире, дать им оценку и увидеть перспективы дальнейшего развития капитализма.

В этом смысле представляет значительный интерес для научного и экономического сообщества работа современного немецкого историка, политолога и социолога Райнера Цительманна «Капитализм не проблема, а решение. Путешествие по новейшей истории пяти континентов», впервые изданная на немецком языке в 2018 г. и переведенная на русский в 2023 г. Автор – известный немецкий ученый, родившийся в 1957 г. в семье писателя и теолога А. Цительманна во Франкфурте-на-Майне. После окончания школы он увлекся изучением истории и политологии (с 1978 по 1986 г.) в Дармштадтском техническом университете. Закономерный результат этого увлечения – успешная защита степени доктора в области естественных и исторических наук. Затем Р. Цительманн пять лет работал ассистентом в Институте социологии при факультете политологии и общественных наук Свободного университета Берлина.

Однако деятельная натура не позволила ему долго заниматься чем-то одним. Поэтому помимо научных изысканий Р. Цительманн пытался реализоваться и в других сферах. Его пригласили на должность главного редактора в одно из крупнейших издательств Германии «Ульштейн и Проппе» (крупный издательский союз, занимавший третье место в стране по влиянию). В это же время он входил в состав членов правления данного издательства. Такой широкий опыт работы на разных должностях впоследствии помог ему успешно руководить различными отделами (в частности, отделом недвижимости) в одном из ведущих новостных и аналитических немецких изданий Die Welt.

В 2000 г. Р. Цительманн ушел в «свободное плавание» и основал компанию Dr. ZitelmanPB GmbH. Через несколько лет титанического труда он вывел ее на ведущие позиции среди консалтинговых агентств Германии в области продаж не-

движимости, заработав таким образом внушительное состояние. При этом Р. Цительманн не бросил науку и в 2016 г. защитил вторую докторскую диссертацию по социологии. Столь разносторонняя деятельность позволила ему обобщить накопленный научный и практический опыт ученого и предпринимателя и написать интересную, актуальную, но вместе с тем во многом дискуссионную работу.

Книга получила множество восторженных отзывов в прессе. Вот лишь некоторые из них. Так, Стив Форбс, главный редактор журнала Forbes, пишет о монографии: «Одна из самых важных книг за последние десятилетия, защищающая капитализм... Адам Смит был бы впечатлен – и горд». Ему вторит Джон Мэкки, основатель компании Whole Foods Markets: «Множество мифов, критикующих капитализм, опровергаются множеством фактов и убедительных аргументов, на которые критики не смогут эффективно ответить. Любой, кто хочет знать правду о капитализме, должен прочитать эту книгу». Высокую оценку дает и Брэд Липс, генеральный директор Atlas Network: «Эта давно назревшая книга критически исследует и тщательно переосмысливает десять самых популярных антикапиталистических тезисов. Наконец-то кто-то сделал это! И не раньше времени». С ним соглашается и Кристиан Нимиетц, руководитель отдела политической экономии Института экономических дел (Лондон): «Эта книга отвечает на острую потребность, особенно сейчас, когда нелиберальные политики обвиняют капитализм в бедах, которые они сами создали с помощью интервенционистской экономической политики. Давайте будем благодарны за то, что “В защиту капитализма” содержит тщательный обзор фактов, которые доказывают нашу правоту» и т. д.

Ключевая идея Р. Цительманна состоит в том, чтобы исследовать экономику стран, в которых государство последовательно сокращает вмешательство в экономические процессы по принципу «Больше рынка – больше процветания, меньше бедности». Автор сравнивает то, как развивались события в разных странах, включая Западную и Восточную Германию, Северную и Южную Корею, капиталистическое Чили и социалистическую Венесуэлу, ищет причины и анализирует последствия. В ходе такого изучения он приходит к выводу, что именно капитализм многократно помогал решать огромные проблемы, стоявшие перед человечеством в последние несколько столетий. Поэтому самая большая опасность для мирового процветания, по мнению Р. Цительманна, заключается в том, что во многих странах забывают эти уроки истории и пытаются проводить опасные эксперименты с социалистическими идеями [2].

Рост антикапиталистического ressentiment вызван прежде всего последствиями финансового кризиса 2008 г., который часто стал интерпретироваться политиками, экономистами и интеллектуалами левого толка как доказательство провала рынка или даже краха капиталистической системы. Книга написана как ответ на эти взгляды и выражает серьезные опасения относительно возможного отказа от основ экономического процветания.

Современная экономика, полагает Р. Цительманн, может быть организована на основе двух базовых принципов: на праве частной собственности и отсутствии такого права. Однако ни одна из двух систем не существует сегодня в чистом виде. Важным вопросом здесь является разумная пропорция между регулирующим вмешательством и свободой предпринимательства. Выступая за увеличение доли капиталистических элементов в экономике, автор утверждает, что это обычно приводит к ускорению экономического роста и увеличению благосостояния большинства людей.

Так, в конце 1950-х гг. в Китае от голода умерло около 45 млн чел. Ответственность за их гибель автор возлагает на коммунистическое руководство страны и его неразумные попытки провести социалистический эксперимент, который Мао Цзэдун назвал «Великий скачок вперед». После смерти Мао ранее всемогущее государство и его плановая экономика постепенно сокращались, все больше места отводилось рынку и была вновь введена частная собственность. В результате сотни миллионов китайцев смогли подняться из нищеты до среднего класса (глава 1 «Китай: от голода к экономическому чуду»).

Потерпел неудачу социалистический эксперимент в советской Германии. В ГДР коммунисты на протяжении десятилетий отстаивали лозунг, что социалистическая плановая экономика обгонит капиталистический Запад в экономическом отношении. При распаде ГДР выяснилась масса печальных фактов. Так, например, домашний телефон имелся всего лишь в 16 % домохозяйств «осси» (восточные немцы, жители ГДР) по сравнению с 99 % «весси» (жители Западной Германии). Советским «осси» приходилось ждать в среднем по 15 лет, чтобы получить возможность приобрести «трабант» (марка восточногерманских малолитражных автомобилей, ставших одним из символов ГДР). В то же время в ФРГ практически любой гражданин мог пойти в автосалон и выбрать из огромной линейки качественных автомобилей (глава 3 «Германия: невозможно обогнать “мерседес” на “трабанте”»).

Схожие процессы происходили на другом конце света – в двух разных Кореях. До того как Корея была разделена на капиталистический Юг и коммунистический Север в 1948 г., она была одной из беднейших стран мира, сравнимой по уровню жизни с большинством бедных африканских стран (глава 2 «Африка: капитализм более эффективен в борьбе с бедностью, чем иностранная помощь»). Однако благодаря капиталистическому подходу Южная Корея пережила мощный экономический подъем. Продукция таких компаний, как LG и Samsung, пользуется широкой известностью и популярностью во всем мире, а люди в Южной Корее живут в процветании. Северная Корея с плановой экономикой, управляемой государством, бедна настолько, что без помощи извне не способна справиться с голодом, регулярно уносящим жизни сотен тысяч людей (глава 4 «Северная и Южная Кореи: Ким Ир Сен против мудрости рынка»).

Более того, свое превосходство капитализм подтвердил не только в напряженном соперничестве между коммунистическими и капиталистическими государствами, но и в рамках так называемых стран каплагеря. Все формы «демократического социализма» привели к краху, будь то в Великобритании в 1960-х и 1970-х гг. или в Швеции в 1970-х и 1980-х гг. Только когда эти две страны после неудачных экспериментов с «демократическим социализмом» свернули государственную поддержку и снова дали рынку больше свободы, они смогли вернуться на путь роста и процветания (глава 5 «Ставка на расширение капитализма: рыночные реформы Тэтчер и Рейгана в Великобритании и США»; глава 7 «Швеция: миф о скандинавском социализме»).

Капитализм так же успешно работает и в Южной Америке. Венесуэла, будучи одной из богатейших стран мира полвека назад, становилась все беднее и беднее в результате чрезмерного государственного регулирования. Окончательный упадок начался с приходом к власти социалиста Уго Чавеса, яростного противника рыночных идей. Чили является одной из «самых капиталистических» стран в мире, где население живет лучше, чем когда-либо раньше. За последние 30 лет экономика Чили росла примерно на 5 % в год, в то время как в Венесуэле, стране с крупней-

шими в мире запасами нефти, инфляция выше, чем в любой другой стране мира (глава 6 «Южная Америка: почему чилийцы живут лучше венесуэльцев?»).

Индекс экономической свободы от Wall Street Journal и исследовательского центра Heritage Foundation ежегодно измеряет экономическую свободу почти в 180 странах. В 2018 г., согласно оценке Индекса, 34 страны в мире были определены как экономически (преимущественно) свободные (Швейцария, Австралия, Швеция и Нидерланды и др.; и 21 страна – как полностью авторитарная (Иран, Северная Корея, Венесуэла и др.) [2]. В каждом случае более свободные страны демонстрируют более высокие экономические показатели, чем страны с репрессивной экономикой. Голод и нищета преобладают там, где капитализм не имеет достаточной свободы, например в Африке. История – это большое экспериментальное поле, и результаты очевидны: в тех странах, которые осмеливаются дать капитализму больше возможностей для реализации и сократить влияние государства на экономику, жизнь людей постоянно улучшается (глава 8 «Экономическая свобода повышает благосостояние людей»; глава 9 «Финансовый кризис: кризис капитализма?»; глава 10 «Почему интеллектуалы не любят капитализм»; глава 11 «Настоятельный призыв к прокапиталистическим реформам»).

Вместе с тем можно отметить в утверждениях автора ряд дискуссионных положений, не позволяющих читателю безоговорочно принять приводимые аргументы как однозначно верные. Так, не совсем корректна апелляция к абсолютной благостности капитализма. Из последних 150 лет задокументированной истории развития известно, что примерно 75 лет, т. е. почти половину своего существования, капиталистические страны погружались в кризис. В время Великой депрессии в такой ведущей капиталистической стране, как США, потребовались серьезный отход от рыночной экономики и применение крутых мер госрегулирования, чтобы преодолеть данный кризис.

Кроме того, при внимательном рассмотрении часто оказывается, что капитализм в общем-то беспомощен без серьезной финансовой поддержки извне. Так, например, разрушенным во время Второй мировой войны европейским державам пришлось участвовать в программе экономической поддержки со стороны США, известной как план Маршалла, в отличие от СССР, получившего наибольший экономический ущерб.

То же самое можно сказать и о переходе Южной Кореи к рыночной экономике. Только благодаря значительной финансовой и технологической поддержке Соединенных Штатов, строивших из Южной Кореи «витрину» капитализма в противовес коммунистическому «трудовому лагерю» ее северной соседки, оказавшейся в изоляции и под санкциями, этот переход оказался успешным.

При этом автор почему-то совершенно «забывает» про капиталистические страны, расположенные в Центральной Америке или на Африканском континенте, – с давней историей рыночных отношений в экономике, которым еще очень далеко до хотя бы минимально доступного уровня благополучия от уровня развитых стран [1].

Данный перечень возражений и уточнений далеко не полный, и его можно продолжить. Вместе с тем книга может оказаться интересной для всех изучающих экономическую историю благодаря большому фактологическому материалу, на который опирается автор, и историческому подходу, который он использует в трактовке тех или иных событий.

Список источников

1. Сомкин А. А. Новые формы отчуждения личности и пути их преодоления в современном демократическом обществе // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2014. № 2. С. 93–102.
2. Цителмани Р. Капитализм не проблема, а решение. Путешествие по новейшей истории пяти континентов. М.: Социум, 2023. 301 с.

References

1. Somkin A. A. New Forms of Alienation of an Individual and Ways to Overcome it in the Modern Democratic Society. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2014; 2: 93–102. (In Russ.)
2. Zitelmann R. Capitalism is Not a Problem, It is Solution. The Journey through the Modern History of the Five Continents. Moscow, 2023, 301 p. (In Russ.)

*Поступила 12.11.2023.***Сведения об авторе**

Сомкин Александр Алексеевич – доктор философских наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: социальная философия, концепция целостной личности, межкультурная коммуникация. Автор более 180 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7833-0729>.

E-mail: alexsomkin@mail.ru*Submitted 12.11.2023.***About the author**

Aleksandr A. Somkin – Doc. Sci. (Philosophy), Professor, Department of the English language for professional communication, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: social philosophy, conception of the integrated personality, cross-cultural communication. The author has more than 180 scientific publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7833-0729>.

E-mail: alexsomkin@mail.ru

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

Уважаемые коллеги!

Редакция научного журнала «Экономическая история» (ISSN 2409630X) принимает к рассмотрению научные статьи, аналитические и библиографические обзоры, рецензии.

Планируемые рубрики:

- Методологический выбор в современных историко-экономических исследованиях.
- Модернизационные парадигмы в экономической истории России.
- Экономическая политика государства: история, современная практика, перспективы.
- Индустриальное наследие России.
- «Жизненная история» провинциального предпринимательства.
- Аграрная история.

1. Публикация статей бесплатная. Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала в порядке поступления. Для повышения качества журнала все статьи, поступающие в редакцию, проверяются на плагиат.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Авторами их могут быть ученые, исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

3. Требования к оформлению материалов:

- УДК;
- инициалы и фамилия автора; организация, город, страна, электронный адрес;
- заголовок статьи;
- аннотация (150–250 слов), должна включать актуальность темы исследования, постановку проблемы, цели исследования, методы исследования, результаты и выводы;
- ключевые слова (не более 15 слов и словосочетаний, отражающих специфику темы);
- структура статьи. Статья должна быть структурирована в формате IMRAD (Introduction, Methods, Results and Discussion):

Введение (Introduction) включает актуальность темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановку проблемы исследования, формулирование цели и задачи исследования;

Методы (Materials and Methods) описывают методы и схему наблюдений, позволяющие воспроизвести их результаты, пользуясь текстом статьи. Описывают материалы и другие условия проведения наблюдений (это описание методики исследования и обоснование ее выбора);

Результаты (Results) представляют фактические результаты, полученные в ходе проведенных исследований (тест, графики, диаграммы, уравнения, фотографии, рисунки);

Обсуждение (Discussion) содержит интерпретацию полученных результатов исследования, их анализ и комментарии;

Заключение (Conclusion) содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них;

- текст статьи в объеме 10–15 страниц формата А4, включая рисунки, таблицы и графики. Текст оформляется в редакторе Word для Windows в формате .rtf или .doc; шрифт Times New Roman, кегль 14, одинарный интервал. Количество рисунков – не более 4. Подписи выполняются кеглем 12 на русском и английском языках. Отдельно представляются рисунки в формате .jpeg. Текст таблиц набирается кеглем 12 на русском и английском языках. Если рисунки и таблицы не авторские, на них обязательно должны быть ссылки;

- благодарности: автор выражает признательность коллегам за помощь; благодарность за финансовую поддержку исследования и т. д.;

- приставный список источников составляется в алфавитном пронумерованном порядке на русском и английском (транслитерирование) языках в соответствии с ГОСТ 7.0.5.2008 с указанием обязательных сведений библиографического описания. В тексте сноски оформляются в квадратных скобках;

- аффилиация авторов: Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, область научных интересов, количество научных публикаций, обязательно – ORCID (Open Researcher and Contributor ID – уникальный идентификатор ученых), контактная информация (на русском и английском языках).

4. Текст статьи представляется на бумажном и электронном носителях.

Требования к файлам: 1) в качестве имени файла использовать фамилию первого автора на русском языке (например, Иванов.doc); 2) имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например, Рис. 1.jpeg).

5. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение двух недель автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи.

6. Статьи, не соответствующие условиям п. 3, не рассматриваются.

7. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что она принята к публикации. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор возвращает в редакцию вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

Редколлегия оставляет за собой право отбора статей для публикации.

CONDITIONS AND ORDER OF ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

Dear colleagues!

The editorial office of the scholarly journal «Russian Journal of Economic History» (ISSN 2409630X) takes into consideration the scientific articles, analytical and bibliographic overviews, reviews.

The planned rubrics:

- The methodological choice in contemporary historical and economic researches.
- The modernization paradigms in the economic history of Russia.
- State economic policy: history, the current practice and prospects.
- Russian industrial heritage.
- «Life Story» of the provincial entrepreneurship.
- The Agrarian History.

1. Publication of articles is free. Scientific articles are accepted during a year and in case of positive results of an independent expertise are included in the next issue of the journal in order of reception. To improve the quality of the journal all articles submitted to the editors are checked for plagiarism.

2. The journal publishes articles, exhibiting a high degree scientific originality, theoretical and practical significance. In the article should be presented the main results of the study. Their authors may be academic researchers, doctoral students, graduate students, applicants.

3. Requirements for the materials:

- The classification indexes of the Universal Decimal Classification (UDC);
- Initials and surname of an author;
- The article title;
- An annotation of an article, it should include the relevance of the research topic, problem statement, research objectives, research methods, results and findings;
- Keywords (no more than 15 words and phrases, they should reflect the specificity of the topic);
- Structure of the article. The article should be structured in the IMRAD format (Introduction, Methods, Results and Discussion):

Introduction includes the relevance of the research topic, a review of the literature on the research topic, setting up the research problem, formulating the goal and objectives of the study;

Methods: the methods and the scheme of observations, allowing to reproduce their results using the text of the article are observed. The materials and other conditions for conducting observations are described (this is a description of the research methodology and the rationale for its selection);

Results present the actual findings obtained during the conducted studies (test, graphs, diagrams, equations, photographs, drawings);

Discussion contains the interpretation of the obtained research results, their analysis and comments;

Conclusion consists of a concise summary of the sections of the article without repeating the formulations given in them;

– Text of an article is of 10–15 pages of A4 format, including figures, tables and graphs. Text should be formatted in Word for Windows format or RTF & DOC; Times New Roman font, font size 14, single interval. The number of drawings is not more than 4. Figure captions are performed the 12th a size in Russian and English. Drawings are represented separately in the .jpeg format. Tables are typed the 12th a size in Russian and English. If drawings and tables are not original they must be referenced necessarily;

– Acknowledgments: The author expresses gratitude to the colleagues for their help; Thanks for the financial support of the study, etc.;

– The bibliographic list is compiled in alphabetical order in Russian and in English (transliteration) languages in accordance with state standard 7.0.5.2008 with indication of the required information of the bibliographic description. In the text footnotes are made in square brackets;

– Affiliation of authors: full name, last name, academic degree, title, position, field of research interests, number of scientific publications, necessarily – ORCID (Open Researcher and Contributor ID), contact information (in Russian and English).

4. Text of the article is submitted on paper and electronic storage medium.

The file requirements: 1. As the file name should be used the name of the first author in Russian (for example: Ivanov.doc). 2. The file names of illustrations should coincide with their numbers in the text (for example: Drawing. 1.jpeg).

5. Received materials are registered and within two weeks the author (authors) is sent confirmation of receipt of the article.

6. Articles that do not meet the conditions of clause 3 are not considered.

7. Returning of the manuscript to the author for revision does not mean that it is accepted for publication. After receiving the revised text it shall be reviewed by the editorial board. The revised text of the author returns to the editorial office together with the original copy of the article, as well as responses to all comments. Date of receipt of the article is the day of getting by the editorial office of the final version of the article.

The Editorial Board reserves the right to select articles for publication.